

Ирина
Урсе

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УНИЧОЖУ ТЕБЯ,
Принцесса

УНИЧОЖЬ ТО, ЧТО УНИЧОЖАЕТ ТЕБЯ

Ирина Ирсс

Уничтожу тебя, принцесса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69960796

SelfPub; 2023

Аннотация

Арсений Багиров – парень с самой сексуальной ухмылкой и глазами, способными украсть сердце даже снежной королевы. А ещё он тот, кто меня ненавидит. Два года назад он забрал мой первый поцелуй и разбил сердце, когда я узнала, что это всё было ради спора. Я отомстила ему, уверенная, что наши жизни больше не пересекутся никогда. Но вместо этого совершила самую настоящую ошибку. Теперь мы учимся вместе, и он поклялся уничтожить мою жизнь.

Содержание

Глава 1. Крис	4
Глава 2. Арс	17
Глава 3. Крис	27
Глава 4. Крис	41
Глава 5. Арс	57
Глава 6. Крис	62
Глава 7. Крис	74
Глава 8. Арс	91
Глава 9. Арс	101
Глава 10. Крис	119
Глава 11. Крис	127
Глава 12. Крис	135
Глава 13. Крис	143
Глава 14. Крис	165
Глава 15. Крис	187
Глава 16. Крис	197
Глава 17. Крис	206
Глава 18. Арс	215
Глава 19. Арс	225
Конец ознакомительного фрагмента.	226

Ирина Ирсс

Уничтожу тебя, принцесса

Глава 1. Крис

Арсений 18 лет, Кристина 18 лет

– Ты бы хоть лицо сделала повеселее, что ли, – кидает Римчук Женя, друг старшего брата, щёлкнув меня по носу, точно я маленькая девочка.

Я отмахиваюсь от его руки, становясь ещё более недовольной. Ненавижу это место. Ненавижу, что сегодня первый день осени, завтра на учебу, и мы собирались с подругами провести этот вечер на «отлично», проводив лето, но стоило Карине узнать, что сегодня на треке гоняет Кайманов Егор, ещё один друг моего брата, как она уговорила и Яну, и Василису поехать сюда.

Место, которое я старательно избегаю последние два года, хотя иногда меня всё же заносит сюда вот таким образом «мнения большинства».

И эти разы я только и делаю, что оглядываюсь по сторонам, чтобы не встретиться ни с одним ЕГО другом, кто знает, что я сделала.

Оказывается, у плохих поступков есть последствия. Такие, как, например, чувство вины. Про то, чтобы встретить

ЕГО – парня, чей браслет всё ещё ношу по непонятным причинам на своём запястье, и вовсе не может быть речи.

А вот на треке, или как ещё называют его некоторые «горе», шансы встретиться с ним возрастают до неведомых высот.

Арс всё ещё здесь появляется. Редко, насколько мне известно, но мне везти вечно не может, и каждый чертов раз я уверена, что сегодня моя удача махнёт ручкой.

– Не вижу ничего весёлого в том, чтобы смотреть на обезумевшую толпу, сливающую деньги на азарт, – отвечаю Риму, складывая руки на груди и снова оглядываясь.

Девчонки понятное дело где-то потерялись в толпе основного веселья, где можно познакомиться с каким-нибудь парнем.

Здесь в принципе много девушек в мини-юбках и откровенных кофточках, потому что это место точно супермаркет крутых парней на дорогущих или тюнингованных тачках. Выбирай, не хочу. Как минимум, восемьдесят процентов из них сегодня уедут на одной из подобных машин.

Например, на такой, на которой сижу я – Камаро моего старшего брата с эффектной аэрографией брызгов крови на капоте. И судя по тому, что сегодня он здесь без своей стервы-девушки, есть вероятность, что и эта тачка подвезёт одну из «мини-юбок» домой.

Сам Яр тоже где-то потерялся, очевидно, скоро заезд и он рядом с Егором. Рим остаётся со мной, возможно, вызвав-

шись меня охранять, но я бы предпочла, чтобы и он ушёл, а я со спокойной душой, села в машину и залипла в телефон, пока подружки вдоволь упиваются мужским вниманием, а Кар пускает слюни на Кайманова, так и надеясь, что «тот самый их единственный раз» был не случайностью, а влюблённостью Егора, о которой он пока что ещё и сам не догадывается.

– А смотреть на толпу, сливающую бабки на бои, совсем другое дело? – Рим садится рядом и пихает меня плечом, указывая на то, что в их клубе я абсолютно равнодушна к ставкам. – Ей богу, Крис, это место тебя меняет до неузнаваемости. Только здесь тебя вижу такой сварливой старухой.

Кидаю на Женю испепеляющий взгляд, и дело далеко не в том, как он меня назвал. Он слишком близко подобрался к моему секрету, о котором не знает никто.

– И правда, с чего это вдруг? Не из-за того ли, что здесь гоняет мой брат и я за него просто переживаю? – быстро нахожу себе оправдание.

Вот только не вовремя, так как сбоку звучит голос того, кто точно знает, что это не так.

– Да ладно заливать. Только сегодня мне желала, чтобы я напоролся глазами на штырь, раз всё равно ими не умею пользоваться, не видя очевидных вещей.

Я прикусываю губу, поворачиваясь лицом к Яру.

– Я любя и всё по той же причине, что слишком переживаю за твою жизнь.

Яр, усмехаясь, кивает, не веря ни единому слову.

– Ладно, вот прямо сейчас готова тебя полюбить, если ты мне скажешь, что Егор уже на старте, и мы скоро сможем отсюда перебраться в любое другое место, – не упускаю возможности попытаться удачу, напомнив ему ещё раз, что я не горела желанием сюда ехать.

И слава вселенной, Яр делает этот вечер по-настоящему хорошим, когда говорит:

– На старте, но участник в самый последний момент сменился. Удач проверяет доки, чтобы все было законно.

Потому что Кайманов гоняется только на тачки. Как-то так вышло, что в самый первый раз, они решили эффектно о себе заявить, когда Егор поставил на кон свою машину. С тех пор он не изменяет себе. Он не большой фанат гонок, деньги ему не нужны, но он любит иногда напомнить о себе и выпендриться. И ему будет плевать, если он проиграет тачку. Поэтому хмурый настрой Яра мне непонятен.

– И почему ты говоришь об этом так, будто случилось что-то плохое? Подумаешь, какая разница, кому проигрывать тачку. Ну или выигрывать, он всё равно их где-то складировать.

Брат переводит взгляд туда, где стоят участники. С высоты его роста, увидеть их ему не составляет труда. Это мне удастся их разглядеть только в прыжке.

– Соперник явно не трезв, и мы его не особо знаем.

– Это проблема?

– С учётом того, что он сто процентов нарываемся, да.

Тут даже мне становится интересно, кто этот парень, сумевший так встревожить Яра, который обычно ни на что непоколебим. Я скидываю с ног вьетнамки и в наглую залезаю на капот, чтобы увидеть, игнорируя выражение лица брата, собирающегося возмутиться моей выходке, но я его дёргаю на себя, чтобы держаться за его плечи и прикрывать его спиной своё «мини», выглядывая того отчаянного, но когда вижу...

Мое сердце летит в пропасть.

– Кое-кто сказал, что он без тормозов и слишком рискован, – продолжает говорить Яр, но я его толком не слышу.

Потому что он говорит про Арса.

Соперник Егора – парень, который ни на секунду не задумается, чтобы меня задушить.

Черт, кажется, моя удача официально показала мне средний палец.

Мне нужно срочно вернуть сердцебиению жизнеспособный ритм, пока не стало слишком поздно.

Это всего лишь парень, который, по злому року судьбы, по-прежнему выглядит так, будто сошёл с обложки журнала самых сексуальных парней планеты.

Он стоит боком, сложив руки на крыше такой же чёрной машины, как и вся его одежда, и опираясь на неё в ожидании, когда всё будет готово. Но даже глядя на его профиль, можно получить ожог сетчатки глаза от того, насколько он красив и идеален.

В одном меня можно понять точно: я была слишком занята его глазами и улыбкой, чтобы думать головой, попытавшись найти хотя бы одно логическое объяснение, как у простого парня, которым он себя выставлял, может быть дорожный мотоцикл.

Но так, наверное, было веселее играть со мной. Единственное, в чем он ошибся, я не из тех, кто будет убегать в слезах и оплакивать разбитое сердце.

Не то чтобы я не пожалела о своём поступке. Но в тот момент, когда я поняла, что расплатится совершенно невиновный человек, было уже поздно. Родители даже слушать меня не стали, когда просила забрать заявление, потому что для них особо ничего не изменилось.

У них был обвиняемый, а признаться, что я всё выдумала, так и не смогла.

Я хотела наказать Арса, а по итогу стояла напротив него, у отделения полиции, из которого его только что «откупил» отец, и понимала, какую совершила ошибку.

Не удивительно, что у меня есть причины его избегать. По-хорошему мне бы и с капота пора спуститься, пока он не повернул голову, но я не могу перестать на него смотреть. Изучать, как изменился. Он явно больше не тот парень с прекрасной и доброй улыбкой, выражение лица непроницаемое, взгляда хищного ни на секунду не спускает с Кайманова, точно...

Омойбог.

– Яр, – мой голос, вероятнее всего, впервые звучит так сдавленно, но брат, очевидно, тоже слишком занят, следя за тем, что там происходит, чтобы заметить его.

Просто поднимает на меня взгляд:

– Что?

– Вы встречались уже здесь с ним?

Он смотрит обратно.

– От силы раз пять, но никогда не пересекались между собой.

Черт. Арс знает, что Яр мой брат. Я не могу гарантировать, что мои догадки верны, и всё же у меня появляется нехорошее предчувствие.

«С учётом того, что он сто процентов нарывается, да».

– А почему соперник сменился в последний момент?

На этот раз Яр задерживает на мне более долгий взгляд, пока я продолжаю неотрывно пялиться на Арса. Выражение его лица не меняется, он всё ещё уничтожающе глядит на Егора, который и сам выглядит так, будто ему всё это не нравится.

– Какие-то личные тёрки. Тот, кто должен был участвовать, якобы что-то должен этому, – Яр кивает на Арса, и мне основательно становится не по себе.

Глупость, но... Я посадила друга Арса, почему бы что-то не сделать моим друзьям?

– В общем, мы сами толком не поняли. Но Егор не стал сливаться с заезда.

– Как знакомо, – вставляет Римчук, но я сейчас слишком загружена другим, чтобы задумываться, о чем речь.

– Нам нужно остановить Кайманова, – говорю Яру максимально серьезно.

А я редко выгляжу так, будто у меня предынфарктное состояние, чтобы брат сразу же не обратил на это внимание.

– Что? – не понимает он.

Конечно, он не понимает. Я никому не рассказывала про Арса. Даже Миру, младшему брату, который пытался меня предупредить, что до него доходили слухи, а я не стала его слушать, предпочла ничего не говорить. Никто не знает, как я поступила. И признаваться сейчас тоже не лучший момент, но мне срочно нужно найти причину остановить Егора, пока...

Поздно. Я вижу, как Удав, ещё один друг из компании Яра, кивает какому-то парню со стороны Арса, тот ему отвечает поднятым пальцем вверх, а в следующий момент и Егор, и Арс оживают, отталкиваясь от тачек. Я резко сажусь вниз, едва не попавшись Багирову на глаза. Яр всё ещё ждёт от меня объяснений, но я уже надеваю обувь, чтобы подобраться ближе к треку.

Понятия не имею, что мне делать, но я не выдержу на своей совести еще одного чувства вины.

Визг срывающихся с места машин отправляет мое сердце к желудку. Та самая «плохая» сторона моей личности, которая берет вверх практически девяносто процентов времени,

настойчиво требует, чтобы я сдала назад.

Вернулась к машине Яра и попросила, чтобы он отвёз меня домой, выдумав какую-либо серьёзную причину. Он отвезёт, в этот нет даже сомнений.

Я не могу встретиться с Арсом, не могу видеть свою самую большую ошибку в жизни, а Егор взрослый мальчик, способный постоять за себя сам. Не я его отправляю стабильно раз в несколько месяцев на трек, чтобы он потешил своё самолюбие, поставив дорогую тачку на кон.

Я всё это понимаю, но всё равно иду, потому что та ещё лицемерка.

Не только тревога за Егора толкает меня всё ближе и ближе к толпе. Я помню слова Яра: Арс не трезв, он нарывается, слишком рискован и без тормозов.

Я не могу развернуться и уйти, когда он здесь, как бы ни убеждала себя, что давно ничего к нему не испытываю.

– Ты можешь мне объяснить, что происходит? – строго требует Яр, перехватывая меня за локоть, когда я уже почти добираюсь до первого ряда, где стоят подруги.

– Сам сказал, что соперник отчаянный, – напоминаю ему. – За Кайманова переживаю, представляешь? Я не такая бессердечная, какой ты меня считаешь, уверенный, что чисто из вредности не люблю это место.

А я ведь почти и не вру. Я правда сейчас переживаю за Кайманова, но лишь по причине, что если с ним что-то случится, есть повод думать, что это всё по моей вине. Но для

Яра мои слова не особо убедительны, вижу, что уже собирается что-то сказать, как тут заговаривает Кар.

– И есть причины переживать, – бросает она через плечо, ловя своими идеально гладкими чёрными волосами блик от фонарей, не забывая при этом одарить Яра улыбкой.

Проигрышный номер, он не спит с моими подругами чисто из принципа, чтобы потом не было проблем, хотя я и уверена, не прыгнула бы к нему в постель, разве что, Василиса. У Карины любовь к Кайманову заключается вся в нежелании принимать истину, что он ей просто воспользовался.

Тут у ее «любимого» проблемы, а она так и поглядывает на Яра. Даже я сейчас за него больше переживаю, Яр тоже забывает, что требовал от меня объяснений, наблюдая за тем, как Арс не оставляет Егору ни единого шанса прорваться.

На самом деле, ничего необычного, но это только на прямой, на повороте, Арс едва ли не подставляется, заставляя Егора уйти в «занос».

– А новенький хорош, – задумчиво тянет Кар, комментируя ход Арса, и какую ему даёт фору его манёвр, а я и не сразу улавливаю смысл.

– Что? – переспрашиваю её, забывая следить за машинами.

– Баг... – она будто пытается вспомнить, когда ей тут на помощь приходит Василиса.

– Багиров Арсений он.

– Точно, – подхватывает Кар. А потом на меня переводит

взгляд, словно опомнившись. – Ох, а я и забыла, что тебя сегодня не было. К нам пришли учиться двое новеньких, – она кивает в сторону трека, а я машинально перевожу туда взгляд, видя Арса. Машины на финальной прямой, он впереди, но я мало это понимаю, в ушах шум поднимается, когда до меня доходит смысл слов подруги. – Единственное, каким бы он хорошеньким ни был, у него девушка, и судя по их отношениям, такую сложно подвинуть. Кстати, она тоже теперь учится с нами.

Девушка.

Новенький.

Оба учатся с нами.

Я пялюсь во все глаза на Арса, мой мозг точно пытается принять слова. Он всё ближе, ещё метров пятнадцать, и он на финише.

Он учится со мной. У него есть девушка.

Десять метров.

Как, черт возьми, я собираюсь выжить?

Пять.

Мне конец.

Я вижу его глаза. Это происходит так внезапно, что я не сразу понимаю другого – его глаза видят меня. Смотрит в упор, аж голову поворачивая, чтобы не отпустить взгляда ни на мгновение, и тут его машина уходит в сторону. Он ловит руль, возвращая взгляд к дороге и пытаясь выровняться, но в этот момент Егор пронесется мимо него, финишируя пер-

вым, а я...

Божечки.

Шмыгаю резко за Яра, прикрывая лицо ладонями и понимая, что Арс только что проиграл тачку из-за меня.

Мне нужно бежать.

– Крис! – окликает Яр.

Но его голос тонет в какофонии, взорвавшейся криком толпы.

Я перехожу на бег, несусь сразу до Рима, который так и остался у Камаро, стоит с каким-то парнем и разговаривает. Ему объяснять ничего не придётся. Он просто очень хороший друг. Не только Яра, но и мой.

– Можешь отвезти прямо сейчас меня домой? – спрашиваю, приближаясь.

Женя переводит на меня взгляд, отвлекаясь от разговора, оценивает моё отчаянное состояние за секунду и тут же кивает в сторону своей БМВ, припаркованной рядом с Камаро, махнув при этом знакомому.

Сам идёт к водительскому, а я ещё быстрее него оказываюсь в машине.

– Я так понимаю, ты всё-таки встретила с причиной своей «сварливости», – говорит, заводя мотор.

Какой пронизательный...

– Просто езжай, пожалуйста, – искренне прошу, откидываясь на сидение и снова накрывая лицо ладонями.

Нужно всерьёз задуматься, что пора бы присмотреться к

другому учебному заведению, если я не хочу, чтобы все узнали правду.

А ещё... у него есть девушка?

«И судя по их отношениям, такую сложно подвинуть.»

О, боги, я не переживу этот год.

Глава 2. Арс

Твою мать... Серьёзно?

Она мне теперь ещё и снится будет?

Потираю глаза и несколько раз промаргиваюсь, прежде чем уставиться в потолок своей комнаты.

Что. За. Дичь?

Я о Рогозиной не вспоминал сколько?

Не меньше года, так точно. Случаи, когда пересекался с её братом, не в счёт. Сложно игнорировать понимание, что она в принципе существует. Но обычно мне хватало беглого осмотра толпы, чтобы тут же откинуть предположение, что она тоже может быть на треке, и сделать вид, что и не помню, кто она такая.

Тогда что это вчера вообще было?

Не то чтобы вчера я совсем о ней не думал, особенно в момент, когда понял, что не могу слить тачку одному из её друзей, даже несмотря на то, что изначально это и собирался сделать. Увидел лёгкую возможность избавиться от нового подарка, чтобы с утра заявить отцу, как глупо её просрал, и с удовольствием посмотреть на выражение его лица. Но ни хрена не смог перешагнуть через себя. Стоял напротив него, пока проверялись доки, и думал, что на этой его тачке принцесса наверняка хоть раз да каталась.

И ещё прокатится не раз.

Лишить чего-то Рогозину?

Детский сад какой-то, понимаю, но вчера я был не особо в том состоянии, чтобы думать, как неразумно себя веду.

А получилось... аж усмехнуться хочется.

Два-ноль, Рогозина. Снова твоя взяла. Даже если на этот раз я реально сам виноват, что думаю о тебе в самый неподходящий момент, довольствуясь раньше времени представлением выражения твоего лица, когда ты узнаешь, кто именно выиграл у Кая тачку.

Привет, так сказать, передать хотел маленький.

Передал, ага.

Ну, хотя бы выражение лица отца у меня будет. Тоже неплохо.

Встаю с кровати и иду в душ, голова слабо гудит, но я уверен, это только потому, что Рогозина в ней дольше положенного задержалась, а не из-за влитого градуса. Она сама по себе похлеще будет отрава.

А когда выхожу из него, сталкиваюсь с ещё одним дерьмовым пониманием этого дня – теперь мне точно придётся учиться, а не делать вид только для галочки.

Матери обещал, и тут уже никак не слиться, сейчас её расстраивать точно нельзя. Плюс, мне вчера хватило провести в этом месте полчаса, чтобы понять, Дана одна там не выживет.

Понятия не имею, что именно привлекает её в подобном учебном заведении, но сам я там точно не хотел бы учиться.

ся. Она реально не осознаёт, что в таких местах, как частные колледжи, со специальной подготовкой к мировым Вузам, нет вообще ничего хорошего.

А она ещё и целый год усердно готовилась, чтобы прыгнуть выше головы и суметь сдать вступительные, поступив сразу на последний третий год, так как ей и обычная школа давалась еле как. Такое там допускается, не все идут после девятого: кто-то просто наработывает себе «бонусы», чтобы без проблем поступить куда-нибудь за границу, так как колледж может такое устроить, кто-то тупо не хочет идти на вышку, учится только для галочки, так как и так является приемником бизнеса.

Что хочет оттуда получить Дана, загадка. Но раз хочет, пожалуйста. Она имеет право после всего, через что ей пришлось пройти.

Ну и этого хочет моя мама, потому что она знает, что если бы это всё устроил отец, я бы точно учиться не стал.

Пусть сам идёт получать образование управленца, может даже завести себе другого наследника – мне до его видов на мою жизнь, как до лампочки.

– Доброе, – целую маму, когда спускаюсь в столовую.

Она улыбается и пожимает моё плечо, пытается делать вид, что всё нормально и завтрак её интересует, как прежде, но одного вида на её тарелку хватает, чтобы понять, такое не возникнет желания даже без тошноты есть. Особая диета при лучевой терапии. И это тогда, когда перед тобой стол

ломится от излишеств.

Издательство какое-то, честное слово.

Сажусь напротив Даны, в сторону отца даже не смотрю, хотя он и сам не шибко присутствует здесь. Сидит что-то читает в планшете. Дана молчит, почти бесшумно разрезая газунью, иногда только поднимает на меня осторожный взгляд, уже готовясь к тому, что может быть, если отец решит со мной заговорить.

Когда Катерина, наша домработница, спрашивает, что мне наложить, прошу ту же жидкую кашу, что ест мама. Она не противная, Катерина явно старается на все двести, но сама субстанция – то ещё наслаждение.

– Готовы? – спрашивает мама с лёгкой улыбкой.

Она так радуется и волнуется, будто ждала этого дня даже больше, чем Дана. Хотя она тоже сразу же зажигается, переводя на маму взгляд.

– Я еле уснуть смогла, – отвечает, готов поклясться, честнее некуда. У неё даже голос насыщен возбуждённым волнением. – Так ждала сегодняшнего дня, хотя даже не представляю, что там будет.

Ничего хорошего, гарантирую. Но мама так не считает, снова улыбается.

– О, я уверена, что вам там понравится, – и на меня взгляд кидает, точно пытается эту мысль как-то вселить в мою голову.

И волей-неволей мне самому приходится натянуть улыбку

в ответ. Никаких расстройств, я даже с отцом лишний раз готов не кусаться, чтобы она не грустила.

– Там не может не понравится с такой стоимостью обучения за год, – вставляет он, даже не отрываясь от экрана.

Вот, как сейчас, например. Тупо смотрю в тарелку. Дана тоже туда смотрит, ей больше всех неудобно от упоминаний про деньги. И меня это бесит, отец сам за это ручился. Плюс, он обещал вылечить их маму, по факту же не смог. Понимаю, что в некоторых ситуациях деньги уже бессильны, но об этом стоило подумать, прежде чем бросаешься громкими обещаниями.

Правда, тут он всё же заработал плюс к своей карме, когда предложил Данае жить с нами и оформил все документы об опеке. Алишу он тоже обеспечил хорошие условия в тюрьме, добился колонии поселения в черте нашего города и уменьшил дорогим адвокатом срок. Ещё пять месяцев, и он будет свободен, а у Даны снова будет её семья. А не такая, как эта, которая держится непонятно, на чем.

Иллюзии?

Отца нет в городе больше трехсот дней в году, мама делает вид, что её не убивает рак и не видит всех снимков, которые ей попадаются, с его любовницами, не слышит разговоров с ними или откровенных следов уже на нем самом. А я делаю вид, что не так сильно его ненавижу, чтобы она не расстраивалась.

Идеальная, мать вашу, семья. Главное всем делать вид,

что каждый ее не ненавидит похлеще другого. Серьёзно, никак не пойму, как Дана ещё с нами не сошла с ума. А вместо этого заботится о маме, останавливает меня, когда я перегибаю, и вполне себе может быть любезной с моим отцом, точно он не конченный грубиян.

– Спасибо за завтрак, – говорит она, улыбаясь, затем смотрит на меня. – Тебя подождать в доме или на улице?

– Нет, я уже всё, – встаю первым. – Можем ехать.

Не хочется мне оставлять маму с отцом, да мне в принципе не хочется её оставлять одну в этом доме, но благо хоть Катерина с ней ещё будет какое-то время. Конечно, отец на неё уже руку не поднимает. Этого и правда больше не было с тех пор, как они снова сошлись, но в остальном он ведёт себя с ней отвратительно, а когда она заболела год назад, и вовсе делает вид, что она привидение в этом доме. Ушёл бы давно, всем бы проще было, но, ей богу, иногда у меня ощущение, что ему просто нравится делать её несчастной.

Да всех нас.

– Я тоже поеду, – встаёт следом за нами отец, что не может меня не порадовать. Лучше пусть будет мама одна, чем чувствовать себя пустым местом. – День сегодня обещает быть тяжелым, опять появились какие-то неурядицы с этим заводом, мешающие его купить. Вцепились так в него, будто он не тянет их в прорву, – рассуждает он, словно кому-то это интересно, кроме него, но мама всё равно его поддерживает.

– Мне кажется, тебе уже самому нужно попробовать пере-

говорить с их директором и объяснить, что это пойдёт только на пользу, – предлагает она.

Но мирный вариант не для отца. У него хобби такое загонять людей в безвыходное положение, сносить просто разом – мощно и без шансов противостоять.

– Он в заднице, Света, это в его...

– Идём, Арс, – касается моей руки Дана, когда уже остаиваюсь, собираясь проконтролировать, чтобы он не нагрубил, но она меня отвлекает на себя. – Нам нужно уехать, пока твой отец не увидел, что его машины нет. Тогда скандал будет ещё хуже, твоей маме сейчас точно не надо видеть, как вы ругаетесь, знаешь же.

Знаю. Потому что это расстраивает её больше всего, она почему-то всё верит, что между нами вражда прекратится. А я сам никак не могу остановиться, выкидывая подобные номера, как, например, просрать тачку.

О чем думал, вообще непонятно. Она могла тупо стоять и стоять, садиться за руль меня бы никто не заставлял. Но он снова сделал ей больно и прикатил вчера с новыми подарками, а я просто не смог не воспользоваться возможностью.

Тут Дана права, нам и правда лучше уехать раньше него. Киваю ей, и мы сразу же выходим. Она берет сумку, а я пока даже не парюсь, так и не решив, насколько серьёзно придётся подходить к учебе. Идём к гаражу, Дана сегодня выглядит непривычно, она, конечно, и так изменилась за последние два года, но сейчас прям подготовилась на все сто. Насмот-

релась вчера на местных учениц. Всё лето сдувала с новой формы пылинки, а там толком никто и не ходит в ней. Цвета только подбирают похожие. Вот и она в чёрной кофте, свисающей с плеча и короткой серой юбке, напялила каблуки тонкие, так как там реально без них только пацаны. Про то, как пригладила длинные волосы и вовсе молчу. Она выглядит, как одна из них. Возможно, это плюс, и ей не так будет отстойно себя чувствовать среди этих кукол, а у меня отпадёт причина таскаться туда с ней каждый день.

Выгоняю машину, и она садится на пассажирское, молчит в основном и толком не смотрит. И так продолжается полпути, пока я сам не решаю заговорить.

– Нервничаешь?

Она качает головой.

– Не особо. Я слишком долго ждала этого, больше предвкушение волнительное.

Непонятно чего только, но ладно, не мне её опускать с небес на землю.

– Я просто... – продолжает она со вздохом, – просто не понимаю, зачем тебе вчера вообще всё это надо было?

Неожиданно. Я даже взгляд задерживаю на ней.

– Что именно?

– Машина, Арс, – она и сама поворачивается ко мне. – Неужели, тебе совсем её не жалко? Это такие...

– Какие?

– Огромные, Арс. Нереально огромные деньги. Как мини-

мум, две семьи спокойно могли бы обзавестись простенькими квартирами на них. А ты её проиграл тому, у кого таких самого несколько штук. Если не десяток. Глупо и небрежно. Ты мог закрыть глаза, какая разница, как она тебе досталась?

Да она обижена, честное слово. Снова отворачивается и смотрит в окно.

– Большая разница, Дан, – пытаюсь ей объяснить. Может, она в чём-то и права, я действительно мог её не проигрывать, а пустить во что-то хорошее. Но я не настолько добрый, как она, чтобы думать о нуждающихся. – Меня и моя машина устраивает. В остальном, как пришла, так и ушла.

Неубедительно, очевидно, потому что она только заводится.

– Но ты выигрывал! Я видела, а потом... потом тебя точно выкинуло на мгновение из управления. Мало того, что проиграл машину, так чуть ещё и не убился. И после этого даже глазом не повёл, будто всё было так и задумано! – продолжает негодовать она.

А я едва ли не качаю головой. Ну вот зачем, а? Только же забыл про Рогозину. Этот день так и грозит стать отвратительным с самого утра.

– Почудилась... кочка, – блондинистая.

Но я не собираюсь кому-то говорить правду. Тем более, Дане, которая удрученно вздыхает на моей ответ, но больше тему не развивает, хотя точно не из-за того, что нечего сказать. Мы подъезжаем, а у неё глаза аж зажимаются. А когда

выходим из машины, она и вовсе светится вся. Не идёт, а летит в здание, спеша на первое занятие, попутно всем улыбаясь, что ей остаётся лишь позавидовать. Мне бы подобное рвение хоть к чему-то. В кабинете и вовсе осматриваться начинаю, уже сидят ученики, и по их взглядам понятно, что просто не будет. Хотя... смотря, с кем. Не с девчонками, так точно. Некоторые уже улыбками светят вовсю.

Но не интересуется.

Правда, пока что. Это сегодня у меня дерьмовое настроение и Рогозина в голове, а завтра всё может измениться.

Сажусь за вторую парту на первом ряду, рядом с Даной и снова собираюсь осмотреться, как...

Что за?

Рогозина, твою мать. В прямом смысле этого слова. Живая и настоящая перед моими глазами.

Что я сказал про завтра? Рано зарекся. Чертова стерва и завтра будет в моей голове. И целый, чтоб его, год.

Глава 3. Крис

Это всего лишь маленькая ложь, ничего страшного. Я и похлеще придумывала, чтобы куда-то смотаться. Миллион раз имитировала болезнь, чтобы не идти в школу, так сейчас-то почему боюсь?

Ночь толком не спала, всё представляла, как сегодня отвертеться от учёбы, а войти в кухню так и не могу.

Мама там пока что одна – идеальный момент, а у меня ладони вспотели.

Может быть вся причина в том, что если не доиграю, всё накроется?

Ох, чтоб его... к черту, что будет, то будет.

От самой себя тошно, честное слово.

Я не боялась идти в школу даже после того, как напридумывала про классную, что у неё заразное заболевание в шестом классе, чтобы сорвать контрольную, так как была к ней не готова, хотя и понимала, что мне за это будет, когда та узнала, почему весь класс протестовал заходить в её кабинет. А тут какой-то парень.

Парень, который может разрушить мою репутацию одним только словом.

– Мааам, – протягиваю еле живым голосом, входя в кухню. Держу ладонь на лбу и морщусь, точно мне больно от света. – Голова так болит, стучит прям в висках. У тебя есть

какие-нибудь таблетки? – спрашиваю умоляюще, точно зная, что дальше она сама будет действовать и предлагать отлежаться.

Но она даже взгляд не успевает поднять, когда за спиной звучит:

– Анти-похмелин, желательно ей, – проходит мимо меня Яр, говоря, как бы между делом. – Полночи эту актрису где-то носило. А теперь непонятно, чего это у неё голова болит? – издевательски задаёт он вопрос, поворачиваясь и всем видом показывая, что это за что-то месть, что мои глаза только так округляются.

Вот же!..

– Неправда! – вспыхиваю я. Да потому что он внаглую врёт, зная, что я была дома, сам лично меня проверял, когда вернулся ночью домой. – Это ты таскался непонятно где до трёх!

Но Яр за мгновение отбивает:

– До трёх, офигеть, да? – кивает, точно я понимаю, о чем речь. – Вот, до какого времени я тебя искал, как идиот, пока не добудился Рима! – выдаёт строго, а потом разворачивается, чтобы налить воды, продолжая ворчать: – Даже не удивительно, что вы нашли общий язык, хоть бы один из вас ознакомился с настоящими функциями телефона. Считай, я так сказал тебе «спасибо» за все накрывшиеся планы. В следующий раз будешь предупреждать, что решила умотать с трека.

Да он издевается, сдаёт по полной программе.

– Ну ты и... – собираюсь такой порцией уже своего «спасибо» огорошить, но мне и тут рот затыкают.

– Кристина! – отдёргивает мама, как всегда.

– Что, Кри... – срываюсь на крик, но тут же замолкаю, понимая, что сдала себя по полной программе.

Мой голос секунду назад звучал живее некуда. Смотрю на маму, она оторвала свой взгляд от работы, видно по ней, что недовольная, качает головой.

– Он первый начал, – детское оправдание, но в нашей семье оно до сих пор актуально, сколько бы нам лет ни было.

А мама только снова качает головой.

– Господи, и с чего я решила девятнадцать лет назад, что трое погодок – это весело? – вздыхает она устало.

Яр же тут же подхватывает.

– Слышала? Я единственный в этой семье, зачатый не по веселью, а по уму. Ещё есть вопросы, почему я самый нормальный? Хотя теперь неудивительно, почему ты умеешь в телефоне пользоваться только фронтальной камерой.

Кто бы сомневался в его идеальности, как будто об этом кто-то не напоминает каждый день. На его провокацию мама даже не реагирует, с маленькой улыбкой лоб потирает, смотря вниз, будто пытается её спрятать.

Просто отлично.

Мечу огненный взгляд в Яра, стоит с раздражающей улыбочкой, а мне так и хочется выдать запретное имя в нашем доме, чтобы хоть немного сбить самодовольствие с его лица.

Но молчу, ему ещё пол дня ходить беситься в универе, глядя на его обладательницу, пусть хоть за мой счёт немного порадуется.

– Ненавижу, – цежу тихо.

Яр опрокидывает в себя залпом стакан и ставит на стол. Пока идёт до меня улыбается.

– И я тебя очень люблю, – он быстро целует в макушку, а потом как ни в чем не бывало спрашивает: – Тебя подбросить?

Невероятно, даже ведь и не стыдно ни капли. Скашиваю на него острый взгляд, выдавая такую же улыбку.

– Спасибо, за предложение, но я воздержусь. Переживаю за твой идеальный мозг. С учётом того, что ты теперь возишь Алёну, боюсь, он не выдержит такого скопления стервозности на один квадратный метр.

Но его это не трогает, он щёлкает меня по носу.

– Слабовато, Крис, ты можешь и лучше. Впрочем, как и твоя игра в головную боль. Ты себя сдала ровно в тот момент, когда начала умолять. Никто в этом доме не купится на твою вежливость. Это же как должно гореть прогулять, что ты потеряла хватку?

Мне хочется ударить Яра, особенно за точное попадание в главную проблему.

Это как должно гореть?

Максимально! А он взял и всё испортил. Тоже мне брат, называется. Всё-таки не стоило его жалеть, не сверкал бы так

улыбкой, когда подмигивает мне и уходит с кухни, направляясь в коридор.

Я беру пару секунд взять себя в руки. Спокойно, ничего не потеряно, я всё ещё могу уговорить маму разрешить мне прогулять.

Сажусь напротив неё, она уже снова вся в работе, что-то внимательно читает и выносит цифры в блокнот.

– Мама...

– Нет, – сразу же.

– Но ты ведь даже меня не послушала!

Она выдыхает и откладывает ручку с планшетом на стол.

– Слушаю.

А от её прямого взгляда аж как-то не по себе становится. Обманывать не хочется, поэтому пытаюсь взять доводами.

– Мне правда нужен этот день, пожалуйста, можешь просто поверить?

Отлично, я захопываю её внимание. Она заправляет светлые пряди за ухо, а потом складывает на груди руки, откидываясь на спинку стула.

– И для чего тебе нужен день?

Я прикусываю губу. Настолько откровенной я не готова быть.

– Просто нужен. Но поверь, это вопрос жизни и смерти.

Мимо, всё, её внимание потеряно, качает головой и возвращается к расчетам.

– Не убедительно.

– Мама, ну пожалуйста...

Игнор. Взглядом даже не ведёт в мою сторону, а я злиться начинаю.

– Знаешь, это нечестно! – иду в наступление. – Когда Яр целый месяц прогуливал на первом курсе, ему даже слово никто не сказал. А я прошу всего один день, не считаешь, что это ущемление моих чувств? Я на полном серьёзе могу подумать, что он был прав в том, что единственный ребёнок «по уму».

Она всё ещё не смотрит на меня, всем видом показывая, что номер не зашёл.

– У Ярослава были проблемы, мы просто дали ему время, – говорит полузадумчиво, прикусывая кончик ручки и продолжая считать.

– Может у меня тоже проблемы?

Мама усмехается.

– Какие? Туфли не купила новые? Я уверена, если ты хоть раз доберёшься до края своей гардеробной, то обнаружишь там с десятков так ни разу и не надетой обуви.

Ваууу... она даже ни разу не оторвала взгляд. Вот они проблемы, когда ты двадцать четыре на семь делаешь вид, что ничего тебя не ломает, и все думают, что твоя жизнь абсолютно идеальна.

– Ну, да, – киваю я, уже понимая, что дальше нет смысла продолжать. – Какие у меня могут быть проблемы, кроме туфель. Я же помешана только на шмотках и селфи.

Я тут же встаю, в тот момент, когда мама всё же отвлекается от своих дел. Очевидно, всё не настолько потеряно, и на мою интонацию голоса тоже обращают внимание.

– Кристина, что...

Но я уже ухожу.

– Не надо, – прерываю ее. – Только знаешь, в следующий раз, когда будешь переводить меня в другое учебное заведение, чтобы одному из твоих любимчиков не было одиноко, попробуй всё же меня спросить, так ли я хочу лишаться и хорошего места, и хороших друзей, потому что твои действия всё равно не дали результатов. Мир как прогуливал, так и прогуливает месяцами. Единственное, что ты выиграла, что его больше не отчисляют, пока ты впустую тратишь такие деньги.

– Кристина!

Я поднимаюсь наверх, больше не собираясь унижаться и выпрашивать хоть раз смягчиться на мой счёт. Хотя за одно маме точно спасибо, она напомнила мне, почему все думают, что моя жизнь беззаботна. Я никогда не сдаюсь, не жалуясь и не бегу от проблем.

Я их встречаю с гордо поднятой головой и в чертовски сногшибательном виде.

Один раз я уже уделала Арса, шестнадцатилетней, влюблённой дурочкой. Сейчас же мне это не будет стоить даже разбитого сердца.

– Вау, – тянет Кар, оглядывая меня, когда приближаюсь к входу, где она уже стоит с Яной. – Да тебя Антонова даже на порог кабинета в таком платье не впустит, – комментирует она его длину, усмехаясь и качая головой.

Хотя её юбка длиннее моей на каких-то сантиметров пять. Тут просто Антонова – куратор, отвечающая за нас и нашу дисциплину, и по совместительству преподавательница нескольких предметов, точит на меня зуб уже третий год. Не нравлюсь ей я, потому что не умею вовремя закрывать рот и всегда отстаиваю свои права. В том числе и за то, что одна из первых начала нарушать форменный режим, отказываться менять шпильки на широкий, скромный каблук, и носить мини.

За последнее мы до сих пор боремся, так как Лидия Сергеевна, пусть и старше нас от силы лет на восемь, сама слишком консервативных взглядов, и считает, что в таком виде можно ходить только на «панель». Обычно, конечно, я так не наглею, мне не нужны лишние проблемы, но это единственное серого цвета платье, которое может свести с ума даже святого. А-образной формы и с кружевной белой стойкой на шее и плечах, из-под юбки тоже немного выглядывает кружевная оборка. Волосы затянуты атласной, чёрной широкой лентой в форме банта. Когда я смотрела перед выходом в зеркало, я хотела совратить сама себя.

Даже если Арс меня ненавидит, он – парень. Парень, который меня хотел. Хотел, но так и не получил. Как ему об

этом не напомнить?

Главное, не споткнуться, когда буду выходить в кабинет.

Потому что, как бы я ни была уверена в себе, всё равно жутко нервничаю.

– Пустит, если попаду туда раньше неё, – выдаю с улыбкой, уводя взгляд и осматриваясь.

Всем видом стараюсь не показывать своего состояния. Не при девчонках. Неважно, что мы как бы считаемся подругами, Карине дай только повод, она и секунды не подумает, чтобы занять моё место. Яна её поддержит, потому что они – не разлей вода, а Василиса, которая уже направляется к нам с милой улыбкой, единственной, пожалуй, по-настоящему искренней здесь, пойдёт за мнением большинства.

И эта ещё одна причина переживать. Если кто-то узнает, что на меня поспорили, а я повелась... Уверена, просто мне точно не будет.

Но этому не бывать, я не позволю Арсу второй раз уничтожить меня.

Сама того не осознавая, потираю пальцами браслет, а когда замечаю свои действия, опускаю на него взгляд. Его ремешок уже так износился, что мне каждый раз его страшно касаться. Потому что он мне нужен. Невероятно, сколько раз он помогал мне не сдаваться, даже когда было слишком сложно. Особенно в первый год здесь.

Как бы Арс ни сделал мне больно, есть всё же то, в чём он удружил – этот браслет. Он всегда мне напоминает одно

простое правило – бить нужно первой, пока это не уничтожит тебя.

– Филлимонов точно будет рад, – тем временем вставляет Яна с улыбочкой, как лезвие, что даже и не скажешь, что он ей нравится.

Потому что такие, как Филлимонов, якобы не могут нравиться. Он хамоват, пошлит через слово, постоянно всех подкальывает и туповат. Карина его ненавидит, а Яна слишком боится её осуждений, чтобы хоть раз показать себя.

– Чему Филлимонов будет рад? – Василиса подлетает к нам с горящими, невинными глазами самого ангела.

– Длине платья Крис, – подсказывает Яна.

А Василиса будто только видит, оглядывает меня.

– Ох, – выдыхает она. – Антонова опять будет хуже мегеры.

Из её уст даже слово “мегера” звучит ругательством. Я закатываю глаза.

– Господи, да расслабьтесь вы. Всё будет нормально, идём, нам пора, если действительно не хотим её гнева.

Не то чтобы мне самой хотелось спешить, но войти в кабинет так и так придётся, и чем дольше оттягиваю, тем хуже. Вот только сердце бьётся всё чаще, а когда наконец переступаю порог, всего на секунду оно останавливается.

Вдох.

Поднимаю выше подбородок и чётко иду к своему месту.

И... божечки. Я его чувствую. У меня точно все тело

требует обратить на него внимание. Каждый шаг даётся так сложно, словно я пробираюсь через зыбучий песок. Он смотрит, а я запрещаю себе даже вид делать, что его место не пусто, проходя мимо. Дышать нужно.

Десяток сантиметров – вот, сколько между нашими телами, и я не выдерживаю. Глаза на мгновение прикрываю, уже уверенная, что рассыплюсь буквально, когда меня отвлекает свист.

Филлимонов. А я ему чуть ли в ноги не готова упасть за спасение.

Потому что лучше в ногах Филлимонова, чем дать Арсу хоть один намёк, что его присутствие, как мощное излучение. Оно в воздухе, вокруг меня вибрирует, и мое чертовое тело лихорадит.

– Рогозина, когда ты уже возьмёшь моё сердце в плен?

Господи, спасибо вселенная, что ты создала этого парня.

Я сажусь на своё место на втором ряду. Нас с Арсом разделяет всего какой-то проход и одна парты. Метр – это слишком мало, чтобы я могла дышать хотя бы через раз.

Филлимонов нависает надо мной со своей парты.

Давай, Крис, включай уже эту простую функцию «говорить».

– Зачем, если оно уже меня, предложи, что получше, и возможно я разрешу тебе и дальше пялиться на мои ноги, – наконец, выдаю одну из привычных шуток с ним.

Это пустая болтовня, он может сказать подобное что мне,

что Кар, что любой девчонке. Вот только сейчас у меня точно что-то посреди горла застревает. Сама того не желая, я напомнила Арсу, за что он меня ненавидит.

Спокойно, он мог и не заметить. Но... он смотрит. Не отворачивается, в упор, что игнорировать его становится почти невозможно.

Он. Смотрит.

И он не собирается делать вид, что мы незнакомы. С трудом сглатываю, чувствую буквально, как пульс бьётся на шее.

– Давай уже, Крис, признай, что надела это платьишко для меня. Я оценил, – подмигивает Филлимонов, ухмыляясь.

Вероятнее всего, сегодня я скажу не один раз «спасибо» вселенной за него.

– В твоих мечтах, Фил, – я поворачиваюсь к нему, находя идеальную причину не видеть силуэт Арса.

– Ты и так в них, Крис, – наклоняется он, переходя на хриплый голос, – и ты там...

Что-то падает. Резко и неожиданно, что мы аж с Филлимоновым одновременно вздрагиваем и неосознанно переводим туда взгляд, а уже через мгновение я жалею об этом.

Я вижу глаза Арса, тёмные, как грозовое небо, когда он наклоняется, чтобы поднять телефон.

Тот самый, который упал.

А когда выпрямляется, откровенно проходится взглядом по моим ногам, медленно так, что кожу покалывает, жар

несётся всё выше по бёдрам, пока так точно не достигает центра, где он задерживает его, прежде чем снова не вернуть к моим глазам. На этот раз я не могу даже сглотнуть, Арс только что пялился мне под юбку при всей группе и даже не пытается это скрывать, когда его рот изгибается в однобокой, грязной ухмылке.

– Я думал, что это элитное учебное заведение, а по факту попал на репетицию малобюджетного порно, – бросает он, перед тем как махнуть телефоном в сторону моих ног. – Хотя ножки и правда ничего, но не настолько, чтобы отдавать сердце, я бы не отдал за них даже какой-нибудь безделушки.

А затем подмигивает мне, прежде чем отвернуться, точно это не он последние пять минут не спускал с меня взгляда.

У меня сейчас даже сердце не бьётся. Неудивительно, я воздух вдохнула, но так и не выдохнула, пялясь на его затылок и не веря, что Арс заявил это вслух.

– Эй, что за... – пытается возмутиться за моей спиной Филлимонов, но в этот момент в кабинет входит Антонова, и он резко садится на своё место.

– Вот это заявочка, – шепчет Кар, но я так ни на что и не реагирую.

Всё на него смотрю. Мне больно? Это что-то другое, я словно впервые полностью убеждаюсь, что со мной точно играли. Потому что этот парень совсем не тот, в которого я когда-то влюбилась. Но это только первая трещина на моем сердце, потому что я вдруг краем глаза замечаю, что на меня

СМОТРИТ ТА, КТО СИДИТ РЯДОМ С НИМ.

Быть того не может. Дана.

Вернее, улучшенная в тысячу раз её версия.

«У него есть девушка», вспоминаю слова Карины. И они сейчас точно тесак основательно половинят моё сердце.

Его девушка – это Дана.

Глава 4. Крис

Не зря мне так часто говорят, чтобы держала свои мысли при себе. Я сама дала Дане в руки оружие, которым сейчас она мне только своим видом наносит удар.

Она хороша. Даже чересчур. Стерва не только научилась пользоваться расческой, но и выпрямителем для волос. А ещё множеством средств, от которых её длинные волосы блестят на свету. Ухоженная, минимум косметики, и у неё очень эффектный, острый, чуть прищуренный взгляд.

Единственное, в чем она не изменилась, он всё ещё пропитан ненавистью. Хотя я и понимаю, что есть, за что. Именно её брат сейчас сидит в тюрьме, потому что из них двоих, ей я хотела причинить вреда даже больше, чем Арсу.

До сих пор помню то отвратительное ощущение, когда стояла в той камерке. Мокрая, после того, что даже дождь не смог стать причиной, чтобы оторваться от парня, в его одежде, когда мне в лицо бросала девчонка, не способная на банальное уважение к самой себе, что я подхожу только для одноразового развлечения.

Именно до этого момента, мне было не так плохо только от простого понимания, что она хотя бы его никогда не получит.

«И судя по их отношениям, такую сложно подвинуть».

Я сама не понимаю, откуда беру в себе силы, чтобы ей ух-

мыльнуться. По крайней мере, её парень только что паялился на мои ноги. Слабое утешение, с учётом того, что это равносильно тому, что она была права, и на меня смотрят только из-за того, что хотят.

Но хотят, и пусть она и дальше живёт с этой правдой.

Я всё равно не перестану вести себя так, будто меня это ни капли не задевает.

Два года назад меня поймали старшекурсницы и утащили к торцу колледжа, толкнули к подвалу. Три из них стояли на стрёме и перегораживая лестницу. Ещё одна стояла за спиной той, что угрожала мне, чтобы я перестала «вилять задницей», так как её парень пригласил меня в кино. Хотя я отказалась, и дело было даже не в том, что это было всего спустя два месяца, после Арса, когда к парням моё отношение ухудшилось практически до полной потери веры в них. Я знала, что у него есть девушка. А ещё я была новенькая, и у меня больше не было репутации той самой сестры Ярослава Рогозина, на которую даже смотреть нельзя. Мне не нужны были проблемы, но я не смогла принять обвинения. Не я была виновата, что её парень меня приглашает, а вот они уверяли, что это всё из-за того, что у меня в принципе есть ноги. Я получила предупреждение, чтобы больше в юбках в колледж не заявлялась, иначе мне не поздоровиться.

На следующий день я пришла в мини и на каблуках, а ещё ответила этому парню согласием сходить в кино.

А уже вечером я вернулась домой с разбитой губой, носом

и множеством синяков по телу. У Яра тогда едва ли капилляры в глазах не полопались, как был зол, он рвал и метал, собираясь со следующего дня водить меня за ручку по колледжу и не подпускать ко мне даже воздух, но я пообещала ему, что если вмешается, буду сама нарываться каждый день на драки с толпой.

Мне больше не нужна была репутация всего лишь «младшей сестры», я собиралась заработать собственную.

И я её получила, когда через неделю парень этой девчонки бросил её на глазах у всего колледжа, а я узнала от него все её личные секреты, которые узнали бы все, если бы она ещё раз ко мне сунулась.

Остальным участницам я пообещала, что проверну подобный номер с каждым парнем, если они будут хотя бы смотреть в мою сторону. Не факт, что это сработало бы, но я не позволила ни грамма неуверенности просочиться в голос, что меня услышали.

Я смогла ходить по колледжу, улыбаясь и не морщась, с разбитой губой и ушибами от многочисленных пинков, несмотря на то, как всё адски болело. И в таком же виде я смогла увести парня у самой популярной на тот момент старшекурсницы.

Чего мне стоит сейчас выглядеть так, будто у меня вместо сердца моргенштерн***?

Перевожу взгляд на учительницу, Карине пока что тоже ничего не отвечаю, я ещё не придумала, как перевернуть все

в свою пользу, когда неожиданно снова чувствую, что Арс на меня смотрит. На этот раз я не делаю вид, что его нет, хотя и гляжу украдкой, но тут понимаю, что его внимание привлекает совсем другое.

Его браслет.

Чуть повернувшись, он скашивает взгляд на моё запястье, когда я замечаю, что вновь неосознанно его тереблю. Мои пальцы замирают, а его взор поднимается к моим глазам. На этот раз никто не играет, мы просто смотрим друг на друга, точно оба видим один и тот же момент.

У забора. Его глаза и губы, приближающиеся к моим.

Вдох... и из меня аж едва ли какой-то скулёж не вырывается от понимания, что вживую его губы не рядом.

– Багиров Арсений? – отвлекает голос Лидии Сергеевны, и его взгляд нехотя перескальзывает на учителя, чтобы ей безразлично кивнуть.

Я тоже беру себя в руки, чтобы посмотреть на неё. Запрещаю себе замечать Арса.

Мне больно. Больно даже просто понимать, что он здесь. Чувствую себя невероятно уязвимой.

Я не продержусь столько. Я лучше сбегу, как трусиха, на то, чтобы гордо пархнуть ручкой, меня хватит.

Вот так вот – какой-то парень пугает меня больше, чем толпа ревнивых девчонок и физической боли.

– Мусагалиева Дана?

А вот на неё у меня почему-то получается смотреть аб-

солютно спокойно. Злость невиданная кипит. Вижу, как она ресницами взмахивает, глаза её эти блестящие, будто бы они такие невинные...

Аж зубы скрипят, когда она тянет голосом елейным:

– Это я, – и улыбку милую Антоновой выдаёт, что учителя понимает.

Вижу, как она смотрит на эту псевдонеженку, словно она наимилейшее мифическое существо. Да между ними точно искра пробегает. Прелесть какая. Удивительно, что у меня ещё рвотный рефлекс не срабатывает от этого зрелища.

– И так, – переходит учитель к занятию, а я всё ещё наблюдаю за Даной, которая вся приободрится, так внимательно смотря на Антонову, будто боится пропустить даже вдох. – «Адвокат человечества». Надеюсь, все прочитали Шиллера за лето?

Со всех сторон слышатся не слишком то уж и воодушевлённые звуки согласия.

Лидия Сергеевна же явно находит это занимательным:

– Я была уверена, что вам понравится, – с довольной улыбкой выдаёт она.

Честное слово, она в восторге от наших мучений.

– Оно понравилось бы больше, если бы содержание соответствовало названию, – протестует с задней парты Воронец Андрей, друг Филлимонова. – Когда я открывал «Разбойники», ожидал, что это будет хоть немного похоже на наши похождения, – ржет он и пихает Филя плечом, имея в виду

похождения по распутным девицам старшего сына вначале пьесы. – А по итогу всё ушло в сопливый роман.

– А мне понравилось, – внезапно выдаёт Дана, глядя на Андрея, но когда всеобщее внимание обращается к ней, её щёки становятся пунцовыми, будто из неё слова вырвались совершенно случайно.

Но Антонова переводит на неё заинтересованный взгляд.

– Тааак... – тянет она в ожидании, что Дане придется оживится.

– В том смысле, что Амалия не изменила своей любви, несмотря ни на что, она верила и отказывалась выходить замуж за младшего, хотя он и был богат, – Дана начинает неуверенно, но с каждым словом всё больше включается, точно находит это прекрасным. – И не зря: тот факт, что она почувствовала в разбойнике своего любимого, говорит о настоящей её любви. Как по мне, так и должна выглядеть любовь.

Я не удерживаюсь и закатываю глаза, усмехаясь и качая головой. Наверное, почувствовала родственную душу с героиней. Вот только моя реакция не останется незамеченной. Сразу три пары глаз уставляются на меня. Дана снова выглядит так, будто задета. Но мне без разницы сейчас на неё, куда сильнее ощущаю, как режет по мне взгляд Арса. Спасибо третьему человеку, что я не успеваю почувствовать, как его готовность защищать Дану уже задевает меня.

– Тебе есть, что добавить, Кристина?

Антонова точно не на моей стороне. Но слава богу, ей я всегда знаю, как ответить.

– Ни в коем случае, – натягиваю одну из своих любимых улыбок, красноречиво показывающей, что я знаю, как победить всегда, – мне больше по душе пьеса «Коварство и любовь», я не из тех, кто будет восхищаться девушкой, незамечавшей измены жениха, – тут я перевожу взгляд на Дану и говорю прямо в глаза: – Это так жалко выглядит. «Коварство и любовь» хоть и заканчивается печально, но сын президента, даже несмотря на то, что его возлюбленную очернили изменой, приходит к ней, готовый проститься с жизнью, потому что не способен жить без неё.

Дана почему-то теряет с лица цвет, вижу, как с трудом сглатывает, но я не успеваю задуматься, когда слышится голос Арса.

– «Мария Стюарт», – он поворачивается ко мне и говорит прямо в глаза: – Несмотря на свою красоту и многочисленное количество возлюбленных, всё равно была обезглавлена. Вот это интересная пьеса, как по мне.

На этот раз с трудом сглатываю я. Это намёк, и снова весьма болезненный.

Не смей терять улыбку с лица. Эта убогая не сломала тебя два года назад, сейчас уж подавно. Я не дам ей такого наслаждения увидеть, что на меня действует, как он её отчаянно защищает. Обойдётся.

– Завистливой королевой и снова клеветой, хотя сама Ма-

рия была невиновна, а влюблённый в неё Мортимер даже был готов свергнуть королеву, лишь бы спасти любимую. Даже если она и была казнена, это всё равно сильнее, чем жалкая жизнь Амалии, так и не узнавшей, что значит, когда ради тебя совершаются подвиги, – проговариваю прямо в глаза Арса, который ни на секунду не отводит от меня взгляда, хотя мои слова и адресованы Дане.

И даже когда я заканчиваю говорить, мы всё ещё прикованы взглядами, и я не вижу в его глазах больше ни злости, ни ненависти, это что-то другое. Более мощное, он будто хочет опровергнуть мои слова, но ему нечем.

«Принцесса в беде, – говорит он мне, – как я могу не спасти её от злого дракона?»

Я ненавижу тот факт, что до сих пор хочу, чтобы это не было ложью. Сейчас его глаза говорят мне, что он и сам это помнит.

– Стоп! – внезапно взрывается в восторге Антонова. – Вот оно! Идеально!

Мы всё же отрываемся друг от друга, чтобы посмотреть, чему так радуется учитель. Её взгляд горит, сложив между собой ладони, Лидия Сергеевна переводит его с меня на Арса.

– Я знаю, что нам нужно! Полемика! Прямо с понедельника и начнём. Рогозина, Багиров – «Мария Стюарт»; Мусагалиева, Воронеж – «Разбойники». Остальных определим на следующей недели.

Черт...

Кидаю украдкой взгляд на Арса, он тоже скашивает свой на меня, явно такой же недовольный перспективой вообще стоять рядом со мной. И хоть я сама не в восторге от того, что с ним снова придётся спорить, тем более, с учётом того, что я могу сама не выдержать и сболтнуть лишнего, я рада, что его «вставка» обойдётся ему лишним заданием.

– Вы что, знаете друг друга? – наклоняется ко мне Карина, а я от её утверждения аж выхожу на мгновение из равновесия, так вспыхивая, что едва умудряюсь вовремя соорудить непонимающее выражение лица.

– Что? – морщусь, будто бы мне даже только одна мысль об этом неприятна.

Но Кар лишь всматривается в мои глаза, словно пытается сама найти ответ.

– Да, да даже! – открывает она рот от изумления, но я и опровергнуть не успеваю.

Слышу снова этот раздражающий робкий голос Даны, буквально разжигающий за мгновение во мне злость.

– Простите, – тянет она руку, привлекая внимание Антоновой, которая отрывает взгляд от каких-то записей. – Что значит «полемика»? Что я должна делать?

– Господи, вот же тупица, – вылетает из меня раньше, чем я понимаю, что сказала слова вслух.

А на меня уже обращены взгляды как минимум половины всей группы. И Антонова на этот раз не улыбается, когда

смотрит на меня укоризненно.

– Кристина, – делает она замечание, но меня это только ещё больше злит.

Да я за два года ни разу не удосужилась, чтобы она хотя бы раз посмотрела на меня сожалеюще. Я сидела на этом же самом месте, избитая старшекурсницами, и это было в её силах меня защитить тогда. Но нет! Она смотрела осуждающе, а потом ещё добавила, что я сама их спровоцировала, хотя было бы разумно их послушать. А какая-то маленькая дрянь, играющая роль невинной жертвы, только два раза ей похлопала ресничками, и уже все готовы её защищать!

Аж засмеяться хочется, честное слово.

– Что? – отбиваю жёстко. – Я говорю то, что думаю, – а затем поворачиваюсь к мисс-ятакаяневинная-маленькаязмея, сразу в обход взгляда Арса. Знаю, он смотрит, чувствую. И от того, КАК он смотрит злюсь только всё больше и больше. – Какой смысл приходить в подобное учебное заведение, если даже не знаешь таких простых понятий, как «полемика»?

Господи, да она же сейчас заплачет, в её распахнутых глазах собирается влага. Где только стерва слёзы берёт, непонятно. Даже если сейчас мне Кар вонзит в ногу каблук, я и то не смогу выглядеть настолько же раненой.

– Вот ты нам и скажи, Рогозина, – снова слышу голос Антоновой, уже более холодный и строгий. – Дана хотя бы стремиться узнать что-то. А вот зачем твой брат поступил в подобное учебное заведение, если даже не ходит, никто так до

сих пор и не понимает.

Я глубоко втягиваю воздух. Не то чтобы это неожиданно, что вновь её будут защищать, но и Лидия Сергеевна редко переходит на личности. Я же... черт, у меня даже улыбка уже выходит перекошенной, больше похожей на оскал от ярости, которая во мне разрастается.

– Ну так спросите об этом непосредственно Мира. Лично я не пропускаю занятий, – говорю ей сахарно, потому что уже не могу остановиться, и мне без разницы, кто передо мной. – А насколько я помню, именно вы нас всегда учили, отвечать только за свои поступки. Противоречите сами себе, Лидия Сергеевна. Но тут вас можно понять, тяжело придерживаться правильных позиций, когда вмешиваются личные предпочтения. Кстати, ваши же слова.

Антонова в гневе, пусть и хорошо контролируемом. Хотя для меня тоже не новость, что она многое бы отдала, лишь бы меня отсюда поперли. Именно ей назло я учусь выше всяких похвал, всё время вспоминая ещё её одни слова, что я действительно виновата в том, что парень той девчонки меня куда-то пригласил.

Может быть, именно поэтому мои юбки с каждым годом становятся всё короче и короче.

– Как будто ты отвечаешь... – летит тихо слева, и меня основательно накрывает.

Ну надо же, кто подал голос.

– Что ты сказала? – конечно, я слышала, но я хочу, чтобы

Дана это сказала мне в глаза.

Потому что мне то уж точно будет, что ей ответить, и мой взгляд ей уже об этом говорит. Предупреждает буквально, что у неё есть возможность передумать и спрятаться обратно в свой панцирь, пока я снова не довела её до настоящих слов. Но нет, Дана очевидно настолько уже задета, что ее игра начинает сдавать, когда мне говорит:

– Говорю, что не все отвечают за свои поступки.

Это конец.

Я ядовито ей улыбаюсь:

– И правда. Не все обвиняемые сидят.

Я слышу какой-то треск. Знаю, откуда он исходит, но даже не думаю глядеть на Арса. Его взгляд может меня остановить, заставить пожалеть о своих словах, а я собираюсь уничтожить его неженку.

– Какая же ты... – Дана в неверии качает головой.

Первая слеза катятся по её щеке. Вторая. А я даже в лице не меняюсь, непроницаема и жестока.

– Какая?

Но та только мотает головой. А что же так? При свидетелях уже не хочется снова называть меня доступной шлюхой и тупоголовой барби?

– По крайней мере я такая, какая есть, – заговариваю на её молчание. Пусть из присутствующих никто и не поймёт, зато она точно да. – Не притворяюсь и всегда – абсолютно всегда – говорю то, что является правдой.

– Прямо-таки всегда?

Арс...

А я глаза всё же на секунду прикрываю, будто бы отыскать в себе хочу стену, которая ещё мгновение назад была возведена вокруг меня. Мне нужен всего-то один несчастный за-пал, но голос Арса такой спокойный, что никак не могу пробудить в себе бессердечного монстра.

Он произнёс жалких два слова, но зато с прямым попаданием.

Я не всегда говорю правду, и из-за моей лжи сидит невиновный человек, а я до сих пор не набралась храбрости, чтобы кому-то в этом признаться.

Смотрю наконец на Арсения. Его голова чуть повёрнута. Я ожидаю увидеть снова в нём ненависть, но её нет. Арс смотрит разочарованно, будто я только что опустилась в его глазах до уровня невозврата, что это странным образом действует на меня.

Мне не хочется выглядеть бессердечной стервой в его глазах, но уже ничего не изменить.

Я она и есть. Моё сердце забрал именно он.

Натягиваю финальную улыбку, пожалуй, выглядящую самой натурной за весь сегодняшний день.

– Только если «игра» стоит свеч, – завуалированно, но Арс понимает ответ.

В конце концов, он тоже «играл». Первым. Я же всего лишь ответила. Вот только он выглядит так, будто именно в

этот момент я пересекаю последнюю грань. Он отворачивается первым, а я почему-то чувствую себя отвратительно от мысли, что он даже смотреть на меня не может.

– Да быть того не может... – Кар произносит это так тихо, что я не сразу понимаю, про что она, а когда поворачиваюсь к ней, вижу, что она это говорила даже не мне, просто мысли вслух. Мне она заявляет другое: – Между вами тремя что-то было!

На этот раз я соображаю дольше положенного, по новой пытаюсь включить свою защиту, но не могу. Перед моими глазами всё ещё последний взгляд Арса.

– Забудь об этом, – предупреждаю её вместо того, чтобы и дальше притворяться.

У меня на лице всё написано, оттого-то Карина и выглядит несколько озадаченной, уже собирается что-то ещё сказать, как звенит звонок, а я и секунды не жду, чтобы подхватить сумку и выйти. Мне даже от взгляда Антоновой хочется сбежать. От всех.

Я знаю, что выглядела ужасно, доводя Дану до слёз, мерзко, когда светила Арсу улыбочками.

Мне просто тошно...

Ненавижу, что вообще приходится чувствовать. Вину, разочарование, боль.

Несусь по коридору, сама не знаю, куда хочу скрыться, но мне нужна пауза, чтобы продумать, как вести себя дальше. У меня паника нарастает от понимания, что я вот-вот и сло-

маюсь.

Он до сих пор может пробить всю мою защиту.

Залетаю в женский туалет и первым же делом иду к зеркалу. Не знаю, что хочу увидеть в своём отражении, но мне страшно, что все мои чувства и правда наяву.

Стою, уперевшись руками в раковины, и медленно выдыхаю.

Мои глаза выглядят так, словно я загнана в угол. Ужаснейшее ощущение беспомощности. Это вообще я?

Отхожу от зеркала, останавливаясь прямо посреди первой «комнаты». У меня совсем нет времени на раздумья, а не вернуться сейчас означает...

Арс.

Дверь открывается, кто-то выходит, но я даже не вижу, кто. Его глаза только вижу, и они не обещают ничего хорошего. Мне некуда бежать, а к новому бою... впервые я не готова.

***Моргенштёрн (нем. Morgenstern, букв. – «утренняя звезда») – холодное оружие ударно-дробящего действия в виде металлического шара, снабжённого шипами.**

***Иогáнн Крiстоф Фрiдрих фон Шiллер – немецкий поэт, философ, теоретик искусства и драматург, профессор истории и военный врач, представитель направлений «Буря и натиск» и романтизма в литературе, автор «Оды к радости», изменённая версия ко-**

торой стала текстом гимна Европейского союза.

Глава 5. Арс

Рогозина вылетает из кабинета первая.

Уходит, как всегда, первоклассно, стуча каблуками и с гордо поднятой головой. А я... черт!

Чтоб его, ни фиги не остыл. Весь последний час только и удерживал себя, чтобы не вытащить её прямо у всех на глазах.

Теперь же никаких преград нет.

– Арс, не надо! – перехватывает меня за руку Дана, когда подрываюсь, чтобы догнать эту стерву. – Не надо, пожалуйста, с ней ссориться. Только не из-за меня.

На секунду я торможу себя, переводя взгляд на Дан. В её глазах слишком много отчаяния. И ещё час назад не нашлось бы ни единой причины, по которой мог бы не услышать её или сделать что-то, что расстроит её.

Всего какой-то час назад, я был уверен, что Рогозина больше не сидит у меня под кожей, что смогу на неё нормально реагировать.

Отпустило. Уверен же был, что отпустило. И даже больше не хочу ей отомстить. А потом стоило только увидеть, как она входит в кабинет, чтобы понять, что этот год будет для меня самым настоящим испытанием.

Я её либо придушу, либо...

Головой качаю.

Если бы я ещё это делал из-за тебя, Дан. Разорвёт же к чертям, если прямо сейчас не прижму Рогозину к стенке.

– Дан... – мне даже говорить дальше не приходится.

Дана меняется за мгновение, руку мою выпускает, уводя взгляд вниз. Разочарование, оно точно было в её глазах, но меня сейчас никакие клятвы, данные своему лучшему другу, не остановят.

Рогозина – болезнь. Неизлечимая.

И из кабинета я вылетаю за ней далеко не для того, чтобы продолжить ругаться.

Да я сам ни хрена не пойму, зачем это делаю. Что-то, мать вашу, тянет за ней. Чтобы, как минимум, рот ей закрыть. Приземлить немного, а ещё – чтоб его – как бы меня самого ни раздражал данный факт, шею её свернуть, чтобы больше не крутила ей в сторону фантазёров недоделанных, улыбочки сладкие давя и откровенно флиртуя.

Так и видел, как моя рука сжимается на её горле, и рот ей затыкаю... вот только ни хрена уже не рукой.

Да, мать вашу, я всё ещё хочу её получить, и ни фиги не понимаю, как с этим собираюсь бороться.

Коридор забит учениками, но в этой бы жизни точно что-то сломалось, если бы я не нашёл Рогозину с первого раза.

Её светлый хвост хлещет в разные стороны, пока она удаляется в сторону лестницы. Идёт так, точно чертова королева, с её пути даже шарахаются пацаны, а стоит ей пройти, откровенно заглядываются на длину платья.

И... мать вашу, аж кулаки сжимаются.

Сдерживаю рычание и перевожу дыхание, а потом иду за ней, попутно бортанув плечом нескольких оленей, что улыбки давили, впечатлённые её задницей.

Пофигу, как это выглядит со стороны, но ей здесь точно больше не устроить свою личную жизнь.

Рогозиной в принципе здесь больше «ничего» не устроить, потому что я собираюсь сделать с её жизнью то, что она сделала с моей.

Спешу по коридору, сворачивая и уже собираясь двинуть к лестнице, как замечаю Рогозину, протискивающуюся мимо нескольких девчонок и забегающую в женский туалет.

Да она прям сама себя загоняет в ловушку.

Встаю у входа, опираясь на подоконник, что девчонки, выбегающие со звонком, аж теряются и краснеют. Но мне нет до них дела, я уже вижу свою цель, которая замирает, заметив меня, что две девчонки за ней едва не врезаются в её спину.

И снова совершает ошибку, если думает, что сможет от меня там спрятаться. Даже церемониться не собираюсь, дверь перехватываю, придерживая её, когда выходят последние ученицы, чтобы ни на секунду не упускать взгляда Крис. Видеть хочу, как она понимает, что преград для меня больше нет. Потому что стоит девчонкам пройти, как захожу я, закрывая за собой дверь на замок.

И что же я вижу? Аж усмехаюсь. Рогозина да боится?

Это не то, что при всей группе кидать мне в лицо, что игра стоила свеч.

Пусть и ни для кого непонятный ответ, зато я его наконец получил.

Что ж, пора и свой дать, что ей определённо нужно начинать не просто бояться, потому что я ненавижу её с каждым мгновением, что смотрю на неё, всё больше и больше.

Её зрачок расширяется, дышит урывками, хотя, как всегда, стоит, высоко задрав подбородок, ещё и пытается выдать едкую улыбочку, а вот голос чуть ломается, когда бросает:

– Пришёл, чтобы снова защищать свою неженку?

Но я лишь выдаю ухмылку в ответ, качая головой, когда начинаю идти на неё.

Ох, нет, принцесса, скоро ты сама даже и не подумаешь открыть рот в чьей-либо адрес.

И что я снова вижу? Крис отступает. Действительно отступает, а не как обычно играет, улыбка сходит с её губ, которые по-прежнему рассматриваю, как в первый раз, когда нависаю над ней, прижатой к стене.

Всё ещё хочу их, но... тут я пас. Я знаю цену её поцелуя.

– Пришёл предупредить, – говорю ей, пока она во все глаза смотрит в мои, и то, что она в них видит, уже пугает Рогозину по-настоящему.

И пока она так растеряна, подцепляю пальцем браслет на её запястье. Тот самый, что отдал ей в нашу первую встречу, перевернувшую мою жизнь. Мне нет дела, почему она до сих

пор его носит. Даже задумываться не хочу. Рогозина – яд, и я хапнул его по самое не хочу.

– Следующий раунд, принцесса, за мной, – говорю, отступая и демонстрируя ей браслет.

А затем ухожу, решая, что на сегодня пока что достаточно. Я всё равно теперь ни за что не отступлюсь, чтобы опустить её с трона, на который она себя здесь возвела.

Затягиваю браслет на запястье и смотрю на надпись на нём.

Тупо фраза, и всё же я сам лично передал это в руки Крис. «Уничтожь то, что уничтожает тебя».

Это то, что теперь я сделаю с ней.

Глава 6. Крис

Он бы не посмел...

Всё ещё стою, прижимаясь спиной к плитке и глядя на закрывшуюся за Арсом дверь. Моё запястье, на котором ещё мгновение назад был браслет, прямо напротив сердца, которое сейчас ощущается огромнейшей пропастью.

Там пусто и... больно.

Вдох. Буквально проталкиваю воздух в лёгкие, чтобы разбить едкий, разрастающийся комок эмоций.

Не знаю, почему это больнее его холодного взгляда или таких отчаянных попыток защитить Дану.

Арс мог делать это сколько угодно, но меня бы оно не убило всё равно от простого понимания, что одна из самых важных для него вещей по-прежнему принадлежит мне.

А сейчас... прикрываю глаза и медленно выдыхаю.

«Следующий раунд, принцесса, за мной.»

Принцесса... он произнёс это так, точно это ещё одно его оружие против меня.

Снова смотрю на дверь. Нет, не смотрю, прожигаю, словно всё ещё вижу его спину, и сама не понимаю, как отталкиваюсь от стены. Я не бегу, но стук ударов каблуков мощно отбивается от стен пустых коридоров, что Арс оглядывается на меня ещё до того, как поворачивает.

И снова этот взгляд, будто ничего интересного не увидел.

Задевает ли меня?

Ох, нет, на этот раз я в невероятном гневе. Но даже моё лицо не выражает ни единого на это намёка. Чувствую буквально, как напряжена каждая мышца, обращённая в камень.

Я не собираю обгонять его намеренно, я просто не могу идти медленнее, менее яростнее, теряться за ним, словно он и правда одним махом смог заставить меня принять его предупреждению к сведению.

Мне хочется рассмеяться ему в лицо. Но только потому, что я не сделала этого, когда он бросал мне угрозу в лицо.

Я выглядела так, точно услышала его.

Растерянная и униженная – вот, какой он меня видел.

Ненавижу.

Я почти нагоняю его, планируя просто влететь обратно в аудиторию, не наградив при этом ни единым взглядом, но что-то идёт не так.

Мой взгляд сам натывается на его запястье, вижу браслет, и что-то внутри меня точно вопит от этого зрелища.

Слова вырываются раньше, чем я могла бы подумать, что они могут тоже звучать чересчур жалко:

– Ну, если тебе для самоутверждения нужны какие-то безделушки, то...

Я оказываюсь развёрнутой так резко, что даже не могу вспомнить тот момент, когда он успел схватить меня за запястье. Между нашими телами не больше трёх сантиметров, а я внезапно боюсь, что моё сердце бьётся слишком мощно,

что моя грудь может коснуться его. Взгляд Арса режет меня своей ненавистью.

– Рогозина, ей богу, запомни простое правило: чем реже открывается твой рот, тем спокойнее тебе живётся, – он цедит эти слова с такой пренебрежительностью, словно я ему отвратительна.

Я теряюсь. На мгновение. А уже в следующее что-то с треском во мне ломается. Возможно, последняя здравая мысль. Потому что мой мозг затапливает такой яростью, что я никогда ещё не испытывала.

Мне надо бы его бояться, я не слепая, вижу, что он действительно едва удерживает себя от чего-то, но моё самолюбие ещё никогда не ощущало себя настолько раздавленным и ничтожным.

Я приближаюсь к нему, голову закидываю, всем видом показывая, что не боюсь его и бояться не собираюсь.

Не его.

– И что же ты сделаешь? – я улыбаюсь ему, будто умалишённом. Понимаю, что от моей улыбки его глаза только сужаются, тьмой затягиваются, но остановиться не могу, склоняя голову в бок. – Может быть, снова бросишь в меня своей любимой пьесой? – ещё один совсем незаметный шаг, когда полностью не остаётся расстояния, Арс выше меня, но даже то, что мне приходится практически запрокинуть голову, сейчас не выглядит жалким. Он смотрит вниз, сам наклоняется: глаза прищурены, на губах кривая ухмылка, буд-

то ему самому нравятся мои слова, когда я добавляю, сделав вид, что задумываюсь: – Дай угадаю: «Орлеанская дева»? (Пр.автора «Жанна д'Арк», ещё одна пьеса Фридриха Шиллера)

И даже не замечаю, как его рука поднимается, чтобы схватить мой подбородок и сжать его, дёрнув на себя. Его ухмылка становится острее лезвия. Арс наклоняется ниже:

– Я просто его закрою, – обещает он вкрадчиво.

Но мне становится только смешно. Он сделает это, даже не сомневаюсь, но сейчас я мало об этом думаю.

– Ты? – я смеюсь, никак не реагируя, что его пальцы только сильнее сжимаются на моём лице. – Мне? Давай я немного развею твои фантазии. Я учусь здесь третий год, Арс. Думаешь, ты первый парень, который так ущемлён...

Его губы накрывают мои, что вместо слов из меня вырывается звук не то возмущения, не то ошеломления, который слишком быстро становится сладостно-мучительным стоном. Мне нужно его оттолкнуть, но моя рука, которая дёргается вверх между нашими телами, вместо этого сжимает ткань его футболки, когда его язык проскальзывает в мой рот.

Арс целует меня на грани нежности и безумного голода. Словно разом выпивает до дна, страстно и жадно, но мой мозг даже ещё не успевает окончательно сдаться, расплавиться, только начиная погружаться в сладкую патоку ощущений, как я понимаю, что его губы лишь висают над мо-

ими. Когда я открываю глаза, Арс смотрит на меня безразлично. Его глаза абсолютно пусты.

– Вот видишь, мне даже оригинальность не пришлось проявлять. Более того, на этот раз не пришлось даже платить.

Я пихаю Арса той самой рукой, что всё ещё сжимает его футболку, раньше, чем осознаю, что совершаю ошибку.

Мне надо бы что-то придумать, переиграть, сказать что-то колкое, а на выгладеть такой задетой и уничтоженной, когда не могу сдержать гнев и обиду.

Пять минут. Просто пять жалких минут наедине с ним, а Арс уже два раза видел меня сокрушённой.

И ему это нравится. Его пальцы всё ещё на моём подбородке, не сдавливают, нет, они не дают опустить мне голову, чтобы он в полной мере мог насладиться выражением моего лица.

Подонок!

Мой мозг вопит, чтобы я взяла себя в руки, но реакции тела выдают меня, как бы ни хотела сдержаться. Отступить и выдать эту чёртову улыбку ему. Лихорадкой огненной прошивает, что мой кулак только сжимается, когда по губам Арса ползёт маленькая, довольная ухмылка.

Я ненавижу понимание, что его губы умеют делать прекрасно всё. В том числе и забирать дыхание, когда касаются моих.

Я помню, КАК они целуют. И какая-то совершенно идиотская часть меня сейчас испытывает невероятное разоча-

рование, что они этого не сделали. Что он смог остановить-ся, когда я быстрее бы душу дьяволу продала, чем рассталась бы с ними.

И он знает это. Впитывает буквально с удовольствием моё состояние, скользя большим пальцем по моему подбородку.

Я понимаю, что мне даже нет смысла играть, да и зачем, если всегда могу напомнить, что со мной связываться опасно.

– Осторожнее, Арс, не забыл ещё, что я умею кусаться? – тихим, вкрадчивым голосом спрашиваю его, в котором звучит намного больше предупреждения, чем в любой угрозе, которую могла выдать.

– Что такое, Крис? Я думал, ты сама хотела узнать, как целует парень, который выглядит, как ходячий секс. – С моего лица сходит вся краска. Хотя чего я ожидала? Стерва наверняка долго рыдала у него на плече, пользуясь любой возможностью выставить себя бедной овечкой. Конечно, Арс не может пропустить мимо внимания моего вида, он кивает, будто большего ему и не надо. – То-то же и оно. А судя по твоему заявлению час назад этому «мечтателю», ты всё ещё играешь в эту игру. Не выгляди так, будто ты не расплылась, и сама этого не хотела.

Дважды подонок, который видит меня насквозь. У которого в преимуществе надо мной слишком много оружия.

Я смеюсь, хотя смех слишком натянут, но сейчас я сделаю всё, чтобы не утонуть в собственной слабости.

– С тобой? Ты не дал мне даже опомниться, застав меня врасплох, что у меня и шанса не было вспомнить, с чего я вообще решила, что вид может соответствовать действительности. Сейчас я лучше пойду и поучаствую с Филлимоновым в малобюджетном порно, чем ещё раз захочу поцеловаться...

По моей ладони проносится рычание прежде, чем его слышу, а уже в следующую секунду оно врывается в меня из его рта, прижимающегося к моему. Рука Арса хватается за затылок, не давая ни единого шанса отстраниться.

Я бью его в грудь, мычу и царапаю его через футболку. Я хочу вырваться ровно также, как хочу, чтобы он взял надо мной вверх. Заставил меня подчиниться. Но ещё больше я хочу причинить ему боль. Чтобы ему было больно от того, что он может брать надо мной этот вверх. Что хочу его поцелуев. Что он делает с моим телом, буквально за мгновение наполняющимся желанием.

Губы Арса размыкают мои, но только потому, что сама ему позволяю. Впускаю, но в следующую секунду со всей силы кусаю его нижнюю губу. До крови, до его рычания, до металлического привкуса во рту, потому что Арс не отступает. Толкает меня к подоконнику, а в следующее мгновение он оказывается между моих ног, усаживая меня на него.

Он дёргает меня за бёдра вперёд. Вжимает в свой пах, точно сам пытается наказать за то, что он такой твёрдый из-за меня. Мой стон тонет у него во рту, когда наши языки сплав-

ляются в единственной секунде наслаждения от соприкосновения между нами.

И мы оба друг друга ненавидим за это. За отчаянную нужду, которая всего на мгновение утоляется, чтобы в следующее вспыхнуть новым огнём и безумнейшим голодом.

Арс целует всё глубже и яростней, надавливая на затылок, чтобы подчинить полностью мой рот. Я ненавижу себя за то, что позволяю ему это сделать. Что так отчаянно жажду его поцелуев. Но чем больше я становлюсь податливой и мягкой, тем сильнее мои ногти впиваются в его кожу на затылке и шее. Я царапаю Арса так, точно сражаюсь за собственную жизнь. Как дикое животное, которое уже знает, что обречено, но не может всё равно сдаться.

Когда Арс от меня отрывается, на его губе выступают капли крови, шея вся в отметилах от ногтей и царапинах. Мы оба дышим слишком спокойно для того, что ещё секунду назад между нами творилось, утихомирившиеся и опустошённые. Все взрывные эмоции остались в том поцелуи. Сейчас в нас только холодная, чистейшая и обоюдная ненависть.

Арс проводит кончиком языка по губе, будто просто проверяет действительно ли на ней кровь, прежде чем его большой палец стирает его кровь уже с моих губ. Он всё ещё молчит, смотрит на меня, будто оценивает, чувствую ли я тоже самое, что и он.

– Я предупреждала, что кусаюсь, – говорю ему без единого намёка на колкость. Я такая же серьёзная, как и он. – Не

смей больше выкидывать что-то подобное. – Потому что я не могу гарантировать, что смогу отстоять ещё раз этот бой. Мне нужно пресечь его до того, как Арс поймёт, что все мои чувства на самом деле сейчас вопят от досады, что он больше не смотрит на меня с восхищением. – А то ты похоже и правда забыл, что игра со мной обходится дорого.

Его глаза сужаются, он усмехается, но сухо и зло, продолжая всматриваться в мои глаза, пока его не зажигаются чем-то тёмным и дьявольским.

– Давай мы с тобой сыграем ещё раз в эту игру, принцесса, – говорит он, но я только хмурюсь, не понимаю его.

– Что?

– Ты снова отдашь мне свой первый раз, – Арс всё вглядывается в мои глаза, будто пытается там что-то поймать, и когда это происходит, его губы уже изгибаются в усмешке. – Так я и думал. Ты же ещё девственница, хоть что готов на это поставить. Такая, как ты не отдаст свой первый раз, кому попало. Он же дорого стоит, так ты мне передала. Но в этот раз я тебе докажу, что он не стоит ровным счётом ни-че-го.

Из меня вырывается смешок, и я готова боготворить всех на свете, что он не звучит так же поражённо, какой себя ощущаю. Настаёт моя очередь всматриваться в его глаза. Не знаю, почему я ещё думаю, что он несерьёзно, но когда точно убеждаюсь, моя кровь обращается в огонь.

– Ты похоже перевозбудился, Багиров, раз действительно думаешь, что этот номер зайдёт, – говорю холодно, но мне

самой сейчас почему-то вообще не до шуток. – Прости, но благотворительностью я не занимаюсь. Максимум, что могу ещё позволить – нормальный поцелуй, и то только из жалости. Как представляю, что тебе с твоей святошей не видать ничего серьёзней поцелуев в щёчку...

Я не заканчиваю эту мысль, самой неожиданно как-то не по себе становится, когда вспоминаю реальность. А вот Арс будто и не сразу вспоминает про свою девушку, хмурится, но я уже собираюсь уйти, пока не получила ответ. Но Арс мне не позволяет даже немного сместиться. Его тихий, бархатный смех царапает по моему самоконтролю. Я хочу ему врезать, особенно когда он так нахально заявляет:

– Ревнуешь, Рогозина?

Дико. Но ему выдаю такой же мягкий смех.

– Я? К кому? К той, которой ты только что изменял, набросившись на меня, как изголодавшийся зверь? Это ты меня поцеловал, а не я тебя.

Но его это никак не трогает, будто ему вообще нет дела, что он и правда изменял своей девушке.

– Я поцеловал тебя, чтобы показать, что могу закрывать твой рот в любое время, чтобы он больше не нёс всю эту самоуверенную чушь. Ты слишком высоко вознесла себя, Крис, уверенная, что все твои поступки сходят тебе с рук. Пора бы сбить с тебя эту корону.

Я наклоняюсь к нему, делая свой голос низким и сладким:

– И кто же это будет? Ты?

А он так непринуждённо кивает:

– Считай, доброволец.

Но я лишь снова смеюсь, качая головой.

– Нет, ты всего-то – бедный, обиженный мальчик, с раненым эго, что его переиграла какая-то девочка. – Мой голос обращается в холодную сталь, когда медленно и вкрадчиво произношу: – Я зарабатывала себе репутацию здесь два года, думаешь пришёл, задвинул пару угроз про обезглавливание, попытался пристыдить, и всё? Это сработает? Огорчу тебя, Багиров, но всё, что ты сделал – нажил себе врагов.

Арсу, очевидно, на них без разницы. Как и на все мои слова, потому что его голос продолжает звучать ровно.

– Так тем более, Крис, чего тебе тогда бояться, если ты уверена, что у меня ничего не получится? Я останусь в дураках и приму, что эта девчонка достойно уделала меня, а не подло и исподтишка. Или же докажу тебе, что твоя жизнь разрушится слишком быстро, потому что ты просто избалованная, зазнавшаяся стерва, которой самой на этот раз придётся платить за свой первый раз.

Я прожигаю глаза Арса уничтожающим взглядом. Он смог загнать меня в угол: откажусь, проиграю сразу. Сама мысль, что я этого боюсь и он знает, будет изводить меня каждый день.

– Одна несостыковка, Арс. Какой мне с этого прок?

Я уже думаю, что на этом мы закончим, как он говорит:

– Всё, что захочешь, Крис, мне терять нечего. Можешь да-

же озвучить свои требования потом. Месяц, если за это время я не смогу опустить тебя с трона, сделаю всё, что захочешь. Соглашайся, принцесса, – он склоняет голову в бок. – Я всё равно это сделаю за всё, что ты сделала, так хоть у тебя будет мотивация бороться сильнее.

Ох, у меня аж ухмылка на губах появляется. Это я ему сейчас подброшу мотивацию бороться сильнее, когда, наклонившись почти вплотную, произношу всего одно имя:

– Дана, – а стоит только увидеть, как сжимается его челюсть, добавляю: – Ты сделаешь всё, чтобы она поверила, что омерзительна тебе.

Моё сердце объявляет мне самый настоящий бойкот, ненавидя за то, что я заставила его почувствовать эту боль, которая пронзает его от холодного взгляда Арса. Но я игнорирую его, продолжая провоцировать, потому что вижу в глазах Багирова сомнение. Он не настолько уверен в себе.

– Что такое? Слабо? – я снова улыбаюсь.

Арс наклоняется к моему уху.

– Ты только что уничтожила единственный шанс на моё поражение, напомнив, что сделала с её жизнью.

А затем я не успеваю и опомниться, слабое дёрганье моего хвоста, а мои волосы уже в следующую секунду рассыпаются по плечам. Когда Арс отступает, в его руке моя ленточка, которую он зажимает меж пальцев. Идёт спиной назад, прежде чем развернуться и зайти в аудиторию, он подмигивает мне, опуская ленту в карман.

Глава 7. Крис

Затягиваю волосы резинкой, лежащей в сумке на тот самый «всякий» случай, и медленно выдыхаю, чтобы взять себя в руки, и только после достаю телефон, всё ещё сидя на подоконнике. Я не могу зайти в аудиторию сразу после Арса, у которого сейчас разве что слепой не увидит царапин на шее. Сопоставить, откуда они взялись, с учётом того, что мы оба где-то пропали, не составит труда даже для Антоновой. Плюс я не готова. Мне нужно выглядеть так, будто он не пообещал уничтожить мою жизнь, а это я смогу сделать, только если будет хоть одно преимущество.

Святые небеса... да я же основательно разваливаюсь.

Наверное, правильное было бы просто отойти в сторону и понаблюдать, как он собирается выполнять обещание. Но я не могу, у меня руки до сих пор трясутся от пытающихся накрыть эмоций. Не помню я, чтобы слёзы были когда-то так близки к моим глазам, чтобы их даже пощипывало.

Придурок явно заслужил ответа. К тому же, он первый начал. Он забрал мою ленту, уничтожив последнее то самое «особенное», что хранила о нём в душе.

Арс забрал у меня всё, что до последнего не давало мне прочувствовать боль.

Дана – его девушка.

Его браслет больше не принадлежит мне.

Теперь он коллекционирует мои «резинки», как победу надо мной.

А ещё он целует, когда хочет, показывая мне, что из нас двоих что-то значили эти поцелуи только для меня.

Так что, можно сказать, он сам напросился на ответ его действиям.

Подношу телефон к уху и жду несколько гудков, прежде чем слышу голос Кайманова.

– Дай угадаю, тебе что-то нужно от меня?

Я закатываю глаза. Вчера, между прочим, я очень даже искренне переживала за него. Но ходить вокруг да около с ним бесполезно.

– Возможно, тебе самому это понравится, – по крайней мере, я очень на это надеюсь.

– Сомневаюсь, обычно даже мне страшно от твоих идей, но... валяй.

Я прикусываю губу.

– Ты ещё не избавился от тачки, которую выиграл вчера?

Секундное молчание, прежде чем слышится его слабый смех.

– Мать вашу, так ведь и знал, что не просто так поменялся соперник.

Наверное, это тот самый момент, когда должна раскаться и сказать, что я здесь вообще не причём, но Егор точно не тот, кто поверит в мою невинность.

– Да или нет? – подгоняю его.

– Допустим, она у меня. Ближе к сути, Крис.

Давно я так не нервничала, пытаюсь что-то повернуть.

Весь день одной сплошной неуверенности.

– Мне нужно, чтобы ты забрал меня на ней через два часа.

Ровно один мой шаткий вдох надежды до его ответа.

– Мы собираемся кого-то разозлить?

– Именно.

И снова смешок. Я почти вижу, как он качает головой, прежде чем согласиться.

– Тебе будет это дорого стоить, Крис.

Как будто мне сейчас есть дело до платы...

Я медленно выдыхаю, когда сбрасываю звонок, и пытаюсь настроиться, чтобы войти в аудиторию. И тут дело даже не в том, что он наговорил мне. Арс вытаскивает чувства, которые я смогла похоронить два года назад, запретив себе страдать и убиваться.

Подумаешь, парень оказался козлом, какая девушка не проходила через разочарование хоть раз в жизни?

Я заставила себя поверить, что справлюсь с этим. И справилась. Честно ведь справилась. За исключением чувства вины и постоянного страха, что мы можем с ним когда-то встретиться вновь, в остальное время я жила довольно спокойно.

И неважно, что от парней держалась настолько далеко, насколько могла их удержать. Мало, кто хочет связываться с острозычной стервой.

«Такая, как ты не отдаст свой первый раз, кому попало». Мамочки... что я наделала?

Просто одно представление, что будет со мной, если у Арса получится выполнить своё обещание?

Меня убьёт не факт того, что я проиграла, а то, что он получит меня, ничего ко мне не испытывая, когда я...

Качаю головой. Я не для того терпела боль, безразличие учителей и ни разу не сдавалась, чтобы какой-то парень смог разрушить всё за месяц. Этому не бывать. А вот получить свою плату за спор? Я буду в первом ряду, когда Дана получит своё.

Спрыгиваю с подоконника, облизываю пересохшие от волнения губы и иду к двери, открывая её. Не проходит и секунды, прежде чем Антонова одаривает меня недовольным взглядом. Интересно, Арса она тоже допрашивала, где он пропадал?

– Я уже подумала, что тебе, Кристина, стало скучно в первый же учебный день, – говорит она, очевидно, всё ещё обиженная, что имела наглость с ней пререкаться.

– Что вы, Лидия Сергеевна, я всего лишь прониклась вашими словами и попыталась убедить Мира, что он поступает безответственно, пропуская ваши занятия.

Конечно, она мне не верит, но выбирает поступить именно так, не желая вступать со мной в диалог. Кивает, как бы разрешая входить. А мне на удивление даже путь до моего места даётся на этот раз проще, чем в первый. Сейчас Арс и

правда не больше, чем воздух. Все мысли заняты лишь ожиданием, когда закончатся пары.

Оказавшись на месте, достаю блокнот и списываю план, что виднеется на доске. Сейчас философия, но вместо занятия Антонова рассказывает подробно, что от нас требуется в этом году.

– Где твой бант? – шепчет Кар, наклоняясь ко мне.

Сложно не заметить яркую резинку, которую в жизни бы не надела с платьем. Но я и сейчас не выгляжу застигнутой врасплох, слишком просто отвечая:

– Ленточка распустилась, поэтому и задержалась, переделывая хвост.

Я лгу идеально гладко, что Карина в жизни не уличит меня в этом, а вот девушка слева. Чувствую её взгляд, она смотрит и смотрит, а я усмехаюсь, даже не отрываясь от записей. И всё же не ответить?

Скользну кончиком ногтя по парте, показывая ей, что она всё правильно понимает, не громко, но этого достаточно, чтобы даже Арс оглянулся. Вижу периферийным зрением его силуэт, как он задерживает на мне взгляд, прежде чем отвернуться обратно, а следом слышится, как громко открывается блокнот Даны. Вот теперь я искоса смотрю на то, как яростно и шумно она делает записи. Её рука трясётся.

Без разницы, что ей может быть больно. Не я это затеяла, а её собственный парень, который думал, что может делать всё, что захочет, и останется при этом «чистеньким» в глазах

своей девушки. Я не та, с которой можно просто развлекаться, и скоро они оба в этом убедятся.

Когда заканчивается философия и все встают, чтобы отправиться на последнюю пару, я замечаю, что Фил о чём-то переговаривается с Андреем. Мне хватает одного взгляда на них, чтобы понять, что они задумали. Он уже встаёт, собираясь направиться к Арсу, но тут я его останавливаю и, вставая перед ним, беру его за руку.

– У тебя случайно нет в машине зажигалки? – воркую с ним, делая самые нуждающиеся глаза. – Ленточка распустилась, хочу попробовать спасти её, чтобы не ходить с этой ужасной резинкой.

Фил переводит взгляд с меня на Арса, который и не собирается уходить, явно сам заинтересованный, что выберет парень: приструнить новенького, который так открыто нарывался, или выполнить просьбу девушки. Но я знаю, какое решение он примет. Это он только с виду последний пошляк и грубиян, на самом деле он достаточно добрый и отзывчивый. Яне пора открыть глаза и плюнуть уже на мнение Кар.

Фил мне кивает.

– Пойду, гляну.

– Ты – лучший.

Когда Фил проходит мимо Арса, следящего за ним до последнего и только после переводящего на меня свой взгляд, я не могу удержаться от улыбки. Мне нравится, что он видит, как легко я умею влиять на людей. И что сейчас именно по

моему желанию не произошло никаких разборок.

Арс усмехается, качая головой, и в этот момент рядом с ним снова кое-кто бесится. Громко что-то кладёт в сумку, видя собственными глазами, как между нами что-то происходит.

Арс тоже понимает это, но я не вижу, чтобы он был слишком обеспокоен, хотя и черты его лица напрягаются, когда он встаёт со своего места. Всего секунду мы стоим напротив друг друга, а потом он уходит первым, не дожидаясь своей девушки.

Это странно, но я стараюсь не задумываться над его поведением, возвращаюсь к своим вещам, складывая их, и не сразу замечаю, что Дана стоит за моей спиной.

– Оставь его в покое, – цедит она натянутым голосом.

Я осматриваюсь по сторонам, прежде чем закрыть сумку и повернуться к ней. Мы остались одни, поэтому могу в открытую ей улыбаться и не делать вид, что не понимаю, о чем речь. И всё же я медлю, осматривая её, когда она стоит так близко. Дана выше меня, отчего кажется худоватой, но в остальном она выглядит идеально. Никакой броской одежды, всё подобрано со вкусом, а я гадаю: интересно, это Арс спонсирует её учёбу здесь и новые шмотки? Если да, то их отношения и правда совсем другого уровня, с единственным минусом.

– А я смотрю, дорогие шмотки так и не помогли ничем тебе, он всё ещё смотрит на других.

Лицо Даны превращается в камень, она стискивает челюсти, её глаза всё ещё жаждут меня уничтожить. И пусть я ненавижу её ничуть не меньше, перед ней подавать вида точно не собираюсь.

– Я предупредила тебя, – бросает она далеко не невинно. – Если не отстанешь, Богом клянусь, ты пожалеешь об этом.

На это я уже не сдерживаюсь и смеюсь. Что ж за день такой-то сплошных «угроз». Но Дана, очевидно, не выдерживает открытых насмешек, уйти собирается, когда я кидаю ей в спину.

– Боже, не уж то ты и правда думаешь, что он случайно напоролся на мои ногти. Отбивался бедненький так отчаянно, что аж чуть с губой не расстался.

Нет, она так не думает, её кулаки сжимаются, будто она едва сдерживается, мечет в меня испепеляющий взгляд, прежде чем резво развернуться и зашагать прочь из аудитории.

Следующая пара длится невероятно медленно, всё время смотрю на часы, пока преподаватель также рассказывает, чего нам ждать от предмета. Дана на меня больше не смотрит, но и на Арса её взгляд редко падает, зато Кар частенько поглядывает на него, когда неожиданно не огорошивает меня вопросом:

– Как думаешь, она реально настолько любит его, что предпочитает делать вид, что не видит этого?

Вот этот вопрос меня уже застигает врасплох, плюс она не так давно уличила меня в том, что я могу знать их. Зато как ответить понятия не имею. Мне нужно быть осторожной.

– Сама же слышала её, она восхищается изменниками, так что, думаю, она выбрала делать вид, что не замечает ничего.

Кар задумывается, кончик её ручки стучит по парте, а мне почему-то не нравится, как внезапно она начинает смотреть на Арса. Более оценивающим взглядом, точно присматривается и что-то прикидывает.

– Ты не захочешь влезть в это, – говорю прежде, чем понимаю, что во мне заговаривает ревность.

Кар пожимает плечом.

– С чего это? – она криво улыбается. – Он хорошенький, и этот его взгляд... – Я с трудом сглатываю, смотря, как она закусывает губу, явно уже решив для себя всё. – К тому же, так намного интереснее. Не считая того, что меня буквально разрывает от злости, что кто-то с ним развлекся здесь раньше меня.

Единственное, что спасает меня от разоблачения, что Кар не смотрит в мою сторону, продолжая своими тёмными глазами буквально пожирать Арса. Готова поклясться, что в её мыслях он уже без одежды. А я закипаю. Смириться с Даной – это одно, но с тем, что после Кар будет в подробностях расписывать, каков он в постели...

Боже, да я же сгорю сейчас.

Особенно от безысходности, что не могу сказать ей что-

либо, чтобы не выдать себя.

Я с трудом заставляю себя отвернуться и упереться взглядом в записи.

– Потом не удивляйся, когда его ненормальная явится к тебе с разборками, – едва выдавливаю из себя сквозь сжатые зубы.

Чувствую, как Карина переводит на меня взгляд.

– Тебе просто всего-то надо сказать, что сама положила на него взгляд, как будто я не знаю, что тебе самой было бы интересно посмотреть на это.

Вообще-то, нет. Мне не нравятся все эти разборки и выяснения отношений, а ещё когда открыто лезут в пару, из желания просто поиграть. Если бы Арс не провоцировал меня, я лучше бы выла в подушку, чем сама попробовала их разлучить. Но сейчас мне не до того, чтобы объяснять Кар, как это выглядит. У меня совершенно другая проблема: она думает, что я положила глаз на Арса. Плевать, что так оно и есть, а сама я с ума схожу от ревности, Карине отвечаю смешком, стараясь спрятать все эмоции, когда поворачиваюсь к ней.

– Боже упаси после того, как он открыто бросил мне вызов, единственное, на что я положила глаз, это на могилу, в которой собираюсь его закопать.

Кар сомневается в искренности моего ответа. А зря: Арс своим появлением создал мне столько проблем, что действительно в пору уже думать, как избавиться от него, пока он не создал ещё больше.

Господи, звонок... я аж облегченно выдыхаю, понимая, что на сегодня все закончено. По крайней мере, для меня. Быстро скидываю вещи в сумку, не желая находиться здесь и секунды, как Кар спрашивает, нужно ли меня подбросить.

– Нет, меня заберут, – и с этими словами я в прямом смысле слова сбегаю из аудитории.

Мне без разницы уже, как это выглядит. За сегодняшний день и так думала об этом слишком часто. Слава предстоящим выходным, у меня будет аж целых два дня, чтобы собрать себя заново.

Сначала только подброшу кое-кому огонька.

Оказавшись на улице, я выглядываю Егора, не сразу вспоминая, что искать нужно не его машину. Он находит меня первым, пару раз моргая фарами, но я не спешу к нему. Иду медленно, давая время Арсу подоспеть к представлению. Парковка для машин располагается сбоку, поэтому вижу, когда он наконец выходит, неспешно, останавливается, очевидно, чтобы дождаться Дану, но я успеваю заметить, как его взгляд падает на меня.

И вот теперь я уже вся сосредоточена на Егоре, который выходит из машины и, закрыв дверцу, опирается на неё, дожидаясь меня.

Кайманов красив, даже слишком, сказала бы. У него острые черты лица и надменный взгляд самого отъявленного заносицы, которого когда-либо знала. Высокий, темный и с ледяными глазами, в которые иногда бывает действительно

страшно смотреть, дабы не позволить им забрать в себя душу. И я искренне благодарна судьбе, что меня не угораздило в него влюбиться, хотя в детстве и были моменты, когда я думала о нём, как о парне. Возможно именно поэтому он единственный, с кем мне не будет потом стыдно за то, что собираюсь сейчас сделать.

– И почему мне уже кажется, что я пожалею, что согласился приехать?

Потому что это будет именно так. Я улыбаюсь Егору, медленно переставляя ноги, когда начинаю скользить пальчиками по капоту машины. Понятия не имею, от куда, но я точно знаю, что Арс сейчас смотрит.

Смотрит, как я касаюсь его машины, за рулём которой тот, кому он её проиграл. Тачка блестит, точно недавно только выехала с салона. Если он сейчас не сгорает от ярости, то я сама невинность.

Егор продолжает наблюдать за моими действиями, не двигается и никак меня не выдаёт, пока приближаюсь к нему. Максимально близко, чтобы запрокидывать голову, глядя на него.

– Если сможешь мне разозлить владельца этой машины, то я по гроб жизни твоя должница.

Кайманов вскидывает взгляд, смотрит на Арса, это точно, потому что когда он опускает его обратно, меняет положение, кладя локоть на крышу, а сам становится напротив. Нависает ниже, до интимного ближе, выдавая хулиганскую

ухмылку.

– Понятия не имею, что я буду делать с тобой в должниках, но отказать, когда наша бессердечная Крис просит заставить ревновать парня... – Кай кривит губами. – Чёрт, а Яр знает, что у тебя всё же есть сердце? Или я первый узнал эту тайну?

– Разочарован, что теперь ты остался один без него?

Егор усмехается, снова смотрит поверх меня, прежде чем нагнуться ещё ниже, не отвечает на комментарий про сердце, вместо этого спрашивает.

– И насколько сильно мы хотим его разозлить?

Я кладу ладонь на его грудь, поглаживая пальцами.

– Настолько, насколько это возможно, чтобы после нам обоим не было неловко.

Егор вновь смотрит туда.

– Ну, считай, что девчонку, которая стояла рядом с ним, мы уже довели до того, что она несётся в гнев куда-то за здание.

Почти идеально, и всё же я хотела бы ещё поднажать.

– А он всё ещё смотрит?

Кай усмехается.

– Я бы выразился иначе: он обещает, что при следующей встрече на треке нам определённо скучно не будет.

Вот теперь идеально.

– Ты прелесть, Кайманов, – выдаю Егору сладкую улыбку, на что он отвечает ещё одной усмешкой и покачиванием го-

ЛОВЫ.

– Ей богу, Рогозина да сердце, я точно прожил эту жизнь зря до этого момента.

Легонько пихаю Егора в грудь, а в следующий момент отступаю. Для того, чтобы ещё больше разозлить Арса, дальше придётся потерять друга. Пусть и не самого лучшего, но я точно не собираюсь портить с ним отношения поцелуем.

– Тебе открыть дверку? – подкалывает меня Егор, пока иду к пассажирскому.

– Чтобы спустить весь блеф в никуда? – качаю головой. – Все знают, какой ты Егор, на это не купится даже незнакомец.

Мы оба садимся в машину, а я вдруг испытываю странные ощущения, понимая, что это машина Арса.

– Она новая? – спрашиваю Егора, проводя по приборной панели рукой.

Хотя достаточно одного запаха, чтобы понять, что так оно и есть.

– Почти «нулёвая».

Мне становится интересно, почему он поставил новую машину на кон. Взгляд сам как-то поднимается вверх, чтобы посмотреть на Арса, но вместо него вдруг упираюсь на того, о ком совсем не подумала, когда затеяла этот блеф.

Кар. Её машина стоит всего на два ряда впереди, она не могла не видеть всех моих заигрываний с Егором. Кажется, я всерьёз недооценивала её чувства к нему, потому что сей-

час они все в её глазах. В них жуткая и острая обида, даже девочки возле неё смотрят на меня так, точно я предала их всех разом.

Черт, доигралась?

Я увожу взгляд, пока не возненавидела сама себя, что позволила Арсу превратить меня в ещё более худшую версию себя. Пытаюсь высмотреть его, пока Егор заводит машину и сдаёт задом, чтобы выехать, и нахожу, когда он уже идёт за здание, куда, видимо, убежала Дана, вот только неожиданно перед ним возникает Филлимонов, затем Воронеж, Соболев и ещё два парня с параллельной группы.

– Егор, остановись!

Моё тело выдаёт реакции за меня, когда хватаю Кайманова за руку. Но я даже не думаю, чтобы подавить в себе тревогу за парня, который собрался меня уничтожить. Без разницы, серьёзно, я просто не могу уехать и точка.

– Что? – Кай поворачивается, нажимая на тормоз.

На этот раз я собираюсь просить его искренне.

– Мы должны помочь ему.

Егор прослеживает за моим взглядом, а уже в следующую секунду машина снова приходит в движение.

– Егор! – кричу на него, меня изнутри всю трести начинает, но Кай даже не смотрит в мою сторону, выруливая с парковки.

– Он взрослый мальчик, Крис, сможет о себе позаботиться.

– Но это моя вина!

И я не смогу жить с ещё одним пониманием, что Арс ввязался во что-то из-за меня.

– Сомневаюсь, что он делал что-то, чего бы не хотел.

Из меня вырывается звук полного отчаяния.

– Егoooор...

Он поворачивается и смотрит на меня внушительным взглядом:

– Хочешь, чтобы твоя игра сработала? Не превращайся в размазню, Крис, иначе на мою помощь можешь даже больше не рассчитывать. Да и поверь, ни одному нормальному парню не понравится, что за него бегают разбираться девчонка.

Я пытаюсь отыскать в себе здравомыслие, понимая, что Егор прав, а сама оборачиваюсь, чтобы увидеть, что там происходит, но деревья уже загораживают обзор. Со вздохом откидываюсь на сидение и прикусываю с внутренней стороны щеку, чтобы сдержаться.

Егор в это время качает головой.

– С ума сойти можно, вот это тебя понесло, Крис.

Мне хочется его ударить, но не за что. Он прав, мне срочно нужно отыскать свои мозги.

– Домой? – спрашивает тем временем Кай.

А я качаю головой.

– Тату-салон.

– Точно с ума сошла, мне даже страшно представить, что с тобой сделает Яр, – смеется Кайманов, и я уже собираюсь

ответить, что не Яру меня отчитывать, когда сам обзавёлся тату в пятнадцать, как тут вспоминаю про ещё одного брата.

Я достаю телефон, чтобы проверить дошла до него моя смс или нет, а когда читаю ответ, выдыхаю, что он согласился. Это я злила Арса, но для Даны я тоже приготовила кое-что интересное. Надеюсь, ей оно очень понравится.

Глава 8. Арс

Снова и снова сбиваю костяшки в кровь о боксёрскую грушу. Мне бы перчатки надеть, но... ни хрена. Я не хочу тупо боксировать, я, мать вашу, разорвать что-нибудь жажду.

Или кого-нибудь...

Претендентов на это сегодня прям тьма тьмушая, и хоть бы один действительно собирался подраться, а не тупо права покачать, чтобы я не обходился какой-то грёбанной грушей, когда во мне сидит столько ярости.

Поэтому никаких, мать вашу, перчаток. Я чувствовать буквально хочу, как под кожей надрывается ткань. Бью и бью целенаправленно в одно место. Не знаю, кого представляю. Ярость может свою, которой тупо надо прорваться.

А может этого фантазёра, который с чего-то решил, что ему можно в своих мечтах представлять Крис.

Или... с*ка! Кайманова, который пригнал на моей тачке. Сидел в ней, дышал, мать вашу, в ней.

Возле неё...

Удар и... я резко останавливаюсь, видя перед кулаком тонкую струйку наполнителя, стремительно вытекающую из разорванной ткани.

Черт бы тебя побрал, Рогозина. Весь мозг же проела...

Пора с этой хренью как-то завязывать.

«– Поверить не могу, – так и слышу безжизненный голос

Дан, стоящей рядом со мной и видящей одну и ту же картину: как Крис трётся возле Кая, возле моей тачки, которую всадилил по факту тоже из-за неё. — Так вчера всё было из-за неё? Арс?»

А я и ответить ничего не мог. Тупо оправдываться смысла не видел. Да и не до ответов мне нихрена было. Заговорил бы, Дана вряд ли понравилось бы, что я на неё рычу. Хотя и молчание сработало не лучше. Её короткое:

«— Ещё до сегодня...»

Да, Дана определённо поняла всё и без моих слов. А я же... даже и не понял, когда она убежала, выцепил уже краем глаза. И то, как, блть, приклеенного себя заставлял оторвать взгляд от чертовой парочки, чтобы попробовать догнать её. Но и тут мне помешали, чтоб его. Время уже первый час ночи, а Дан так до сих пор и нет.

И о чем я, мать вашу, думаю вместо того, чтобы попробовать её отыскать?

О том, что Рогозина меня уделала только так.

Идиотом себя каким-то чувствую, после всего, что залечивал ей. С чего я вообще решил, что у неё никого нет?

Но я тупо остановиться не мог. Увидел, что наконец где-то что-то треснуло у этой чертовой ледяной «королевы», и понесло только так.

Не то что жалею. Я хочу её проучить. Капец как хочу, чтобы стерва уже опустилась со своего трона, но будем откровенны, про девственность я точно завёл разговор не из этих

же целей.

Кроет... как же, мать вашу, меня кроет из-за Рогозиной.

Толкаю от себя грушу и, наконец, отхожу от неё, переводя дыхание. Надо взять себя в руки, серьёзно, пока это всё не зашло далеко. Понятно, что я не собираюсь «забирать» её первый раз по какому-то спору. Я слава богу ещё дружу с головой, чтобы брать кого-то насильно, хотя сам вид Рогозиной только так пытается внести корректировки в мои «отношения» с мозгом. Мне просто надо, чтобы Крис думала, что её игры могут обернуться против неё. И всё же, когда я ей это заявил, у меня самого что-то где-то отозвалось не херово, когда увидел эти полные поражения глаза, будто я причинил ей нереальную боль. А потом стерва снова открыла рот, и всё как рукой махом смело.

А я себя ещё имбецилом почувствовал, что так быстро в очередной раз повёлся на игру этой ***

Отшвыриваю от себя полотенце куда-то в угол спортивного зала и направляюсь в сторону кухни. Бесполезно, понимаю. Мне не внутрь заливать холодную воду нужно, а как минимум сразу на мозг, и всё же я надеюсь хоть немного себя остудить.

В доме голимая тишина. Мать давно спит, отца, как обычно, где-то носит до... до хрен пойми какого дня недели, ну и Дан, чтоб его, тоже нет.

Телефон выключен. Я звонил ещё там, у долбанного колледжа. И дома звонил. И час назад звонил, но всё в одно –

телефон абонента выключен, а где искать её хрен пойми.

Нет у неё подруг или друзей, кроме общих. Но и с ними она давно как-то не проявляет инициативы встречаться. А всё по тому же, там одни пацаны, как и прежде. Пара девченок, с которыми мутят Дэн и Макс, не в счёт. Они редко с нами тусуются, а если и пересекаемся, то Дана обычно сидит в одиночку, будто мыслями где-то не здесь.

Поэтому предположений тупо ноль.

Разве что, их квартира, что по итогу осталась ей да Алишу, когда их мать умерла. Отец перекрыл все долги, погасил ипотеку, сейчас она просто стоит абсолютно пустая.

Заливаю в себя залпом стакан воды, даже свет не включая, а потом обвожу взглядом тёмные стены, пытаюсь найти, куда себя деть.

Теперь даже не побоксировать, чтоб хоть чем-то мысли отвлечь. Да и отвлекались бы они, что ли. Только злюсь же сильнее. Всё в никуда.

Достаю телефон из кармана и снова пробую набрать Дану, когда вдруг замечаю через окно за воротами свет от фар, остановившейся возле них тачки.

А вот, похоже, и нашлась Дана...

Так и стою на месте, наблюдая, как она входит через ворота, и уже только когда подходит к крыльцу, сам двигаю в фойе. Привалившись плечом к косяку, смотрю, как она снимает обувь, не сразу меня замечая, но когда выпрямляется аж шарахается от неожиданности. Даже смех короткий вы-

рывается от неловкости, что она меня испугалась. Но слишком быстро Дана его проглатывает, секунду может разглядывает моё лицо, а потом вдруг вспыхивает, когда полностью видит меня. Взгляд уводит куда-то в сторону и губы облизывает, точно её смущает мой вид.

Понятно, что я не каждый день лётаю по дому полураздетый, но сейчас точно не собираюсь подрываться до комнаты, чтобы накинуть футболку.

– Не загулялась? – наконец выдаю, понимая, что от неё слов не дожждаться.

Она молчала, явно не зная, что сказать. Но стоит мне заговорить, как мечет косой взгляд. Злой, будто вдруг вспоминает, что произошло.

– Что?

– Телефон, Дана, так сложно было предупредить, где находишься?

Она усмехается, как-то устало и резко, прежде чем нормально посмотреть на меня. Правда, слова её всё равно звучат едко.

– А ты прям переживал?

Я понимаю, почему она злится, но это вообще никак не касается данной темы, поэтому просто игнорирую её выпадку.

– Вообще-то, да, – отвечаю спокойно, но она вдруг становится максимально разбитой.

Вздыхает и так печально выдаёт вопрос:

– Почему? Почему ты переживал, Арс?

У меня же аж слова не сразу находятся. Что за вопросы? Это же очевидно, твою мать.

– Может, потому что головой своей за тебя отвечаю?

И не только головой, я сам перед собой за неё отвечаю, потому что это единственное, как могу отплатить Алишу за всё, через что он проходит. Вот только для Даны такой ответ точно удар какой-то, секунду ещё пытается справиться с ним, прежде чем разозлиться и попробовать сразу уйти.

Что за...

Перехватываю её за руку, не давая подняться.

– Дана, твою мать! – уже рычу на неё.

Но я не в том состоянии, чтобы ещё контролировать, как разговаривать с ней. Ей богу, мне одной девушки хватает, выносящей мозг только так. С психами второй я точно не справлюсь.

Дана поворачивается обратно ко мне, выглядит так, точно пытается взять себя в руки, но у неё не получается.

– Почему, Арс? – выдаёт на грани срывающегося голоса, и на этот раз я хмурюсь, не понимая, к чему относится этот вопрос, пока она не рубит второй: – Почему ты так меняешься, когда дело касается Рогозиной? Почему ты просто не можешь игнорировать её? Зачем на неё ведёшься и бегаешь за ней?

Да потому что Рогозина, очевидно, родилась с такой встроенной функцией, специально настроенной, чтобы от-

ключать мою голову только так. Но...

– Это ещё здесь причём?

– Притом! В самом прямом смысле! Или ты уже забыл, что она сделала? Я думала мы на одной стороне, Арс!

Я с трудом перевожу дыхание, чтобы сдержаться. Мне только напоминаний постоянных не хватало, что я должен думать мозгами. Сам знаю, что меня несёт не в то направление. А злюсь я на Дан.

– Мы на одной стороне, – пытаюсь проговорить спокойно. Но Дана как-то странно смеётся, качая головой.

– Правда? Именно поэтому ты её сегодня трахнул? Какого?..

– Что я... – а дальше не договариваю, доходя до того, как она это сказала.

На Дану тупо в упор смотрю, хмурясь. Кто, мать вашу, эта девушка? Она слово «секс» выдавливая из себя, точно оно может обжечь, а тут рубит так уверенно, будто говорит его каждый день.

– Ох, ты же даже не отрицаешь, – выдаёт она, всё также качая головой, когда так и не нахожу, что сказать.

Смотрит на меня, будто я ей боль причиняю. А я злюсь только всё больше. На себя, на Рогозину, на всю эту ситуацию в целом.

Что я должен ответить?

Что всё прекрасно помню, но при этом всё равно хочу эту стерву? А отрицать, пусть и её заявление неправда... Тут я

тоже пас, чтобы раздавать громкие обещания, нужно быть как минимум уверенным, что даже больше в её сторону не посмотрю.

Посмотрю. И не только.

– Я не обязан отчитываться перед тобой. Если что-то и сделал, значит так надо было, – это всё, что могу ей сказать.

Вот только я и сам знаю, что её ни черта это уже не успокоит. Дана вспыхивает и взмахивает руками.

– Правда? Не обязан? Тогда с чего ты решил, что я должна говорить, где была? Может я тоже была с кем-нибудь! Тебе же всё равно без разницы на всех, кроме неё...

– Что? – хмурюсь, не понимая снова причём здесь, но Дана просто обрывает коротким: «То...»

И сразу же несётся наверх.

– Да... – собираюсь её попробовать окрикнуть, но осекаюсь, понимая, что это уже бесполезно.

Твою мать!

Зарычать хочется, честное слово. И снова что-нибудь поколотить хорошенько, но я даже обдумать на успеваю, на чем ещё можно выплеснуть злость, как дверь за моей спиной открывается. На этот раз входит отец. Он тут же тормозит, уже готовый что-то сказать, но я только головой качаю, предупреждая сразу, что лучше не стоит. Не в этом состоянии точно.

Мне вообще лучше ненадолго уйти, пока дров не наломал ещё больше.

Оказавшись в комнате, даже особо не думаю, хватаю первую попавшуюся футболку и куртку, а уже через три минуты вхожу в гараж, двигаю к тачке, когда на глаза попадает мотоцикл, на котором не гонял фиг пойми сколько времени. Но сейчас это прям самое то. Ночь пятницы, дороги пустые, да и направление я выбираю сразу к трассе. Планирую круг навернуть, хапнуть побольше адреналина, чтобы хоть он немного остудил кровь, и сам не понимаю, как оказываюсь стоящим на трассе и смотрящим на тот самый карьер. Справа дорога на посёлок принцессы, и я оглядываюсь на неё.

Какого хрена я делаю?

Серьёзно не понимаю, но у меня вместо мозга точно адский котёл.

Я даже не помню, когда последний раз злился так.

Там, у мусарни. И весь последующий месяц, пока разбирательства шли, заседания. Я был на каждом, еле высиживал, как разрывало не пойми от чего. А вот на последнем понял: я, блть, всё это время ждал её.

В пустую. Потому что ни на одном она так и не появилась.

Снова смотрю на карьер. Как я, мать вашу, так мог ошибиться?

Вот, что меня разрывало тогда. А сейчас тогда что? То, что она сегодня всё подтвердила?

Головой качаю. Мудак, твою мать.

Кладу обратно руку на сцепление и уже собираюсь тро-

нуться с места, как сзади выезжает машина, притормаживает, чтобы выехать на трассу, а я голову поворачиваю и...

Чтоб его.

Машина проезжает мимо, пока я неотрывно слежу за блондинистой головой, которая запрокидывается, потому что Рогозина заливисто смеётся. И только когда Бэха идёт на разворот в сторону города, до меня вдруг доходит, что за рулём нифига не Кай. Там другой, а рука Крис лежит на его плече.

Да она издевается, твою мать.

Глава 9. Арс

Рогозина улыбается, а меня это бесит. Смотрю на руку на её спине, когда тот, с кем она приехала к клубу, придерживая дверь, пропускает её вперёд, и окончательно прощаюсь со всеми доводами, что следить за ней – основательно нездоровая штука.

Пофигу, я просто уже хочу понять, кто она.

Отталкиваюсь от мотоцикла и двигаю к зданию. Я даже и не знал, что в этом районе есть клуб, но судя по ожидающим своей очереди людям у входа, он не так уж и малоизвестен.

– Эй, тут вообще-то очередь, – тормозит меня какой-то парень, перехватывая за локоть, когда уже берусь за ручку двери.

Хотя тут же жалеет об этом, вскидывая обе руки вверх, когда видит мой взгляд, с которым к нему поворачиваюсь.

– Я... – пытается что-то выдать. Видно, что мнётся. С ним рядом девчонка, и очевидно в её глазах не хочет выглядеть трусом, но и нарываться открыто он тоже не собирается. – В общем, я к тому...

– Сколько? – перебиваю его, чтобы он не сотрясал воздух впустую, а тот только рот от непонимания раскрывает.

– Что?

– Спрашиваю, сколько хочешь, чтобы мы поменялись местами, и ты ушёл в конец очереди?

Да, я охреневаю по полной, и в обычной ситуации даже не заподло было бы отстоять очередь, но у меня нет сейчас на это времени. Разум так вообще настойчиво пытается внушить, что мне и подавно не нужно в него попадать. Ничего хорошего, уверен, там не увижу. Готов поспорить, разве что, огоньку только поддам, в котором и так пылает мой мозг. Но если бы я за сегодня хоть раз слушал разум, то браслет бы был по-прежнему на запястье Крис, а в понедельник меня бы не ждала долбанная полемика. Поэтому... поздно: этот «стартер долбо*бизма» уже мотает по полной.

Но парень очевидно на стороне моего разума, снова мнётся, ещё и вид создаёт, будто ущемлён моей наглостью, собирается уже отказаться, когда девчонка рядом с ним выдаёт:

– Пятнадцать, – и сразу же замолкает, словно она мне себя только что продала.

Её парень офигивает, переводя на неё взгляд, но я не даю ему вставить и слова.

– Номер диктуй, куда скинуть.

Она называет мне цифры, пока её парень в открытую злится, но на него никто не обращает внимания. Мне надо быстрее разделаться с этим, пока вконец не разнесла ярость, что даже тупая затея проследить за Крис вытекает в какие-то испытания.

Но... мать вашу! Они не заканчиваются.

Стоит мне только скинуть девчонке деньги и открыть дверь, попутно закидывая трубку во внутренний карман, как

громила на «фейсе» тут же чётко рубит мне:

– Нет.

Да что за...

Я разве что руками только не развожу для полного признания себя идиотом.

– Это ещё почему? – не лучшая идея огрызаться сейчас, но меня буквально изнутри подрывает.

Хотя громила остаётся крайне спокоен:

– С телефоном никак, – поясняет мне какие-то наитупейшие правила.

Кто вообще додумался до подобного?

Осматриваюсь по сторонам, соображая, что делать, когда решаю воспользоваться тем же способом, что и с парочкой, но даже не успеваю выдать «Договоримся?», как прилетает повторно:

– Нет.

Да твою ж мать!

– Предлагаешь, мне его в мусорку выкинуть? – злюсь я всё больше.

Охранник же тупо пожимает плечами, мол, делай, что хочешь, продолжая смотреть на меня скучающим взглядом.

Очаровательно просто.

Тяну побольше воздуха, чтобы взять себя в руки и не сорваться. Это идиотизм какой-то, первый раз сталкиваюсь с чем-то подобным. Смотрю в сторону коридора, откуда доносится музыка, там прилично людей, явно не дружащих с го-

ловой, раз им вкатывают подобные правила. Базара нет, теперь мне и самому интересно, что же там такого особенного, но в большей степени раздражает только одна мысль: Рогозина то прошла. Но... ей богу, мне можно официально будет присваивать статус «дебила», если я ещё и скину телефон в мусорку из-за неё.

Просто само – долбанное – понимание, что из-за принцессы постоянно приходится что-то делать... мать вашу, да оно на разрыв мозга буквально.

Чтоб тебя, Крис.

Челюсти уже стискиваю, как всё раздражает, но я реально планирую выкинуть телефон, уже доставая его из кармана, когда тут слышу:

– Арс?

Поворачиваюсь на голос девушки и окидываю Катю с головы до ног, будто вижу впервые. Она – подруга Дэна, и она как-то заикалась, что работает администратором в клубе, но мне все равно непривычно видеть её в таком официальном наряде. Юбка, рубашка, шпильки, гладкие тёмные и красная губная помада в противовес девушке, которая постоянно ходит в кроссовках и огромных толстовках.

– Привет, – киваю ей, останавливая свои действия.

Рука так и застывает, не доставая телефон. При ней я его скидывать точно не буду, жду, когда она уже уйдёт, как тут она очевидно понимает сама, что меня не пропускают.

– О, – округляется её рот, прежде чем она с улыбкой не

подходит к охраннику. – Всё нормально Лёнь, за него я ручаюсь.

Охраннику явно не по душе эта затея, будто и сам знает, что зря она это делает, но по итогу отходит в сторону, пропуская меня. Правда взглядом таким провожает, точно обещает, что не спустит с меня глаз.

– Даже и не подумала бы, что тебя может занести в подобное место, – говорит Катя, когда подхожу к ней.

Не спрашиваю, почему, мне сейчас куда интереснее понять, что здесь за правила идиотские.

– Почему сюда нельзя с телефонами?

Девушка переводит на меня взгляд, пока мы идём до самого зала.

– Так ты даже и не знаешь, куда тебя занесло? – очевидно, мой вид говорит за себя, потому что она усмехается. – Сейчас сам всё поймёшь.

Последние звуки её голоса тонут в битах разрывающей танцпол музыки. Следую за Катей, уже доходя почти до середины танцпола, когда вижу в том конце помещения ринг.

Ну ни хрена себе.

– Если что, меня можно найти ближе к бару, но ты будь поаккуратней, здесь народ жаждет крови, а ещё любят вызовы, – почти кричит девушка, подаваясь ближе ко мне. – Любая стычка обычно заканчивается там, – указывает на ринг и улыбается, а я снова перевожу на неё удивлённый взгляд, в очередной раз убеждаясь, что внешний вид редко бывает

правдив.

Катя оставляет меня одного, пока я продолжаю осматриваться.

Крис и бои без правил?

Хотя чему я удивляюсь? Стерва наверняка по утрам питается сердцами младенцев, чтобы весь день строить козни и плести грёбанные интриги. Вид крови её точно не напугает. Отыскиваю её взглядом, проходясь им по второму этажу, когда вижу огромное зазеркаленное смотровое окно, и как-то невольно качаю головой, скидывая с себя ощущение, что на тебя оттуда постоянно кто-то смотрит. Дальше сканирую помещение, когда наконец нахожу Крис. Она сидит за барной стойкой, лицом к рингу, всё с тем же парнем, похожего на какого-то отпиленного головореза. А ведёт себя с ним так, точно он её личный плюшевый медведь. То и дело руками его касается, нагибается что-то сказать, смеётся и... дурачится?

Меня пихает кто-то плечом, проходя мимо, на танцполе толкучка, и я решаю, что нужно занять более удобное место. Самдвигаю к барной стойке, сажусь сбоку у самой стены, противоположно Крис. Она сидит спиной ко мне, хотя если и повернётся, потребуется присмотреться, чтобы увидеть меня в темноте. Но ей определённо ни до кого, кроме этого парня. Я его тоже видел и, если не ошибаюсь, как раз, с её братом, но это не точно.

Заказываю себе минералки, в основном просто для вида,

чтобы не привлекать к себе внимание, продолжая наблюдать за Рогозиной, когда вижу на её запястье повязку. Она взмахивает рукой, чтобы в очередной раз похлопать по плечу своего бугая, который постоянно ей улыбается.

Она ему улыбается. Смеётся и смеётся, а у меня только зубы всё сильнее сжимаются.

Какого черта серьёзно я делаю?

Хотел понаблюдать за её жизнью? Понаблюдаю, спасибо. Живётся стерве явно отлично. Она и здесь себя ведёт точно это место принадлежит ей. Слишком много внимания к ней, уверен, выстави она ручку, тут как минимум пятеро бы тут же подорвались её целовать. Они ж буквально её пожирают глазами...

А я?

К черту. Всё, что хотел, я увидел и понял.

Встаю с места и уже собираюсь повернуть в сторону выхода, как краем глаза замечаю, что её отморозок хватается Крис за руку. Ту самую, где медицинская повязка, тянет на себя, словно планирует её сдернуть, когда сама Рогозина пробует от него увернуться, бьёт его по клешне, но тот явно не намерен отступать, даже несмотря на то, что она меняется в лице, а у меня аж изнутри рычание поднимается. Что-то глаза, ей богу, застилает, что сам не понимаю, как начинаю идти, уже через пару секунд оказываясь за её спиной.

– Принцесса снова в беде?

Оба резко застывают, чувствую, как Крис оборачивает-

ся. Ощущение, что она даже не дышит в эту секунду. По крайней мере её сокрушенный выдох я чётко могу распознать, потому что его чувствую подбородком. Нависаю над ней слишком низко, но на неё не смотрю, полностью сосредоточенный на её парне, который в отличие от Крис не выглядит удивлённым.

Сам сразу же настраивается на меня, медленно выпуская руку принцессы.

– Ты его знаешь? – интересуется довольно спокойно, не сводя с меня ответного взгляда.

– К несчастью, – выдаёт Крис, а я не могу удержаться, чтобы в этот момент не посмотреть на неё.

Хотя бы узнать, столько же в её глазах отчаяния, как и в её голосе. Взглядом мажу по коже её плеча, шеи, задерживая его в месте, где пульсирует жилка.

Я хочу её прокусить... буквально, чтоб его.

Мы сталкиваемся наконец-то взглядами, глаза принцессы, как всегда, пылают огнём, а я усмехаюсь, никак не способный отказаться от понимания, что мне нравится видеть, как она бесится.

– Ты не ответила мне, – напоминаю Рогозиной. – Кто на этот раз? Орк?

Не знаю, слышит ли нас бугай, но по лицу Крис видно, что я зря это сказал. Она со вздохом качает головой, прежде чем повернуться к своему парню, который явно пытается понять, что происходит.

– Не слушай его, Жень, парень просто помешан на сказочных персонажах: принцессы, драконы, орки... – тут она бросает быстрый взгляд на меня: – Кашеи бессмертные, – недвусмысленно намекает, чтобы я не нарывался, мне же только смешно.

Принцесса обо мне беспокоится? Зря, я весь день только и жажду с кем-нибудь да подраться. Вот с ним – вообще идеально, это не то, что её недоделанный мечтатель, которому хватило только выкрутить руку, чтобы он услышал меня с первого раза. Да и этот бугай явно думает обо мне тоже самое, взглядом буквально транслирует, что мне недолго осталось жить.

– Мне его выставить? – спрашивает внаглую, показывая, что живой я ещё точно не потому, что выгляжу так же утрашающе, как и он.

Крис в этот момент выцепляет мой взгляд, смотрит так, будто и сама на знает, что со мной делать.

Давай, соглашайся, принцесса, скажи ему: «фас». Но она только снова вздыхает.

– Не надо, дадим сказочнику хоть раз побывать в нормальном месте, – продолжает смотреть на меня. Ей определённо доставляет то ещё удовольствие меня заводить и наблюдать, как действуют её фразочки, но сейчас я только улыбаюсь, показывая, что этим меня ей точно не взять. – Ты не оставишь нас ненадолго? – поворачивается она обратно, я уже и сам не понимаю, кем он ей приходится, к парню, и тот нехотя,

но кивает.

– Я буду наверху, если что.

Ему не нравится оставлять её рядом со мной, а мне не нравится, что он вообще может быть рядом с ней. Ещё и так, будто имеет серьёзные права на неё. Однако сейчас стараюсь не задерживаться на этой мысли, я думаю о том, что дальше делать с Рогозиной. Оставлять её здесь с ним мне почему-то тоже не хочется. Снова поворачиваюсь к ней и даже не планирую выдерживать расстояние, хотя и от такого мизерного явно могут возникнуть проблемы, когда её провоцирующий рот всего в каких-то десяти сантиметрах.

– Мне вот интересно, ты просто сама любишь «пожётче» или тебя привлекают только конченные ублюдки?

Взгляд Крис становится острым, она сама поворачивается на стуле, заставляя меня отстраниться и выдерживать расстояние, не понимая того, какую совершает ошибку. Между нами оказываются её ноги. Ноги, которые хочу видеть, она даже и представить не сможет, в каком положении на себе.

– А мне интересно, не смущает ли тебя, что ты себя тоже включил в этот список?

Ладно, про ноги я могу ненадолго забыть. Поддаюсь к ней чуть ближе:

– Я тебя привлекаю, Крис? – а вот про такое я точно не собираюсь забывать.

Но она даже сейчас не выглядит так, будто я её на чём-то поймал. Вместо этого в очередной раз закатывает глаза и

качает головой.

– Объясни мне, Багиров, как так получается, что за два года мы ни разу не встретились, а за один день аж дважды? Ты меня преследуешь?

Бинго, принцесса.

Я усмехаюсь.

– Может это потому, что ты сама от меня бегала? – переворачиваю всё в свою сторону.

Крис хмурится.

– Что?

– Вчера, – отвечаю ей просто. – Я видел тебя на треке, а через секунду и след простыл.

Потому что сейчас я уверен, что она была там. Мне хватило одного взгляда на неё сегодня, чтобы понять, что мозг, как бы хорошо её ни помнил, вряд ли смог так чётко воспроизвести все изменения. Крис явно выглядит иначе: более острые черты лица, его выражение, убийственный взгляд, фигура – я всё рассмотрел, пока пялился на неё в аудитории. Единственное, что не изменилось – её духи.

Всё ещё девочка-сахарнаявата. Хотя ванильного в ней точно ничего нет, стоит один раз попробовать, чтобы понять: вместо сахара на самом деле стекло.

То самое, которым она готова перерезать мне горло за то, что раскрыл что-то ещё, чего бы ей на хотелось. Но эти вспышки такие быстрые, что их почти невозможно поймать, точно цвет стробоскопа, который как раз задевает её глаза, в

следующее мгновение в них улыбка, как и на её губах.

– Ты про тот момент, когда потерял управление?

Да, Крис точно знает, что причина – она. Я игнорирую эту деталь.

– Факт остаётся фактом: ты сбежала.

– Сердце не выдержало смотреть, как ты прощаешься со своей новой машиной. Кстати, мне в ней понравилось.

И это я тоже игнорирую, хотя и зубы скрипят, когда выдаю ей улыбку.

– Вау, оно и правда у тебя есть?

Снова вспышка в глазах, а я не понимаю себя, почему так внимательно вылавливаю их. Я будто хочу её спровоцировать на что-то конкретное, о чём ещё сам не догадываюсь.

На этот раз Крис встаёт и подходит ко мне, на то самое расстояние, когда я могу думать только о том, что мне ничего не стоит «взять» её рот. Хотя, готов поклясться, что сейчас она бы мне не позволила себя поцеловать. По крайней мере, когда это увидят другие. Хочется ли мне от этого получить её ещё больше? Не то слово...

На плечи её обнажённые смотрю, в этом чёрном кукольном платье Крис выглядит миниатюрной и хрупкой. Слишком шикарной. Настолько, что если бы она не напоминала мне каждую секунду, какая она на самом деле стерва, я бы просто закинул её на плечо и как какой-то пещерный человек утащил бы в далёкую глушь, чтобы навсегда присвоить себе. Сейчас же, глядя на изгиб её шеи, только и думаю о

том, что хочу её пометить, как это сделала сегодня принцесса со мной. Зубами, засосами – пофигу как, главное, чтобы каждый, кто смотрел на неё здесь, знал, что она принадлежит мне.

Но... как я и сказал, от глупостей меня удерживает сама Крис. Особенно, когда она так вызывающе задирает голову, чтобы медленно проговорить:

– Мой тебе совет, Арс, не появляйся здесь больше, а то на собственном опыте убедишься, что его у меня и правда нет. В следующий раз, я не буду тебя прикрывать перед Римом, когда он захочет выкинуть тебя отсюда.

Её слова сказаны, чтобы в очередной раз задеть меня, но в этот момент она сама напоминает мне о другом.

Крис уже тянется к сумочке, чтобы, очевидно уйти, когда я её останавливаю. За руку перехватываю, аккуратно и выше запястья с повязкой, не давая двинуться с места.

– Что там? – я спрашиваю абсолютно серьёзно.

Понимаю, что мне должно быть пофигу, но это не так. Оно и так опровергалось в тот момент, когда не смог отсюда уйти, поэтому даже не собираюсь искать этому идиотскому явлению оправдания.

Вот только Рогозина продолжает отпускать едкие шуточки:

– Не переживай, я не настолько огорчена твоим видом в колледже, чтобы резать себе вены.

А мне как-то ни хера не до шуток. Тем более, я понимаю,

к кому именно она собирается уйти. Снова предпринимает попытку, когда уже основательно перехватываю её за поясницу и дёргаю на себя.

Крис не нравится, что я позволяю себе так нагло обращаться с ней. Мне же нравится всё, что не нравится ей. Но спрашиваю я серьёзно:

– Ты реально собралась возвращаться к нему?

Всё вглядываюсь в её глаза, пытаюсь понять, зачем ей вообще это нужно. В деньгах она не нуждается, во внимание парней уж подавно. Тем более, днём она была с другим.

Я просто не понимаю её, как ни крути. А хочу. Капец как хочу. Особенно, когда в ней промелькивают перемены.

Крис выглядит какой-то другой. Её глаза огромные и печальные, и сейчас я могу точно убедиться в том, что сердце у неё всё же есть. Оно слишком быстро стучит о мою грудь, хотя голос принцессы звучит ядовито:

– А что, лучше остаться с тобой? – Я стискиваю зубы, чтобы слёту не ответить ей «да», настойчиво вдавливая себе в голову, что эта не та девушка, по которой сходил с ума два года назад. Это её оболочка, образ – да хрен пойми что, что напридумывал себе сам. Я просто хочу, чтобы она была ей, поэтому и бешусь, каждый раз, когда стерва острит, что реальность не соответствует этому. Хотя не то чтобы ей нужен был вообще мой ответ, она бы не осталась со мной так и так. – С тем, кто обещает меня уничтожить и собирается забрать мой первый раз только для того, чтобы потешить своё

это? – Крис улыбается той самой своей улыбкой, только один вид которой может любого вывести из равновесия, из одного понимания, что её не остановит даже заряженный пистолет. Рогозина всё равно будет бить, просто потому что знает, как снести тебя первой: – Да я предпочту быть хоть с кем, Арс, – привставая на носочки, произносит она практически мне на ухо, будто точно знает, что пока её тело так прижимается ко мне, она может говорить хоть что, я всё равно не смогу думать ни о чём, кроме того, что хочу вжать её в себя так, чтоб её кости рассыпались в моих руках. Знает и с удовольствием этим пользуется, нанося последний удар. – Но только не с тобой.

И тут же пробует отстраниться, но не тут-то было. Я не отпускаю, сильнее вжимая её в себя, и мне без разницы, что она хочет уйти. Сама виновата, не хрен дразнить чертовски голодного зверя. Не отпущу, даже если её тело будет покрыто шипами.

Я наклоняюсь к ней ниже.

– Громкие слова, Крис, когда мы оба знаем, что ты будешь со мной, – напоминаю ей, ухмыляясь. – Ты уже согласилась на это.

Пофигу, что это не так, мне просто нравится ей об этом напоминать и смотреть, как её же слова играют против неё. Хотя и не сейчас, Рогозина не сдаётся.

– В твоих мечтах, Багиров, тебе до победы как до... – подмигивает дерзко она, – но ты можешь поглазеть на мою зад-

ницу, которую тебе никогда не получить, когда я буду подниматься, – бросает с вызовом и в очередной раз пробует отстраниться.

Мимо, принцесса. Сомневаюсь, что теперь у неё в принципе получится отойти.

– Вот эту? – резко дёргаю вперёд, вжимаю прямо в свой пах за ту самую задницу, показывая ей буквально, что она играет с огнём.

Зачем мне на неё пялиться, когда она может оказаться в моих руках в любое удобное время? И это мы тоже оба с ней знаем...

Вот только Крис всё равно никак не сдаётся, снова мне улыбается:

– У тебя всего пару секунд, Арс, чтобы убрать руку, – выдает она сладко, так невинно притом хлопает глазками, точно она сама ангел воплоти.

Ангел с невероятно уничтожающим взглядом. И мне, черт возьми, безумно нравится этот взгляд. Больше хочу, потому ей снова только ухмыляюсь, понятия не имею, что она задумала, но точно знаю, что хочу это узнать. И...

Мать твою!..

Я стискиваю зубы, на мгновение даже вспышку перед глазами лоя, когда мне в ногу вонзается каблук.

Просто чертовски, мать его, острый каблук Крис.

Выдохнуть хочется, но я даже не моргаю, продолжая бурлить охренительно непроницаемые глаза Рогозиной взгля-

дом, пока её каблук вдавливаются и вдавливаются, притом сама Крис выглядит так, будто не лишает меня в это мгновение ноги...

Чтоб, блть, его!

Я отпускаю Рогозину, её каблук в эту же секунду снимает давление, хотя и остаётся всё ещё на моём ботинке.

– Ещё раз перейдёшь черту, и под мои каблуки уже попадут твои яйца, Багиров, понял меня?

Это вряд ли, я просто с сегодняшнего дня начну носить «керзачи». Но сейчас я отпускаю её и, стискивая челюсти, наблюдаю, как Крис сразу же уходит, виляя той самой задницей, которую собираюсь не то, что отделать, я её...

Чтоб его, кулаки сжимаю и перевожу дыхание. Снова смотрю, как Рогозина уже поднимается, когда в этот момент привлекают две фигуры, не сводящие с меня взгляда. Тот самый бугай и Кайманов, оба стоят, опираясь на перила второго этажа, когда Крис проходит мимо них, Кай ей что-то говорит, она выглядит недовольной, но по итогу сворачивает, и я вижу, как она направляется туда, где очевидно и находится комната с этим окном.

Пазлы начинают медленно складываться. Клуб, очевидно, принадлежит кому-то из них, вот только... какого хрена? Они вместе? И с кем вообще Крис?

Оба смотрят на меня так, что создаётся впечатление, что сразу с ними обоими.

Качаю головой, хренатень какая-то, а мой мозг сейчас не в

том состоянии, чтобы разгадывать эту загадку. Чтобы представлять, что сразу с двумя...

Мать его.

Сцепливая зубы, отталкиваюсь от барной стойки и, прикладывая реально усилия, ухожу, делая вид, что мне не хочется хромать в эту секунду. Рогозину впредь нужно сразу раздевать догола, прежде чем заводить разговор.

Надо запомнить, что ещё ремешок от сумочки она может использовать как оружие.

Выхожу из клуба, попутно ловя ещё острый взгляд охранника, который тоже провожает меня так, будто обещает, что запомнил меня.

Какое приятное место...

Но оно не заканчивает радовать.

Я только дохожу до мотоцикла, уже собираясь достать ключи, как тут слышу:

– Эй, сказочник.

И усмехаюсь, качая головой. Долговато, я ждал, что мне даже от входа не дадут отойти. Оборачиваюсь и жду. Ко мне прет тот самый бугай, и не один. Кайманов идёт медленнее, а потом и вовсе приваливается плечом к дереву в нескольких метрах и подкуривает, не сводя с меня взгляда.

Бугай подходит почти вплотную.

– Потолкуем?

Ну, очевидно, я наконец получил, чего так жаждал весь день.

Глава 10. Крис

Здесь что-то не так...

Торможу, только войдя в аудиторию, и оглядываю всех присутствующих. Что это за прикол?

Смотрю на место, где всегда сижу с Кар. То, что сейчас вместо неё Василиса, еще вполне можно объяснить, так как Карина со мной с пятницы не разговаривает. Но почему вдруг Фил и Воронеж сидят через две парты? Соболев и Дьяченко, сидящие обычно передо мной, вообще пересели на другой ряд в конец, вместо них сидят девочки. Парни, которые сидели слева от меня, поменялись местами с другими девочками. Вокруг меня ни одного парня на несколько метров, словно...

Багиров, чтоб его!

Богом клянусь, это его рук дело. И я ещё дура за него переживала, когда его поймали парни за колледжем? Как он это провернул?

С трудом подавляю желание зарычать, его нахожу, он сидит на том же месте и смотрит на меня косым исподлобья взглядом.

Короткое подмигивание – это единственная его реакция на моё появление, прежде чем он не переводит взгляд в сторону учительского стола. Даны с ним рядом нет, её вообще нет в аудитории, и я собираюсь этим воспользоваться. Без

разницы, что все поймут, что мы с ним знакомы, я не в том настроении, чтобы сдерживать злость.

Он же буквально везде...

Трек, колледж, клуб – Арс захватывает всё больше и больше территории моей жизни. А я реально с ума схожу, не понимая, как ему нанести ответный удар.

– Скажи мне, ты что, в колледж перешёл сразу из детского садика? – спрашиваю, внаглую садясь на его парту и упираясь в неё рукой.

Сегодня мне можно позволять себе сидеть хоть где, потому что решила ненадолго проститься с юбками. Понимаю, что Антонова скорее всего устроит мне разнос, хотя и мои джинсы-бойфренды с сероватым оттенком в цвет формы, но я не позволю больше Багирову меня лапать. Волосы тоже распущены, чтобы ему нечего было снимать с меня, убраны невидимкой только передние пряди. Потому что невидимка мне всегда может понадобиться, чтобы, например, воткнуть её ему в руку, если она ещё хоть раз окажется на моей заднице, потому что каблуков у меня сегодня нет.

Арс не спешит отвечать, медленно поднимает на меня взгляд и будто целых три секунды раздумывает, стоит ли вообще это делать.

– А ты прямиком сюда, после прививки от бешенства, которая не успела ещё подействовать? – спрашивает беспечно, и у меня лицо каменеет от его слов.

Хотя может и не от слов, Арс в клубе и Арс сейчас – аб-

солютно два разных человека. Он выглядит так, будто я ему докучаю и совершенно неинтересна.

И это злит ещё больше, после того как два дня настраивалась отбиваться, сталкиваться с тем, что ему безразлична?

Перевожу дыхание, прежде чем нагнуться к нему, будто последнего и вовсе не слышала, продолжая говорить в привычной манере.

– Это и есть твой ход? Серьёзно? Настроить... – тут я качаю головой. Ну не понимаю я, как у него это получилось. – Без разницы, что бы ты ни сказал парням, это действительно приёмы детсадовского возраста, Арс. Когда ты обещал меня уничтожить, я ожидала чего-то масштабного, отчего у меня будут дрожать колени, а тут...

Я не договариваю, пытаюсь передать смехотворность поступка улыбкой, когда понимаю, что на самом деле так зла, что даже подобие у меня не получается выдать. Выходит что-то похожее на болезненный оскал, я уверена.

Святые небеса, надеюсь, я никогда не увижу со стороны, как это жалко смотрелось.

Арс же всё ещё выглядит так, будто бы он сейчас заснёт от разговоров со мной, хотя на сей раз голову чуть запрокидывает, чтобы посмотреть на меня.

– Однако ты бесишься, – подмечает он, но и это не вызывает в его глазах никакого огонька, что основательно где-то откликается во мне. Что за бред... я не хочу никакого «его огонька», вот только никак не могу подавить тянущее чув-

ство разочарования под ложечкой. – А я даже сам ничего и не делал, Рогозина, – продолжает он. – Я не виноват, что кое-кто слишком труслив, чтобы попробовать отстоять свои же слова. Мне заявили, чтобы я не разговаривал с тобой и не дышал в твою сторону, я же ответил, что только один и могу это делать.

Фил, чтоб его, мне хочется заскулить от понимания, что он так крупно облажался. Но... всего лишь ответил? Обвожу аудиторию взглядом, ни один из парней даже не смотрит мне в глаза, тут же отводя их или утыкаясь в тетради.

– Ты отвечал, размахивая томагавком? – произношу недоумённо, потому что другого объяснения не нахожу.

Я слышу бархатный смех Арса и зависаю на нём раньше, чем могу приказать себе ненавидеть всё в этом парне, даже если оно так прекрасно. Он смеётся непринуждённо, качая головой, прежде чем резко не стать серьёзным, словно вдруг о чем-то вспоминает. Снова поднимает на меня взгляд, собираясь что-то сказать, как неожиданно он видит мою левую руку, лежащую поверх сумки на коленях, и тянется к ней. Не знаю, отчего я шарахаюсь назад, от соприкосновения или страха, что оно произойдёт, потому что стоит его пальцам коснуться косточек на моём запястье, я замираю. Сзади слышится, как что-то падает, но я буквально парализована, чтобы обращать на это внимание. Всё внимание сосредоточено на том, как Арс держит мою руку, его большой палец зависает в нескольких миллиметрах от запястья, на котором вы-

биты чёрные буквы.

«Уничтожь то, что уничтожает тебя»

Арс не касается кожи, а меня всё равно бьёт дрожь, будто это расстояние до его пальца, когда он проходится вдоль букв, может ощущаться сильнее, чем прикосновение.

Я с трудом сглатываю и молчу, не знаю, почему, но мне не хочется портить этот момент своим ужасным и колким языком. Мне не хочется портить его «собой», потому что сейчас всё во мне буквально молит, чтобы он не отпускал мою руку.

То, как он держит её, как смотрит на буквы несколько секунд, пока в его взгляде что-то не меняется. Арс отпускает её, пару мгновений точно собирается, прежде чем посмотреть на меня. Снова холодно и безразлично.

– Это всё? На сегодня претензии закончены? А то ты вроде зареклась, что мне не видать твой задницы, а тут она сама приземляется ко мне на парту.

Я прихожу в нереальное замешательство от тона его голоса и этого взгляда, от которых чувствую себя навязчивой идиоткой. Это ущемляет меня сильнее его наглого поведения в клубе. Сейчас он всем видом показывает, что моё присутствие ему надоело.

Мне нужно уйти, пока не унизила себя ещё больше, понимаю ведь, но что-то внутри упорно сопротивляется. Я хочу видеть другого Арса и не могу никак отступить.

– Вообще-то, нет, – заявляю надменно, – с чего ты решил, что тебе только одному можно разговаривать со мной и ды-

шать в мою сторону? Не слишком ли самоуверенно, Багиров?

Но нет, даже это его никак не цепляет, он устало вздыхает.

– Виноват, вышла ошибка, – отзывается он просто. – Хочешь, я могу их заставить снова обратить на тебя внимание и иметь тебя словами и взглядами? В конце концов, как королеве без её подданных? Кстати, на Марии Стюарт доказано, что это ничем хорошим не заканчивается.

У меня что-то обрывается вниз. Понятия не имею, что это, но ощущение, будто в груди стало пусто. Смотрю на Арса непонимающим взглядом. Что происходит? Один день он меня целует и вызывается защищать, ревнует и запрещает парням ко мне приближаться, а сейчас...

Я с трудом заставляю проглотить горечь ужаснейшего разочарования и обиды. Секунду ещё смотрю на него так, будто просто хочу ударить за то, что он так со мной холоден, но по итогу беру себя в руки. Не идеально, потому что единственное, что получается бросить ему:

– Придурок, – прежде чем встать и пойти к своему месту.

У меня внутри всё кипит от эмоций, хочется накричать на Багирова, действую слишком резко, когда выкладываю вещи на стол, а затем тянусь к заднему карману, чтобы достать телефон, прежде чем сесть, когда осознаю, что его нет.

На секунду меня парализует дикий страх, только от представления, где он мог остаться, а когда всё же перевожу взгляд на парту Арсу и вовсе всё тело пронизывает адреналин-

ном. Уже подрываюсь, чтобы забрать его, как в этот момент влетает в аудиторию со звонком Антонова, за которой буквально пытается подоспеть Дана. Я так и прирастаю к месту, наблюдая, как счастливая стерва о чём-то говорит с преподавателем. Антонова ей улыбается, отвечая, после чего Дана бежит к своему месту.

– Кристина?.. – отвлекает голос Лидии Сергеевны. – Что-то случилось?

Я смотрю обратно на парту Арса, по всему телу всё ещё ползают омерзительные ощущения, пробирающегося под кожу ужаса. Арс переглядывается со мной коротким взором, прежде чем его не отвлекает Дана, нагибается и что-то говорит ему. Ей он улыбается, незаметно стаскивая мой телефон под парту, чтобы она не заметила.

Не знаю, почему это так сильно ощущается, но у меня буквально ком к горлу подбирается. Чувствую себя однойдневной дешёвкой, понимая, что Арс прячет все доказательства, что мы с ним вообще разговаривали. И теперь даже вопрос отпадает, почему он хотел, чтобы я от него отошла.

– Кристина?! – вновь надавливает Антонова, но я лишь качаю головой, садясь на своё место.

Ни на кого не смотрю. На телефон свой в руках Арса, он чуть отодвигается, сам на него смотрит, будто о чём-то раздумывает, прежде чем снова бросить на меня взгляд. И тут...

Нет-нет-нет.

Я начинаю качать головой раньше, чем понимаю, что по-

казываю Арсу, что у него в руках стопроцентное оружие против меня. И он единственный, кто может им воспользоваться. Он это читает по моим глазам, налитыми чистейшим ужасом.

Секунда, и он принимает решение, когда его палец мажет по экрану, вызывая панель с вводом пароля.

Нет.

Он нажимает первый ноль.

Нет-нет-нет.

В груди поднимается волна неконтролируемых эмоций, дышать становится невозможно, но я всё продолжаю и продолжаю качать головой, будто это может его остановить.

Второй ноль, а я едва подавляю крик, подрывающийся к горлу.

Третий, четвёртый, пятый...

– Лид... – я вскакиваю с места, уже собираясь впервые жизни просить её помощи, но – всё.

Поздно. Я вижу, как он нажимает цифру «один», и понимаю, что наступил мой персональный конец.

Глава 11. Крис

Диалоги тет-а-тет

До утра за жили-были

От нее секретов нет

Избавляемся от пыли

Я дышу ее душой

Она дышит моим сердцем

Я снимаю капюшон

Отворяя ей все дверцы

ALEKS ATAMAN, Finik.Finya – Диалоги Тет-а-тет

Чуть приподнимаюсь, когда у Арса вибрирует телефон в районе моей поясницы и он тянет руку, чтобы достать его из кармана джинс. Мы сидим на старой, полуразвалившейся беседке прямо на берегу речки у посёлка. Ночь почти уже, скоро мой телефон начнёт разрываться от звонков родителей, но я даже думать об этом не хочу. Тепло, тихо и небо слишком красивое, у моей щеки размеренно отдаётся биение

его сердца, сама мысль, что нужно прервать этот момент, заставляет меня ненавидеть сменяющееся время суток.

Моё лицо обдаёт светом от экрана телефона, когда Арс набирает пароль передо мной, чтобы прочитать сообщение. Оно от его мамы, сообщающей ему, что уже находится на дежурстве. Он печатает ей быстро ответ и уже собирается убрать телефон, когда я с улыбкой произношу:

– А на последнюю единичку ты за что-то обижен, что решил её заменить на ноль?

Запрокидываю голову, чтобы посмотреть на его улыбку, когда слышу его слабый смех. Я с ума по ней схожу, никак не понимая, как этот парень смог отхватить всё самое лучшее себе. В нём будто всё идеально, что иногда мне даже страшно становится, что он сможет разглядеть то, что слишком неидеально во мне.

Арс сам опускает на меня взгляд, в темноте его почти не разглядеть, но я могу даже просто чувствовать, как он на меня всегда смотрит.

– Не совсем, – отвечает он, а потом берёт короткую паузу, словно раздумывает, говорить дальше или нет, но по итогу Арс признаётся: – Вообще-то, это просто как напоминание, что не всегда нужно быть первым, иногда лучше уступить, чтобы выиграть. Как-то так...

Его последние слова звучат почти тихо, точно он до сих пор не уверен, стоило ли говорить, но мне определённо нравится. Нравится, что у него есть много вещей, которым

он придаёт какой-то смысл. По крайней мере, до него я не делала ничего подобного, а сейчас мои пальцы сами по себе тянутся к ремешку браслета. Провожу кончиком ногтя по металлической части туда-сюда, едва задумываясь о том, что делаю, но оно точно, как какое-то подтверждение того, что Арс отдал мне часть себя.

– Я хочу быть всегда первой, – признаюсь сама ему.

Но это не первая пришедшая мысль, это желание со мной столько, сколько себя помню, хотя ему и имеется веская причина.

– Ужасное желание, принцесса, – говорит он, коротко усмехаясь, словно слышит мои мысли, хотя он и не осуждает, произносит так, будто просто отговаривает от него. – Слишком много ответственности и разочарования, когда не получается воплотить в жизнь.

Я слышу его, больше даже, чем он представляет, потому что мне очень хорошо знакомо это чувство разочарования, но я все равно не могу от этого отказаться. Пожимаю плечами, будто отвечая, ничего страшного, а потом сама достаю свой телефон, когда мне приходит кое-что в голову.

Подношу свой телефон к его и прямо при нём сменяю пароль на «000001».

– Я всё равно хочу быть всегда первой, – говорю ему, хотя на самом деле мне просто хочется заполнить его ноль своей единичкой.

А ещё я никогда ему не признаюсь, что считаю, что в

нём хорошего все «его пять единичек», когда во мне она всего лишь одна.

Но Арс смотрит на меня так, точно ему на это без разницы, он и в этой единственной единички может разглядеть что-то совершенное.

– Единственное, в чем я хочу быть первым всегда, это во всём, что касается тебя, принцесса...

– Кристина? Ты что-то хотела? – в очередной раз раздаётся голос Антоновой, а я от телефона своего не могу оторвать взгляд.

Я в таком ужасе, что впервые не знаю, что делать.

Он его не забыл.

В какой-то прострации оглядываюсь по сторонам, на меня смотрит почти что вся группа, в том числе и Дана, глаза щурит, слишком цепко смотрит, словно изо всех сил пытается проникнуть ко мне в голову. Точно я ей даю какой-то шанс, ради которого она готова отдать всё.

Я наконец качаю головой и сажусь обратно. Дыхание перевожу, прикладывая все возможные силы, чтобы успокоить сердцебиение. Мои кулаки сжимаются, стискиваю зубы и снова пробую посмотреть, что делает Арс, заставляя ровно тот момент, когда его палец щёлкает по блокировке, а сам он поднимает голову, переводя взгляд на Антонову. Выражение его лица нечитаемо, но я откуда-то знаю, что мысли его далеко от того, что говорит она.

Мне тоже нужно переключиться на пару, но я точно пре-

вращаюсь в камень, пытающийся изо всех сил не рассыпаться. Могу думать только о том, что мой телефон у него.

Всё слышится словно через толщу воды, Антонова вызывает Дану и Андрея к доске, а я отворачиваюсь, не способная наблюдать, как стерва счастливая подскакивает с места, не хочу видеть, как Арс ей улыбается и желает удачи.

Ненавижу сейчас всё. Ненавижу...

Они начинают полемику, когда мой взгляд всё же скользит к Арсу. Мой телефон всё ещё под партой, вижу, как он прокручивает его, в такт постукивающей ступне.

Он думает?

Стискиваю сильнее зубы. Не знаю, чувствует он или поворачивается сам, но наши взгляды снова встречаются. Несколько секунд мы просто смотрит друг другу в глаза, а потом я буквально вижу, как он принимает решение не использовать то, что он знает пароль.

Арс отворачивается, сосредоточиваясь на том, что говорит Дана, а я всё равно никак не могу расслабиться.

Само понимание, какое в его руках имеется оружие против меня...

– Зачем ты это делаешь, Крис? – слышится голос Василисы, отвлекающий меня.

Он, как всегда, звучит так, будто она разговаривает с умирающим. Ей словно всех до единого жалко.

– Что? – перевожу на неё взгляд.

Она даже смотрит сейчас на меня так, будто за что-то жа-

леет. Мне это не нравится, обычно я на это даже внимание не обращаю, но сейчас ощущение, что всем вокруг видно, насколько я жалкая, потому что до сих пор храню какие-то мелочи, значащие для меня слишком много, даже если они были всего лишь иллюзией.

Но... разве это неправда? Вся моя жизнь одна сплошная иллюзия, в которую верят все вокруг и я сама.

Василиса выдерживает паузу, её распущенные длинные цвета пшеницы волосы соскальзывают с плеча, когда она им пожимает.

– Зачем ты привлекаешь внимания этого парня? – она говорит так, будто ей страшно озвучивать свои мысли. – Ты поэтому унижала его девушку в пятницу? Потому что он тебе понравился, как и Кар?

Что...

Несколько секунд я в упор смотрю на неё, не зная, как ответить. Мне есть что, но впервые я действительно не хочу ни оправдываться, ни отнекиваться, ни острить. Вдруг раздражает сам факт, что мне вообще это нужно делать.

– Какая вообще разница, зачем я это делаю? Может быть просто по тому, что хочу?

Глаза Василисы становятся огромными, целое мгновение она растеряна.

– Как и с Егором? – выдаёт она по итогу. – Тоже по тому, что хотела?

– А что с Егором? – становлюсь ещё более резкой. – Мне

кажется, что ты, что Кар забываете, откуда вы вообще изначально его знаете, чтобы я оправдывалась перед вами.

И я ведь отчётливо понимаю, что делаю. Знаю, что Василису может ранить даже просто мой тон, а то, что я вдруг становлюсь с ними такой, какой обычно бываю только с теми, кто переходит мне дорогу, и вовсе делает её глаза максимально разочарованными.

– Ты же... – Василиса качает головой и утыкается в свою тетрадь, тихо добавляя: – Ты не такая.

Я глухо усмехаюсь, качая головой. Никто не знает, какая я.

Единственный ответ сейчас в руках Арса. Там всё.

Обо всех.

Моя страховка. Моё оружие. Моя ненависть. Моя боль. Там вся моя сущность.

С трудом сглатываю.

– Перестань искать во всех что-то хорошее. В некоторых его совсем нет.

А вот плохое есть во всех. Даже в невинной Василисе, и я это знаю. Я знаю всё о Кар, о Яне, даже про Антонову я знаю слишком много, и это всё записано в моём телефоне.

Пара во всю продолжается, Василиса больше не пробует со мной заговорить, полемика в самом разгаре, в ней принимает участие уже треть группы, и я уверена, если бы я сейчас слушала, снова бы всем доказала, какая я ужасная, когда обрушила бы на Дану всю свою ненависть к ней. Но я

даже это сейчас не могу сделать. Пустота какая-то в голове, ещё немного и я начну отсчитывать время до момента, когда уже смогу выйти. Во мне будто что-то нарастает, всё больше и больше, что хочет прорваться. Разгромить всё... Непонятное чувство душит буквально.

А затем меня отвлекает какая-то вспышка, несколько секунд требуется, чтобы только зародилась догадка, что это может быть мой телефон. Как...

Мир.

Я медленно перевожу взгляд на Арса. Мой телефон мигает второй раз, экран светится, на нем два уведомления, а Арс заглядывает под парту, чтобы очевидно просто посмотреть, что там, но когда его глаза видят экран...

Его челюсти стискиваются, я вижу, как на скуле выступает желвака, а моё сердце защемляет с хлопком. Мир ответил на моё сообщение, и оно о Дане. Тот взгляд, который бросает на меня Арс, говорит о том, что меня уже ничего не спасёт.

Глава 12. Крис

Я не помню, как начала делать записи практически каждый день. Не помню, что когда и про кого записывала дословно. Но я отчётливо помню момент, когда поняла, как это действует на людей. Момент, когда та самая Саша Терентьева, решившая, что имеет право называть меня шлюхой, затаскивать к подвалу толпой и диктовать, что мне надевать, только по тому, что её парень положил на меня глаз, стояла передо мной с невероятно сокрушённым выражением лица и читала в заметке телефона всё, что мне о ней известно.

Я записывала всё, обо всех, даже просто свои мысли, наблюдения, иногда просто писала, насколько ужасный день, как бы поступила с тем или иным человеком, а в самые сложные времена, писала, как ненавижу жизнь. Это стало прирастием, освобождением, хобби – это стало частью меня.

А сейчас я вижу, как часть меня отображается в выехавшем меню последних приложений и просто прикрываю глаза.

Арсу даже пары секунд не потребовалось, чтобы это найти. Он собирался открыть сообщение про Дану, мгновение и его палец замер, когда он очевидно вчитался в название папок.

Я отворачиваюсь и гляжу только перед собой. Знаю, что он оборачивается и смотрит. Чувствую, как он смотрит. Но

мне без разницы, он может сейчас хоть станцевать на моих костях, всё равно не подам вида, что внутри меня всё трясётся.

Кровь стучит в висках, меня тошнит, но я всё равно упорно смотрю в одну точку. Кто-то смеётся, слышу, как Воронеж что-то выкрикивает, после чего уже раздражается аудитория смехом, Антонова что-то довольно щебечет.

Двадцать минут. Гул голосов становится почти невыносимым, голова пульсирует от напряжения, но мне кажется я даже не моргаю, как удерживаю себя, чтобы не посмотреть, читает Арс или нет. Если увижу, что да, уверена, меня вывернет наизнанку на глазах у всей группы.

Семнадцать минут, всё сливается в одну неразборчивую массу чего-то серого вокруг, меня мутит всё сильнее, когда неожиданно понимаю, что больше не могу находиться здесь и секунды.

Встаю и иду, не обращая внимания, что выкрикивает Антонова, даже не видя прошла мимо Даны или она уже сидит, просто вылетаю прямым в коридор, ещё пару мгновений, и я набираю полные лёгкие воздуха, распахнув настежь окно.

Не знаю, сколько я так стою, уперевшись руками в подоконник, и пытаюсь надышаться, пока мысли наконец не проясняются. Лбом прижимаюсь к холодному стеклу и прикрываю глаза. Я даже думать ни о чём не могу, в голове абсолютная пустота.

Разворачиваюсь и забираюсь на подоконник, прикикая

виском к откосу, когда слышу, как открывается дверь, а я даже не выглядывая знаю, кто окажется через несколько секунд передо мной.

Арс встаёт прямо напротив, но на меня не смотрит. В пол, в окно в десяти сантиметрах от меня, в стену, в другой конец коридора, будто никак не может собраться или подобрать слов, а потом...

Я никогда ещё не видела, чтобы люди с таким разочарованием смотрели мне в глаза.

– Знаешь, в чём твоя проблема, Rogozina? – заговаривает он, всё ещё глядя так, будто один мой вид может причинить ему мучения. – Ты не останавливаешься даже под угрозой того, что твои игры могут обернуться против тебя, – а затем вдруг подходит ко мне, упирая руки в подоконник. – Не наигралась? – спрашивает Арс, склоняя голову и заглядывая мне в глаза.

Я понимаю, что он спрашивает про Дану и что уже знает, как я попросила Мира организовать на неё спор, но проблема в том, что он ждёт от меня раскаяния, а я его не испытываю. Поэтому единственное, что делаю, продолжаю просто смотреть на него.

Арс сокрушенно качает головой, отводя на мгновение взгляд в сторону, а когда возвращает, в его глазах то ли жалость, то ли сожаление, но в любом случае это относится всё ко мне.

– Что ты хочешь от меня услышать? – мой голос настолько

пустой и безразличный, что царапает слух.

Арс едва заметно качает головой, когда пожимает плечами.

– Зачем?

Он всё так смотрит на меня, будто ему необходимо услышать какую-то вескую причину или оправдание. Что-то, что отговорит его меня ненавидеть. Я же усмехаюсь и сажусь прямо, сама упираясь ладонями в подоконник. Наши руки почти касаются друг друга, когда заглядываю ему в глаза.

Это самый несуразный вопрос, который мог задать парень, сделавший со мной тоже самое два года назад.

– Просто потому, что хочу? – пожимаю плечами.

Не знаю, что именно его поражает больше мой ответ или полное отсутствие признания вины, но Арс в очередной раз выглядит так, будто я ему отвратительна.

Он не злится, это что-то другое, более сильное, чем даже ненависть, оно похоже на чувство, напоминающее боль.

– Ты знала, что их мама была больна? – внезапно спрашивает он.

А я с трудом сглатываю, понимая, что он собрался делать. Конечно, я об этом не могла знать, поэтому он даже не ждёт ответа, когда сам себе кивает.

– У неё была сердечная недостаточность, а Алиш был единственным, кто работал в их семье. Не прошло и двух месяцев, как он сел, их мама умерла, – продолжает Арс говорить спокойно, будто просто делится чем-то. А я ненавижу

его. Ненавижу то, как он смотрит в этот момент с надеждой на что-то. Мои пальцы впиваются в подоконник, в груди что-то закручивается и тянет, чувствую, как напрягаются скулы, пытающиеся удержать бесстрастное выражение лица. Ощущение, будто бы если сейчас вина прорвётся, она сожжёт меня дотла. Но я её чувствую, так остро чувствую. Камнем каким-то, утопающим всё глубже и глубже в солнечном сплетении. – Дана осталась совсем одна, а я... – Арс качает головой, прежде чем устремить в меня такой взгляд, будто пытается увидеть что-то конкретное. – А я, мать вашу, всё не понимал, зачем ты вообще с ней так поступила. Как дурак наивный всё ждал, когда ты поймёшь, что страдает невинный человек. Каждое, мать его, заседание я ждал и ждал тебя. Но, – тут он усмехается, – ты ведь даже ни на одном не появилась, потому что тебе было тупо плевать.

Неосознанно качаю головой. Это неправда. Я просто не могла. Не могла видеть, что натворила, а как остановить не знала. Единственный выход – признаться. Но если бы это касалось только моих родителей? Я просто не представляла, как им сказать, какая подлая на самом деле у них дочь. Процесс был запущен, Лисицын все силы в него вложил, бодаясь с их крутым адвокатом, поднял на уши в тот день связи в центральном отделении. Как я могла признаться, что это всё из-за того, что я – просто влюбившаяся наивная дура?

Я всё продолжаю качать головой, когда Арс в противовес кивает.

– Просто, потому что ты захотела, – выносит вердикт, а затем отталкивается от подоконника и достаёт мой телефон из кармана. – Я даже знать не хочу, Крис, зачем тебе это нужно, – говорит он про записи. – Но вот это – оно будет справедливо по отношению ко всем, чтобы просто показать, какой ты человек, – его голос повышается, прежде чем он наклоняет голову и спрашивает: – Так почему я не должен это никому показывать?

Потому что ты уничтожишь меня.

Потому что ты – единственный, кто это может сделать.

Потому что я слишком жалкая, чтобы признаться себе, что все эти мелочи, которые до сих пор храню, были ложью, предпочитая обманывать себя, что со мной это и правда всё могло произойти, а ты сейчас собираешься разрушить последнее.

Но я ничего из этого не говорю. Я не собираюсь его просить не делать этого. Я не собираюсь искать себе оправданий за то, какая я и зачем мне это всё было нужно.

Не собираюсь рассказывать, что после него я всех ненавижу. Не собираюсь рассказывать, что так ненавижу чувство вины и ту беспомощность, которую испытывала, не зная, как исправить ситуацию, что решила всегда иметь ответный удар, прежде чем нанесут мне, чтобы больше ни к кому не обращаться за помощью.

А уж к нему... Я лучше потеряю всё, чем буду просить его хоть о чём-то.

– Ты же уже всё решил. Ты сам этого хочешь. Ждёшь...

Я вздрагиваю, когда Арс подаётся вперёд, впечатывая кулаки в подоконник возле моих рук.

– Мать вашу, пару слов, Крис, – надавливает он. – Скажи, что остановишься! Скажи, что жалеешь!

Арс с такой отчаянной нуждой ждёт от меня этих слов, что мне самой приходится сжать пальцы в кулаки, когда качаю головой.

– Не жалею, – говорю тихо.

У меня внутри что-то натягивается с этими словами, чтобы не прорвалось ни одной лишней эмоции в голос. С губ Арса срывается какой-то надрывный смешок, он опускает на мгновение голову, а я чувствую, как сильнее сжимаются его кулаки возле моих рук. Он пару раз кивает, прежде чем не разжимает руку, кладя у моей телефон.

– А ты ещё удивляешься, почему так просто от тебя отвернулись все пацаны здесь? – спрашивает Арс, поднимая голову и заглядывая в глаза. Вот сейчас могу точно сказать, что смотрит он на меня всё же с жалостью. – У тебя же ни друзей, ни подруг здесь нет. Никто изначально и не собирался по-настоящему отстаивать твою честь. Так... рисануться, бонус себе заработать перед тобой, – продолжает он. Его голос так гладок и чист, будто он не наносит удар за ударом, говоря то, что я и сама знаю. – Они же тебя просто все боятся, Крис, и не удивительно почему, – Арс коротко кивает в сторону телефону, – но не больше, чем боли. Мне просто нужно бы-

ло показать на самом отчаянном, что я сильнее, чтобы они быстренько переметнулись. По-настоящему до тебя никому нет дела. Ты же – отравка, Крис, это знает даже учительница, которая лишний раз даже не желает с тобой связываться. Единственные, кому до тебя ещё есть дело, это те, кому не без разницы на твою красивую оболочку, – Арс отталкивается от подоконника, а я голову поднимаю, продолжая выдерживать его взгляд и стискивать всё сильнее кулаки. – Но и это всё до поры до времени, пока тебя не отравит собственный же яд.

Арс отступает спиной назад несколько шагов, как раз в тот момент, когда раздаётся звонок.

– Соберись, Рогозина, полемика только что пообещала быть весьма интересной.

Глава 13. Крис

«Во сколько тебя сегодня забрать?», – читаю на экране телефона смс от Егора, но даже не успеваю нахмуриться, как в спину чуть не врезается Антонова, спешащая зайти в аудиторию.

– Кристина? – приподнимает она свою бровь, когда на неё оборачиваюсь. – Решила все-таки почтить нас своим присутствием?

Я улыбаюсь ей одним уголком губ.

– Не вас, Лидия Сергеевна, Мария Стюарт заслужила, чтобы её честь отстаивали, – бросаю ей, пожимая плечом. – От Амалии меня просто затошнило.

Мне кажется, даже Антонова понимает сейчас, что говорю я отнюдь не про героиню пьесы. Её сменяющийся остротой взгляд подсказывает мне о том, что её тошнит от меня.

Без разницы. На сегодня с меня хватит осуждений. Убираю телефон в передний карман и, не дожидаясь её ответа, прохожу внутрь, и ни капли не удивляюсь, что Василиса сидит на парту позади меня. Что-то пробует во мне откликнуться, пробиться, но нет... серьезно, хватит, каждый может делать здесь, что угодно.

Внезапно, я будто услышала слова Арса, в которых он был прав. Здесь нет ни одного мне по-настоящему друга, зачем мне переживать за тех, кто без разбора обижается на ка-

кие-то глупости?

Кар потребовалось одной сцены, чтобы поверить, что у меня с Егором что-то есть, хотя она видела наши отношения на протяжении двух лет.

Василиса предпочла обижаться на меня за Кар и за Дану, которую знает два дня, лишь потому что выбирает всегда тех, кто выглядит несчастней.

С Филом ещё проще – Кар его и на метр не подпустит к Яне, поняв, что теперь она рулит ситуацией.

Не я в них нуждаюсь.

Кар я нужна, чтобы тереться возле Кайманова, попадать на трек и не получать от всех ревнивых девчонок, чьих парней она уводит здесь, потому что ко мне мало кто сунется. Посмотрим теперь, как быстро она лишится своих волос.

Василису начнут дурить все, кому не лень.

А Яна... она просто продолжит страдать по Филлимонову. Так что, им можно всем только пожелать удачи.

Сажусь на своё место и просто вожу ручкой в тетрадке, ожидая, когда Антонова уже приготовиться. На Арса я не смотрю, не хочу, уверена, в ближайший час мне его вида будет за глаза.

– Кристина, Арсений? – окликает нас учитель.

И вот теперь я уже смотрю на Арса, он не встаёт первым, глядя через плечо, ждёт меня. Я поднимаюсь и прохожу первой, понимая, что засранец уже начинает это делать. Он понимает, что даже пройти мимо и продержаться сейчас даётся

не просто. Чувствую его идущую за мной фигуру буквально каждой клеточкой кожи, что хочется передёрнуть плечами, чтобы сбросить с себя ощущения от его взгляда.

Внаглую приваливаюсь к стене возле доски спиной, складывая на груди руки и всем видом демонстрируя «безудержное веселье». Одно радует, выражение лица Багирова ничуть не уступает моему, мы оба не спускаем друг с друга взглядов, точно готовится не к полемике, а к самому настоящему испытанию. Арс делает тоже самое, что и я, приваливается к стене, вот только поворачивается боком, скрещивая ноги в лодыжках. Всё ещё смотрит в упор, ни на кого не реагируя. Мы оба молчим, когда я не выдерживаю и закатываю глаза.

– Так и будешь продолжать сверлить меня взглядом? – показываю я сразу, что даже и не думаю делать вид, что мы не знакомы. – Или это такая тактика замолчать меня, пока я не умру от скуки?

Арс усмехается, но это больше от того, что принимает правила моей игры. Он коротко кивает в мою сторону.

– Уступаю нанести первый удар.

– Какое благородство, – с «наивеликим» энтузиазмом бормочу я, прежде чем всё-таки выдать улыбку. – Вот только пьесой ошибся, любительница рыцарей выступала час назад.

Арс выгибает бровь.

– Разве? Это ты у нас, Крис, любительница подвигов.

– А ты, значит, их исполнитель?

– Я же сказал уже, что доброволец.

Я прикладываю руку к груди в притворном умилении.

– Ох, Китнисс Эвердин где-то сейчас наверняка проникла твоей отвагой.

Арс снова коротко усмехается.

– Я думал, у нас «Мария Стюарт», а не «Голодные игры».

– И правда, какая досада, а то я с превеликим бы удовольствием сейчас не отказалась бы пустить тебе стрелу в голову.

Взгляд Арса становится острым.

– Перепутала, Крис, ты умеешь стрелять только в сердце.

С моего лица сходит улыбка. Засранец определённо решил идти дальше, чем просто знакомые.

– Тааак, – тянет Антонова, останавливая нас. – Мы явно уходим не в ту степь. Давайте я начну: Мария Стюарт – за или...

– За, – отвечает Арс, не давая закончить Антоновой.

И тут только дурак не догадается, что речь про казнь.

Я качаю головой.

– Что ж ты будешь делать, бедненький, если я тоже скажу «за», – я говорю это не вопросом, больше показываю, что его рьяное рвение меня переспорить может сразу сойти на нет, если я посчитаю, что в принципе не хочу продолжать.

Но Арс и тут находит, как уйти в личное.

– Ну, тогда мы точно, наконец, достигнем согласия, что королева заслужила расплаты.

Лаааадно, мерзавец, давай поиграем по твоим правилам.

– За что? За то, что имела более широкие взгляды на

жизнь?

Арс глубоко тянет воздух, пока я наблюдаю за ним с маленькой улыбкой. Потому что я собираюсь уходить в тему пьесы, пока у него не закипит мозг от продумываний, как из моих ответов перевернуть всё обратно.

– Королеву погубило её бесстрашие и нежелание уступать, когда ее уговаривали все отступить и поступить разумно, но она решила даже самой Елизавете указать на то, что она ниже неё, и как итог её обезглавили, – снова намёками бросается он, но я не собираюсь их слушать, продолжая то, что задумала.

– Королеву погубили зависть, предатели и убеждения. И Мария была права, она была больше Стюарт, чем Елизавета, людям просто надо научиться принимать правду, а не исходить желчью, что кто-то просто не боится её говорить.

– И всё же, если бы она попросила помилования, а не отставала свой титул, Елизавета могла её спасти, – повторяет Арс, когда понимаю, что он снова давит на то, чтобы я отступила.

Я прищуриваюсь.

– Багиров, я не пойму, ты вроде выступал «за» то, что она получила расплату, а сейчас отчаянно пытаешься её спасти, даже больше, чем я, – а это ему уже мой ответ, что «нет», не отступлюсь и спасать меня точно не надо.

– Уверена? – спрашивает он предупреждающе.

Я же только безмятежно выдаю:

– Руби.

Арс смотрит на меня, кажется, целую вечность, точно поверить не может, что я так спокойно реагирую на то, что он собирается меня выдать, и тогда я делаю то, чего не ожидаю сама от себя.

Поворачиваюсь лицом к аудитории и, натянув одну из самых своих лучших улыбок, заявляю:

– У меня на всех вас есть компромат.

Я только что вырыла себе могилу. Буквально. Понимаю же, но всё равно не собираюсь останавливаться. Улыбочку только пошикарнее выдаю: если уж кто меня и похоронит, то это буду я сама, но никак не Багиров.

– Абсолютно на всех, – продолжаю беспечно.

И уже собираюсь добавить, что даже на нашу любимую Антонову он у меня тоже имеется, как слышу каким-то рычанием тихое:

– Да твою ж...

А в следующую секунду моя спина впечатывается в грудь Арса, когда он сгребает меня в охапку. Мгновения не проходит, а он меня уже вытаскивает в коридор на глазах у всей группы, с хлопком закрывая за нами дверь.

У меня вероятнее всего что-то в голове взрывается, потому что разум застилает абсолютная тьма. Бью его локтями, ладонями, извиваюсь и вырываюсь из его рук, а стоит только повернуться, сразу же обрушиваю на него криком:

– Охренел?!

И шаг инстинктивный выходит, словно собираюсь что-то сделать ему, но тут же меня как будто сбивает обратной силой, когда вижу его глаза. В стену будто врезаюсь. По телу проносится ударная волна, не вырвавшихся эмоций, когда все слова застревают в горле от встретившего меня взгляда.

Его глаза другие, в них буря бушует. Дикие и горящие. Он стискивает челюсти с такой силой, что об его скулы можно порезаться.

– Тебя вообще ничего не останавливает, да, Rogozina? – цедит он сквозь зубы.

У меня по спине холодок пробегает, тело на каком-то инстинктивном уровне требует отклониться. Ощущение, что он меня прямо здесь и сейчас готов похоронить, но я удерживаю себя стоять непоколебимо.

– А ты думал, что я позволю себя шантажировать? – ответно выдаю, шипя. Без разницы, что всё во мне кричит, чтобы сбавила обороты, видя впервые Арса в таком бешенстве. Он даже у отделения полиции на меня так не смотрел, как будто только и жаждет, что в прямом смысле оторвать мне голову. Я не могу и точка, и это уже даже не из вредности. Едва держусь, чтобы не поколотить его. Наброситься буквально, сколько во мне гнева и возмущения, что он позволяет себе подобное. – Обойдёшься, Багиров! Или думаешь, что я послушной овцой заткнусь и буду идти у тебя на поводу? – Я скидываю руку, показывая ему средний палец. – Вот тебе...

А договорить не успеваю, Арс перехватывает мою руку за

запястье, одним движением уводя её за спину и прижимая к ней, а у меня по новой что-то взрывается. Жаром внутри всё обдаёт, что остаётся одна злость. Даже уже не ведаю, что творю, второй рукой замахиваюсь, собираюсь врезать ему, куда попаду, но успеваю только ребром мазнуть по его плечу, когда он перехватывает и её. Одно мгновение, и обе мои руки зажаты за спиной. Я дёргаюсь, вырваться пробую, столько внутри гнева, что даже готова не обращать внимания на боль, собираюсь бороться изо всех сил. Вот только Багиров не отпускает, рывком всю меня в себя впечатывает, зажимая так, что вся моя борьбы бесполезное ёрзанье.

– У тебя совсем чувство страха отсутствует? – его голос звучит тихо, почти гладко, но в нём столько угрозы, что у меня в очередной раз что-то предупреждающим звоночком отзывается.

А я так зла, что игнорирую любые порывы инстинкта самосохранения. Да и без разницы, что он сделает. Всё, что было важно, он всё равно уже уничтожил.

– А чего мне бояться? Тебя? – цежу я. – Всё, что у тебя на меня было, я только что сдала сама. Но ты и тут прогадал, Арс! Думаешь, мне за это что-то будет? Да я, не задумываясь, сдам всё, что у меня есть на любого, кто попробует сунуться ко мне. Так что, иди ты ко всем чертям, понял? Все твои ходы я отбила ещё до того, как ты это всё задумал, больше тебе угрожать мне уже нечем!

Арс смотрит в мои глаза пораженным взглядом, будто по-

верить не может, что я так просто могу ко всему этому относиться. Головой отрешённо как-то качает, словно хочет отогнать что-то, а потом вдруг один раз кивает и так спокойно говорит:

– А теперь представь, что с тобой, Рогозина, будет, если я обнародую хоть один компромат.

На моё лицо пробует пробиться сокрушение, когда осознаю свою ошибку. Я не подумала о том, что он мог что-то скопировать.

Вот же!..

Арс снова кивает, явно читая по моим глазам, что в какой-то мере я уже вижу все последствия этой осечки. Но нет, не возьмёт, серьёзно. Мне просто это уже всё осточертело.

– Плевать, – выдаю стойко и холодно, словно внутри меня не сходит лавина обиды и безысходности. Я всё это игнорирую, единственное, что мне сейчас важно, бороться до самого конца, даже если уже понимаю, что он слишком близко. – Делай, что хочешь, я всё равно не отступлюсь, Арс. Тебе меня ничем не взять.

А он лишь снова качает головой. И уже непонятно, разочарования это или просто нежелание что-то принимать.

– Ты реально не понимаешь, да, что хоронишь сама себя?

Понимаю. Больше, чем он может представить себе. Но сдаться... это сильнее меня, и этого ему уже никогда не понять.

– Рано хоронишь меня, Багиров, ещё ничего не закончено.

Арс усмехается. Коротко и даже как-то болезненно. Он даже меня отпускает, немного отходя. Улыбка всё ещё на его губах, хотя она и печальная.

– Ты так отчаянно помешана на том, чтобы не сдаваться, что даже не заметила, как только что проиграла мне, – говорит Арс, но в его глазах точно нет огонька победы, он всё ещё смотрит на меня так, будто ему невыразимо меня жаль. – Уговор был опустить тебя с трона, я это сделал. Не думаю, что после твоего заявления здесь хоть кто-то будет за тебя. – Он даже не ждёт, чтобы посмотреть, как я приму его слова. Ему без разницы, потому что мой проигрыш по каким-то причинам расстраивает его больше, чем меня. – Другой вопрос, нужен ли мне выигрыш теперь...

Арс неоднозначно скидывает рукой в моем направлении, когда начинает пятиться, пока я продолжаю стоять, пытаюсь делать вид, что мне всё ещё без разницы.

Не из-за его победы я испытываю непонятные, сдавливающие эмоции, а от осознания, что он прав. Я так отчаянно боролась, что сама не заметила, как в прямом смысле слова сама же и отдала ему победу в руки.

Арс уходит, не в кабинет, но я и не слежу за ним, отступаю назад, приваливаясь к стене и глядя на дверь в аудиторию, внезапно понимая, что мне ещё предстоит войти туда обратно.

Даю себе не больше пары минут, чтобы собраться, стоя напротив кабинета и думая, как теперь всё переиграть, когда

внезапно дверь открывается и выходит Антонова. Она оглядывается по сторонам, словно кого-то высматривает, прежде чем покачать головой и посмотреть на меня усталым взглядом.

– Что это за выходки, Кристина? – спрашивает она.

Не грозно, Лидия Сергеевна действительно пытается понять, что происходит. Я хочу как обычно улыбнуться, но у меня даже скулы сопротивляются этой затее.

– Не я себя вытаскивала из аудитории, вы можете задать этот вопрос Багирову, – я и сама, очевидно, устала, потому что голос звучит вяло. Что уж говорить, чтобы он хотя бы передавал едкость? Но я всё равно пытаюсь не сдавать. – Хотя, уверена, он мог меня начать душить на паре, вы бы и то обвинили мою шею, что она примагнитила его руки.

Я собираюсь её обойти, когда Антонова делает шаг в сторону, перегородив дорогу.

– Ты его провоцировала два дня, Кристина, ни за что набрасываясь на его девушку, и думаешь, что это действительно его вина, что у парня просто закончилось терпение? Не все готовы мириться с твоим поведением, пора бы тебе уже остановиться.

Ох, ну вот что опять начинается?

Серьёзно, хоть кто-нибудь перестанет считать меня все-ленским злом?

А я разве не «оно»?

Что-то противным уколом пронизывает нутро, когда в мо-

ей голове отзывается голосочек. Мне столько раз сегодня указали на то, какая я отвратительная и подлая, что у меня даже нет больше сил отталкивать эту истину.

Я ужасна.

Отрава.

Яд.

И я собираю компромат только ради своего спокойствия, чтобы чувствовать себя уверенно, не боясь никого и ничего. Меня здесь никто не любит и держатся рядом со мной только ради своей выгоды. А единственный парень, которому, я думала, небезразлична, на самом деле со мной играл, а сейчас меня ненавидит.

Я же говорила уже, что моя жизнь идеальна?

– Лидия Сергеевна, – я делаю шаг, подходя к ней и с вызовом заглядывая в глаза, – мой вам совет: оставьте меня в покое и перестаньте переходить на личности. Когда я говорила, что у меня компромат есть на всех, вас я тоже имела в виду.

Лицо Антоновой мрачнеет за мгновение, никогда ещё не видела, чтобы глаза этой женщины полыхали огнём, но и на это мне без разницы.

Не сегодня. Единственное, что мне нужно, это добрать-ся до дома и взять небольшую паузу. Бесцеремонно обхо-жу учителя и открываю дверь. Не отвожу взгляд, встречаю практически каждый, пока дохожу до своего места. Даже на Дану смотрю, которая следит за мной с особым вниманием.

Ей наверняка интересно, где я потеряла её парня, хотя в её взгляде меня серьёзно настораживает что-то ещё, что не могу разобрать.

Мозг плохо соображает, чувствую себя невероятно выжатой, но я не могу собраться и уйти прямо сейчас. Мне нужно досидеть хотя бы эту пару, чтобы никто не подумал, что мне страшно, после моего заявления. Уверена, не все поняли, насколько я серьёзна и говорила ли правду, однако, сомневаюсь, что кто-то полезет с расспросами. А взгляды всё равно на себе ощущаю, пытаюсь игнорировать и держаться так, будто ничего не произошло, но... черт – это практически невыносимо, когда ты знаешь, что каждый присутствующий желает, чтобы на меня как минимум обрушился бы потолок.

Арс всё ещё не появляется. Антонова входит обратно в аудиторию буквально через пару минут и молча садится. Молчат все, что даже слышно, как кто-то шумно сглатывает. Все пытаются чем-то занять себя, когда Антонова, наконец, берет себя в руки и говорит, что на следующей паре снова поделит на группы для следующих пьес. Ещё пятнадцать минут и наконец раздаётся заветный звонок. Я пытаюсь не спешить, собирая вещи, чтобы не создалось впечатление, что сбегаю, но всё равно получается выйти одной из первых.

Не в моих правилах бежать, правда, но сегодня я планирую их основательно нарушить. Сворачиваю сразу в сторону лестницы, а когда наконец дохожу до выхода, замираю почти

что в дверях.

Мне в спину едва кто-то не врежется, тормозя с тихим ругательством, заставляющим меня ожить и продолжить идти.

– Что ты здесь забыл? – полушёпотом спрашиваю Кайманова, который стоит прямо на крыльце.

Он награждает меня взглядом, уверена, не шибко довольным, но убедиться не могу в этом, Егор поднимает очки, только когда уже полностью к нему подхожу.

Сейчас, по крайней мере, он явно не в восторге.

– Единственная причина, по которой приму объяснение, почему ты мне не ответила, что у тебя украли телефон и прочитали все сообщения за тебя.

Да он просто мастер нанести удар, даже не догадываясь, что делает это.

Хотя Арс прочитал сообщения только Мира, которые сама так и не рискнула ещё посмотреть. Я вообще собиралась выключить свой телефон от греха подальше, когда написал Егор и ввёл меня в ступор своим вопросом. Забирать я его себя больше не просила. Я вообще собиралась сегодня быть умничкой и делать изо всех сил вид, что Багирова и его девушки не существует, после ситуации в клубе.

Засранец что-то во мне пробудил в ту ночь, что я флиртовала с ним и выдавала себя по полной программе, пока мой мозг был занят тем, что только и прокручивал воспоминания вкуса его губ. Они были рядом, и я была готова поклясться, что если бы не ушла, произошла бы ещё одна ошибка.

У него есть девушка.

Он меня ненавидит.

Мне нельзя допускать даже мысли, что он может быть мной заинтересован. На одну ночь, это максимум, чтобы закрыть уже этот «гештальт», который сорвался у него два года назад. То, как он на меня сегодня отреагировал под угрозой, что нас может застать Дана, тому доказательство.

Со мной он может флиртовать, только когда его девушка за несколько километров.

И это ещё одна причина, по которой на себя злюсь. Я не должна была сегодня срываться. Ни разу. Тогда бы мой телефон не попал на его парту, он бы никогда не узнал ни про спор, ни про мои секреты, а я бы не объявила войну всей группе.

Мои чёртовы чувства стоили мне слишком огромных ошибок.

Я пытаюсь всё ещё держать высоко голову, улыбнуться Егору, но всё... силы исчерпаны.

– У меня была пара, участвовала в полемике, поверь, у меня просто не было возможности строчить в это время ответы и одновременно придумывать, как сразить оппонента, – пожимаю плечом, чтобы уж совсем не выглядеть безжизненной, но только Егор слишком быстро меня выкупает.

Он всматривается мне в глаза.

– Что-то случилось?

Я хочу ответить ему «да». Кайманов не тот, у кого можно

поплакаться на плече, для этого я бы выбрала только Рима, но точно могу быть уверена, что он выслушает меня. Однако этот вариант недопустим однозначно, я не успею моргнуть, как Яр узнает, что у меня проблемы.

А Яр о них никогда не должен узнать, потому что тогда... я даже просто не берусь представлять, что тогда будет.

Катастрофа – это действительно слишком уж мягко сказано.

Да и... что я должна буду сказать брату? Я поспорила с парнем на свою девственность и ему проиграла? Ох, да, чуть не забыла: этот парень два года назад уже пытался заполучить меня, бросив своим друзьям, что запросто может охмурить глупую «куклу». А я ему отомстила, вот только погорячилась и не подумала о последствиях, а когда всё вышло из под контроля, оказалась слишком трусливой, чтобы всем признаться, какая я отвратительная.

Я качаю головой, уже лучше стараясь выглядеть просто уставшей.

– Что у меня могло случиться? Проиграла полемику, слишком болезненный удар по моей гордости.

Егор всё ещё вглядывается мне в глаза, будто точно знает, что вру, прежде чем не осмотреться по сторонам, точно кого-то целенаправленно ищет, когда до меня доходит.

– Постой, ты не ответил, что ты тут делаешь, – напоминаю ему.

Кайманов будто и сам вспоминает об этом недоразумении,

правда слишком быстро ухмыляется.

– Как что? Ты сама попросила побыть твоим парнем.

Вообще-то, я попросила его позлить одного парня. Единоразово.

– И... – тут я и сама оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти логичное объяснение в воздухе, – ты... что? Почувствовал, что я сбегу с последней пары, чтобы вовремя меня встретить?

Но Егор даже не колеблется, тут же говоря:

– Ты не ответила, мне было нечего делать...

– И ты, конечно же, решил смотаться в другой конец города, чтобы помочь сестре лучшего друга, так как вчера подхватил смертельный вирус и решил по-быстрому заработать себе бонусы, чтобы не попасть в ад?

Кайманов указывает на меня пальцем, как бы говоря «бинго», и даже на собирается отрицать, что осознаёт, что я понимаю, что он сейчас залечивает мне только так.

– Господи, Крис, как ты с такими мозгами могла проиграть полемику?

Я показываю ему всем видом, что шутить не намерена, вставая в позу и складывая на груди руки, и хочу уже потребовать, чтобы он выкладывал всё, как есть, но Кайманов кладёт руку мне на плечи, вынуждая идти за ним.

– Что происходит, Егор? – не отступаю я, пока он меня ведёт к парковке, всё ещё оглядываясь по сторонам.

– Я первым задал этот вопрос, – тут он на мгновение при-

тормаживает, глядя на меня из-под очков. – У тебя появилось желание ответить?

Нет. Я транслирую ему взглядом, чтобы даже не надеялся получить от меня хоть слово.

– Вот видишь, какая из нас выходит идеальная пара, Розгозина.

Он снова возобновляет движение, ведя меня за собой.

– Мне это не нравится, – заявляю ему.

– Мне тоже, Крис, – отзывается он, – всё ещё не надумала поговорить?

Я надумала только зарычать от раздражения, что он открыто меня шантажирует. Я выкручиваюсь из-под его руки, когда мы оказываемся у его машины и снова встаю напротив.

– Вообще-то это ты приехал и не объясняешь мне, зачем, – настаиваю на своём.

Но в данной ситуации у меня больше права понимать, что происходит, вот только у Егора свои аргументы.

– А ты в пятницу попросила меня позлить парня, который за день до этого выкатил против меня, вынудив другого соперника ему уступить, – указывает он на меня пальцем и садится на капот своей машины. – Более того, тот, кто уступил, упорно напрашивается сегодня на ещё один заезд, потому что с тем уже у меня личные счёты, поэтому мне придётся гонять второй раз. Но это не суть, потому что меня интересует больше, почему мы злим парня, который потом прикатывает к нам в клуб, и ты с ним общаешься, как с дав-

ним знакомым. Мы всё ещё не хотим с тобой поговорить, что происходит?

Я качаю головой, это не ответ, скорее, непонимание, как мне выкрутиться и себя ни разу не сдать.

– Я и правда его знаю, – начинаю я с безопасных фактов, – мы с ним учимся вместе, если ты не заметил. А в пятницу из-за него я нарвалась на полемику, как его было не позлить?

Я ожидаю, что Егора такой ответ успокоит, но он только больше мрачнеет.

– Это всё? – спрашивает он, продолжая всматриваться в мои глаза, словно пытается что-то сопоставить, и я ему безмятежно киваю.

– Теперь твоя очередь.

Кайманова объяснение ещё проще:

– Он мне просто не нравится. И он вызвался против меня, – добавляет Егор, – может, я тоже хочу его позлить.

– И именно поэтому ты приехал на своей машине?

Парень оглядывает машину под собой, будто только её видит, прежде чем возвращает ко мне взгляд и морщится.

– Терпеть не могу чужие машины.

Я глубоко вдыхаю, понимая, что на этом всё. Большого нам не добиться друг от друга.

– Ну, что ж, хочу тебя огорчить, сегодня тебе его позлить не получится. Он куда-то смотался.

На что Егор ещё проще отвечает:

– Не беда, сделаем это завтра. Я вообще могу этим зани-

маться бесконечно.

Закатываю глаза и качаю головой.

– Нет, спасибо, с этим я и сама справлюсь замечательно.

На самом же деле, я не хочу больше никого в это втягивать, потому что таким образом мне точно будет очень сложно скрыть всё от Яра, так как сама не представляю, что будет дальше, но Егор и здесь со мной не согласен.

– Это не тебе решать, Крис, – отбивает, становясь слишком быстро серьёзным.

А я даже запротестовать не успеваю, он встаёт и хочет что-то сказать, как внезапно его лицо меняется, когда он видит кого-то за моей спиной. Его взгляд мгновенно черствеет, что я машинально поворачиваюсь тоже, а когда и сама вижу, на кого он так среагировал, у меня аж в груди ёкает.

Потому что с противоположной стороны парковки стоит Арс, и он даже не думает скрывать, что не испепеляет нас взглядом. Внаглую, опираясь локтями на крышу ещё одной, по-видимому, своей чёрной машины. Это конечно не люксовый Мерседес, который он проиграл Егору, но она и его БМВ тоже неплохая.

– В машину иди, – я не сразу слышу Егора, всё ещё не способная оторвать взгляда от глаз Арса, будто расстояния в метров десять сейчас не существует.

Он смотрит так пронзительно... я даже описать не могу, сколько в его глазах непонятной для меня настороженности.

Кайманову даже приходится меня легонько подтолкнуть

ладонью между лопатками, чтобы я отвернулась и ожила.

Я уже не понимаю ничего. Не понимаю его поступков и сменяющегося настроения, а ещё я не понимаю, почему так реагирует Егор.

Из-за соседней машины Арса больше не вижу, когда оказываюсь в салоне, но зато я могу наблюдать, как оглядывается несколько раз Кайманов, прежде чем сесть самому. Он не ждёт, сразу же заводит мотор и трогается с места, а я украдкой успеваю ещё раз зацепить Арса, когда мы выезжаем.

Он смотрит на нас до последнего.

– Ты что-то не договариваешь, – озвучиваю Егору, когда мы отъезжаем подальше. Его мрачный вид говорит сам за себя. – Не хочешь мне рассказать?

Кайманов смотрит упорно перед собой, но при этом тут же парирует.

– А ты не хочешь рассказать Яру, что тебя преследует парень?

Я морщусь.

– Он не... – когда тут до меня доходит. – Не смей рассказывать Яру, слышишь меня? – Кайманов меня игнорирует. – Егор! Скажи, что не скажешь!

– Не скажу, – отвечает спокойно, но после добавляет: – Пока что.

Закрываю лицо ладонями, это ещё один мой конец. С Яром не получится договориться никак, он достанет из меня всю информацию. Тру лоб, пытаюсь сообразить, как посту-

пить, когда основательно осознаю, что мой мозг на сегодня напрочь изнеможен. Но Яра не будет в городе до завтра, у меня будет ещё время что-то придумать. Пока что я выбираю отключиться от Багирова и выдохнуть, что у меня также имеется время, придумать, что делать с ним.

Хотя кое-что решаю сделать сейчас, наконец, набираясь мужества заглянуть в сообщения Мира, когда Арс теперь далеко.

Достаю телефон и сразу открываю переписку с братом, но зависаю на последним, проходясь по нему несколько раз.

«Воронец сказал, что эта Дана ему реально приглянулась, они сегодня второй раз собираются встретиться».

Что за...

Спешу перейти к первому.

«Мимо пока со спором, без обид, Крис».

Воронец и Дана?

А если это правда, то почему Арс тогда его ещё не прибил, как и свою девушку, а вместо этого спорил со мной, участвовал в полемике, как ни в чем не бывало, и сейчас не сидит рядом с ней, чтобы на неё никто не смотрел?

Но всё – на этом вопросе мой мозг точно ломается. Я просто перестаю понимать, что вокруг происходит со всеми.

Глава 14. Крис

– Ну так что? На недельку, я думаю, всем это пойдёт только на пользу, – говорит мама, вглядываясь в мои глаза, когда понимаю, что половину её слов прослушала, слишком глубоко утонув в мыслях.

Неважно, что не собиралась раздумывать ни над чем, поведение Егора до последнего оставалось слишком подозрительным, что я загрузилась по полной программе, как только оказалась дома.

Он подвёз меня до самых ворот, хотя и расстояние в один дом от его я точно могла бы пройти самостоятельно. За всю дорогу мы не разговаривали: он был в своих мыслях, а мне начинать было слишком рискованно, чтобы он опять не ушёл в тему «Яра» и когда я планирую всё ему рассказать.

Никогда.

Смотрю на маму, пытаюсь вспомнить, с чего она начинала, когда застала меня на кухне, куда я направилась попить воды сразу же, как вошла, но ни одной догадки в голову не приходит.

– Куда на неделю? – всё же решаю переспросить, а мама вздыхает, явно раздосадованная, что не слушала её.

– В Грецию, Кристина. Я тебе уже минут пятнадцать об этом говорю.

Вау, вот это меня отключило так отключило.

– И... когда?

Ещё один вздох, на этот раз слегка раздражённый.

– Давай поступим проще, с какого момента мне тебе пересказать, а то мы так и будем перебрасываться вопросами.

– Тогда можешь начинать с того момента, как вообще зашла в кухню, – машу рукой в её сторону.

И нет, виноватой я себя не чувствую, она вполне могла хоть раз обратиться ко мне, чтобы понять, что не присутствую в разговоре.

Мама безнадёжно качает головой.

– Хоть кто-нибудь в этом доме вообще меня слушает?

А я только вздыхаю, потому что в последние дни с этим и правда проблема. Например, если бы вчера я услышала с утра, как она сказала, что пригласила Алёну, Яр бы не мечтал сейчас оторвать мне голову, ещё с утра написав, чтобы я обзавелась титановой дверью и решетками на окнах, потому что это единственное, что меня спасёт от него за то, что он лишился машины на какое-то время.

Хотя я своей вины здесь не вижу, я всего лишь пригласила Еву к себе, так как его в кой-то веке нет дома из-за выездного матча, и это его стерва спровоцировала её, а по итогу привело к тому, что мы ещё и с Лисицыной остались виноваты, что она случайно проговорила про Яра при маме.

Вот так удачно прошла моя попытка попробовать поделиться с подружкой, что у меня проблемы с парнем.

Кажется, даже сама вселенная выступает против, чтобы я

кому-то о нем говорила.

– Вот сейчас слушаю, – заверяю её, всецело сосредотачиваясь от греха подальше.

Второй головы у меня точно нет, а мне и одна сейчас не шибко-то помогает.

– Алёнина мама пригласила нас на неделю в...

– Нет, – говорю сразу же.

Я против всего, что предлагает их семья, но мама мгновенно гневается.

– Кристина!

– Что? Тебе вчерашнего было мало? Сколько ещё требуется доказательств, что Сатинские могут сеять только раздор и хаос.

– Вот именно из-за вчерашнего, я и считаю, что тебе с Алёной не помешает провести время вместе.

Я морщусь так, точно мне всадили нож в живот.

– Серьёзно, за что ты меня так ненавидишь?

Конечно, я не говорю буквально, но... неделя с Алёной? Да я лучше с Антоновой буду день и ночь перечитывать «Разбойники», нежели проведу с Сатинской несколько минут.

– Я не... – рьяно берётся опровергать мама, но тут же себя отдёргивает, становясь собранной и серьёзной. – Вот почему это должно закончиться, Кристина. Я устала, что ты постоянно Ярослава цепляешь, а потом вы ругаетесь.

Настаёт моя очередь опровергать.

– Мы не ругаемся, это наше нормальное общение.

И мама это знает, не будет Алёны, будет воздух, в котором мы найдём причины друг друга зацепить, но сейчас она непреклонна.

– Неважно, я тоже не в восторге от Алёны, но он её выбрал, – пытается мама пробить мою хмурость мягкостью тона, – мы должны её принять, а ты её едва ли не прямым текстом выгнала вчера из нашего дома.

– Да потому что она изводила Еву! – взрываюсь не на шутку.

Мама так меня обвиняет, будто сама не слышала всех этих провокаций. Но она только вздыхает.

– Кристина, – выдаёт устало и качает головой, но я её сразу обрываю, уже зная, что она хочет сказать.

– Нет, мама! Не смей вставать на сторону Алёны. Это – Ева! Наша Ева! Как ты можешь даже думать о том, чтобы их вообще ставить рядом?

– Я не ставлю их рядом, – в противовес мне голос мамы звучит ровно, – видит Бог, я люблю Еву, как родную, но два года уже, Кристина, прошло, пора и тебе смириться, что этот «корабль» уже ничего не спасёт. Ярослав даже её имя слышать не может, а ты только и делаешь, что подначиваешь его. Я бы вообще хотела тебя попросить на какое-то время перестать...

Ну нет, это уже переходит все границы!

Я резко встаю, указывая на неё пальцем.

– Вот даже не вздумай заикаться! – мама тут же поджигает губы, будто бы и сама знает, что это был перебор с её стороны, но вины не признаёт, явно всё ещё намеренная по-пробовать пропихнуть идею, когда я окончательно выхожу из себя. – Ты серьёзно? Из-за Мира я и так лишилась нормальной школы и уже бы училась в универе! Так из-за Яра я ещё и должна лишиться единственной подруги? Почему бы меня просто сразу же не отдать им в рабство, чтобы я жила только для них?

Мама морщится, никак не воспринимая мои слова всерьёз.

– Ох, не надо прибедняется, хорошо? Ты и рабство – вещи совершенно противоположные. Это ты скорее нас здесь всех в рабство возьмёшь, нежели мы тебя хоть как-то прогнём. Я всего лишь хотела попросить урезать ваше общение с Евой в пределах этого дома, чтобы лишний раз не получалось того, что вышло вчера.

Я же в неверии качаю головой, она просто упорно продолжает отрицать, что мне действительно пришлось чем-то жертвовать, считая, что ничего страшного не случилось. Как и с Евой, подумаешь, урезать моё общение с ней, тут ведь главное, чтобы Яр не бесился лишний раз и его стерве жилось спокойно. Но нет, как бы ни любила брата, обойдётся. Он не такой уж и паинька, видела бы мама, как Яр сам достаёт Еву, жертва в этой ситуации явно не он.

– Забудь, – говорю жёстко, чтобы больше даже не подни-

мала эту тему. – Я не перестану общаться с Евой и уж точно никуда не поеду с Сатинской!

Мгновенно собираюсь уйти, когда мама бросает в спину:

– Господи, Кристина, ну пойди ты на компромисс! – её голос хоть и на повышенном тоне, но звучит отчаянно. – Пожалуйста! Это всего неделя, чего тебе стоит. В понедельник следующий вылетим, в воскресенье уже будем дома. Мир с нами будет, так что тебе будет, если что, с кем общаться. Ему это тоже пойдёт на пользу, лишний раз побыть вдали от его друзей, а без тебя он точно туда не поедет.

Я торможу, оборачиваясь.

– Снова Миру! Яру! Может быть, мне это не пойдёт на пользу? Не подумала?

Потому что мне сейчас пропадать точно нельзя, это воспримут как мой побег, а значит почувствуют во мне слабость. Ситуация выйдет из-под контроля, и я уже точно не верну его ни за что. Но мама лишь выглядит так, будто я сказала какую-то чушь.

– Да брось ты из себя строить жертву! Ты то и отказываешься от недели в шикарном отеле? Никогда не поверю, разве что, снова из вредности, что не хочешь принимать Алёну. Ты только в пятницу просила прогулять колледж, а тут я тебе сама предлагаю неделю.

Ох, зря она напоминает мне про пятницу. Я уже в таком гневе, что в принципе не задумываюсь, как разговариваю с мамой.

– И правда, да, мама? Когда я попросила чертов день, ты даже слушать меня не захотела! А как дело коснулось Яра, так можно и неделю сразу прогулять! Знаете, что? Сами налаживайте общение с этой дьяволицей! Яру самому, по-моему, не помешает вспомнить, что у него есть девушка и провести с ней...

– Яр с нами не едет, у него игра во вторник, – мама так спокойно меня перебивает, будто и не слышала всего, что ей сказала.

А я... просто усмехаюсь и качаю головой.

– Лучше и не придумаешь, – бормочу уже устало себе под нос, а потом говорю маме: – Мой ответ – нет. И нет, лучше к Алёне относиться не буду тоже, и это не оговаривается.

Я снова пробую уйти и даже умудряюсь добраться до выхода из кухни, когда мама жалостливо выдаёт:

– Господи, ну в кого ты такая...

– Какая? – смотрю на маму через плечо, хотя и не уверена, что готова в очередной раз встретиться с ещё одним осуждением.

Мама утихомиривает пыл, когда берет под контроль эмоции.

– Упёртая, Кристина. Такая упёртая. Иногда, мне кажется, что ты ещё упрямей Ярослава, что в принципе невозможно, а ты должна быть... – мама качает головой, подбирая слова, – более мягкой! Ты же девушка, и ты одна на двоих братьев, мы должны о них заботиться, Кристина, а ты...

– А я – одно сплошное разочарование, – договариваю за неё спокойно, никак не проявляя, что это отзывается во мне, даже несмотря на то, что привыкла. – Знаю, можешь не повторяться.

– Кристина, – продолжает окликать меня мама, но я уже не слушаю её.

Она будет всеми силами доказывать, что это не так, и я снова строю из себя жертву. Ничего нового не произойдёт. Она не увидит случайно, что я отказываюсь не из вредности, а потому что у меня проблемы. Не поменяет мнения, что я неправильная девушка, которая должна быть более сносной и уступчивой, в противовес мне – конечной эгоистке. А я не уступлю, этот разговор может длиться вечно.

Захожу в свою комнату и сразу падаю на кровать, уставляясь в потолок, и тут внезапно происходит ещё один укол в сердце. Мои пальцы чувствуют «пустоту» вместо ремешка браслета, когда машинально тянусь к нему, и мне впервые хочется издать совершенно неприемлемый для себя звук, рвущийся из груди.

подавляю его, но от этого мерзкое ощущение лишь мощнее стесняет солнечное сплетение. Давит и давит, пока я не зажмуриваюсь, пытаюсь выдохнуть скопившиеся чувства.

Татуировка не заменит браслета, я это знала, просто хотелось верить, что смогу сама себя обмануть. Заполнить пустоту, но нет, мне давала силы не сама надпись, а то, что значил для меня этот браслет.

– Мля, сдохнуть хочется, – выдаёт Мир, едва появляясь на пороге моей комнаты. Он морщится и потирает лоб, пока идёт до кровати и сразу же заваливается чуть выше меня. Смотрит одним глазом, продолжая кривиться. – Вы с мамой мертвого можете поднять, когда начинаете ссориться.

– Может просто нужно вставать, как все нормальные люди утром, а не в два часа дня, и тогда не будет проблем? – предлагаю ему безразлично.

Переживет как-нибудь, что его соизволили поднять раньше пяти вечера.

– Я в это время ложусь, Крис, то есть уже, да, не состыковка получается? – отзывается с хитрой ухмылкой, подсказывающей, что он точно не понимает, насколько это ненормально.

– Яр тебя убьёт, если узнает, что ты творил все выходные в его клубе, – говорю ему, никак не отзываясь на его улыбку.

Может, хоть это понимание его остановит, но брат только хрипло смеётся.

– Яру есть кого убивать, – намекает Мир на меня, – пока он до меня доберётся, уже успеет остыть.

Я качаю головой, уставляясь обратно в потолок. И ведь реально не понимает, что в его поведении ничего весёлого нет. Мир просто переходит все границы. Особенно, когда Яра нет поблизости. Делает колоссальные ставки, на которые ему говорит ставить Удав, главный по распределению боев в клубе, чувствует себя там хозяином, когда нет парней, и откоро-

венно задирает нос не на тех ребят. Не ровен день, когда он не выберется оттуда целым и невредимым. И это я ещё молчу, что он серьёзно может подставить парней, пока Удав ему позволяет хозяйничать.

Если Яр узнает, что он там появлялся в эти выходные, он от него мокрого места не оставит. Куда ему там до меня... Максимум, чего мне стоит ждать – очень грозного рычания и обещания, что моя задница ещё долго не попадёт в его машину.

Плюс, это только мама переживает за мои отношения с Алёной, самому Яру нет до этого вообще никакого дела. Я больше, чем уверена, что он боготворит моё нежелание водить с ней дружбу, чтобы я ничего лишнего о нем не сболтнула.

– Завязывай, Мир, играть с огнём, – отвечаю, так и продолжая пялиться в потолок. – Вместо постоянных тусовок и ходьбы по острию ножа, попробовал бы ради разнообразия появиться хоть разок на учебе. Я устала постоянно оправдываться перед Антоновой за тебя. Этой женщине и так только дай повод меня зацепить, так ещё и ты мне удружил.

Мир легко пихает меня в плечо, очевидно слыша по голосу, что сейчас я не в настроении шутить и закрывать глаза на все его подставы.

– Ты на меня сердишься?

– Дико, – отзываюсь без единого намёка, что это не так.

Мир какое-то время молчит, чувствую, что смотрит на ме-

ня, словно о чем-то раздумывает.

– Это из-за того, что у меня не получилось организовать спор? – наконец, озвучивает догадку.

Но тут я и сама не знаю, в этом ли дело.

– И да, и нет, – выдыхаю, прежде чем перевернуться на живот. На самом деле, я действительно не могу понять, рада ли, что все сорвалось, и мне теперь не о чем переживать, или же меня раздражает, что и тут Дана смогла как-то выкрутиться. – Как так получилось, что Воронеж на неё запал? – вспоминаю ещё одну деталь.

Мир пожимает плечом.

– Понятия не имею, я ее даже ни разу не видел.

За это я уже не сдерживаюсь и толкаю его в бок. Нет, всё же злюсь на него.

– Вот именно поэтому, ты должен был заняться этим сам. Серьёзно, Мир, не так уж и часто я прошу тебя об одолжениях, чтобы тебе было сложно хоть разочек поднять свою задницу и помочь мне.

Мир кривится.

– Нафига, если всё можно было сделать по уму? Я просто предложил скинуться по сотни и отдать весь куш тому, кто первым узнает, целка она или нет. Воронеж мог сорвать пол ляма.

С моего лица сходит весь цвет, когда осознаю, что учудил Мир.

– Ты с ума сошёл! – шиплю на брата и снова пихаю его. –

Я не просила ничего подобного! Это... – от замешательства качаю головой, не зная, как подобрать слова.

Но это даже для меня перебор. Погулять, сделать вид, что понравилась ему – это максимум, чего я хотела, чтобы Дана просто почувствовала то, что чувствовала я.

– Это ужасно, Мир, – подытоживаю я. – И теперь я что-то даже не жалею, что всё сорвалось.

Потому что даже не представляю, чтобы тогда было бы, когда все узналось. Обо мне и так все мнения, что я само воплощение зла, а там бы ни у кого даже сомнений не осталось, что я оно и есть. А если бы по итогу узнал Арс... Хотя тут я сама торможу мысли. Вот кто-кто, а он то точно не сомневается, что хуже меня никого нет. Да и без разницы мне должно быть на его мнение, он сам уже не тот парень, которым его помню, хотя у меня до сих пор не проходит это ощущение, что он слишком хорош для меня.

Все эти его сочувствующие взгляды, как он до последнего стоял на том, чтобы я отступила. Оно сверлом неприятным сидит в душе. Я его разочаровываю, вижу это в его глазах, и оно во мне так мощно отзывается, больно ведь каждый раз делает, а остановиться не могу, как бы на самом деле ненавидела, что он больше не смотрит на меня так, как раньше.

Я уничтожаю ту самую свою «единичку» в его глазах. Или просто ищу оправдания, почему не вижу больше её отражения в них.

По крайней мере, так проще, когда тебя есть, за что нена-

видеть.

– Тебя не понять, Крис, – качает Мир головой, а я, наоборот, укладываю свою на сложенные на покрывале руки. – Ты хотела, чтобы я организовал спор, я это сделал. А теперь это я ужасен?

– Я просила тебя самому это сделать, – не глядя на него, отвечаю безразлично.

Все мои мысли всё ещё в каком-то анабиозе. Не могу сказать, что меня сейчас даже интересуется, что говорит Мир. Я хочу остаться одна. Хочу отмотать назад время. Хочу никогда не встречать Арса.

– Да какая разница, кто? Я как будто мог подумать, что этот деятель в неё втюрится и всё накроется.

Может быть, потому что Дана права, и можно спорить только на таких, как я?

Я не хочу думать, почему Воронеж вообще смог к ней подобраться, не хочу думать, почему Арс так спокойно отреагировал на информацию, что тот с ней гулял.

Я вообще больше не хочу думать про Арса. В конце концов, он уже победил, и тут неважно, есть у него девушка или нет и как он к ней относится.

– Забыли, Мир. Не получилось и не получилось, уже без разницы.

Мир пытается меня разговорить ещё минут пять, трещит что-то о том, что на днях ожидается большая ставка в клубе и можно сорвать много денег, но я почти не участвую в раз-

говоре, после чего он сдаётся и психует, думая, что всё ещё обижаюсь из-за спора, а я так и продолжаю лежать, глядя в пустоту.

Мне надо как-то выкрутиться, обыграть Арса, возможно что-то проверить, чтобы вернуть расположение группы. Я могу заинтересовать чем-то Кар, могу вылезти из кожи вон, но добиться, чтобы Яна обратила внимания на Фила. Вариантов бесчисленное множество, если бы мне действительно этого хотелось.

А сама лишь думаю о том, почему мне было без разницы на то, как ко мне относились. Или же, наоборот, зачем сама с ними всеми продолжала общение, если никто из них на самом деле не был мне другом.

Я не хочу больше играть в этот спектакль, не хочу общаться ни с кем из них, после того как увидела, насколько быстро разрушилась моя жизнь.

А ещё, что самое ужасное, я до сих пор не могу принять правды, что Арс это сделает, потому что на самом деле изначально ничего большего у него ко мне и не было.

Я просто выбираю продолжать бежать и бежать от неё.

– Никак не могу насытиться этим местом, – едва ли не задерживая дыхание, говорит Ева, когда мы обе сидим у самого обрыва места, которое все, кто о нём знает, называют «Блдская горка».

Или просто «гора», как это упорно делает Ева, отказыва-

ьясь омрачать этот вид таким похабным словом.

Я не собиралась сегодня на трек, за которым как раз и находится гора, пока не узнала, что Ева и её друг Вадим поедут сюда, чтобы она смогла поработать над каким-то проектом, пока здесь нет Яра.

Ева сидит с планшетом и стилусом, делая наброски рисунка, Вадим позади нас что-то усиленно печатает в ноутбуке, сидя на капоте его четырнадцатой, а я просто сижу, положив голову ей на плечо и смотря на город, который отсюда открывается видом миллиона огней.

Я приехала сюда с Женей, так как Ева была уже здесь, когда ей позвонила и предложила встретиться, и уедет раньше меня, потому что никто и не должен знать, что она вообще здесь бывает, поэтому долго с ней находиться не смогу, пока меня не потеряли.

Но дома я тоже не могла больше оставаться, Мир куда-то опять укатил с братом Алёны, мама с папой ещё вечером улетели в Москву, я просто себя изводила в одиночестве, не зная, как перестать думать о завтрашнем дне.

– Мама просит меня поехать в отпуск с Алёной и её мамой, – признаюсь Еве, чувствуя себя предателем, потому что уже знаю, что, скорее всего, выхода мне никто не оставит. – Но я не хочу.

Ева на секунду замирает, знаю, что ей не хотелось бы, чтобы я ехала, хотя и вряд ли когда-то признается в этом. Но ей будет обидно, потому что раньше все отпуска мы проводили

только вместе, тремя семьями: Каймановых, Лисицыных и нашей. А я не хочу, чтобы она думала, что поеду туда с удовольствием без неё.

Однако Ева быстро берет себя в руки, поворачивается ко мне и выдаёт маленькую улыбку.

– Сочувствую, – говорит искренне. – Ты главное получше мажься кремом от загара, чтобы ядовитое излучение от Алёны не зацепило тебя.

Мы обе тихо смеёмся. Понимаю, что это небольшое утешение для неё, что не люблю также Алёну, и всё же не хочу, чтобы ещё и Ева думала, что мне без разницы на её чувства. Потому что она, пожалуй, единственное, что остаётся хорошего в моей жизни, и она принимает меня такой, какая я есть.

Я убираю голову с её плеча, выпрямляясь, и какое-то время смотрю, как она рисует, спокойно возвращаясь к работе, словно её не кольнуло, что Алёна и здесь пробует её заменить. И... неожиданно для самой себя из меня вырывается вопрос:

– Как ты с этим смирилась? – Ева на сразу меня понимает, поднимая взгляд, а у меня аж дыхание перехватывает только от мысли, что я серьезно собралась признать, что не могу больше справляться. – Как ты смирилась, что Яр с Алёной?

Ева выглядит так, словно её поймали за чем-то ужасным, её пальцы сжимаются на планшете, пока огромные глаза смотрят в мои, ожидающие от неё ответа. Мне он нужен, как

воздух, потому что я не могу смириться с тем, что буду видеть Арса с Даной каждый день.

– Я... – Ева тяжело сглатывает, прежде чем перевести дыхание и сказать: – Я не смирилась.

А потом тут же отводит взгляд обратно в работу и продолжает рисовать. Я наблюдаю за ней несколько секунд, пока внутри в очередной раз разливается холодное, отвратительное чувство разочарования. С другой стороны, по ней даже и не скажешь, она просто продолжает жить, так почему я не смогу?

Возможно, не всё так и страшно, как мне сейчас кажется.

Прижимаю коленки к груди и кладу на них подбородок, снова смотря на огни, когда слышу, как Ева тихо ругается.

– Черт, – и с терпеливым вдохом нажимает на блокировку планшета. – Снова не то, уже весь мозг себе сломала, никак не понимая, чего мне не хватает.

– Как по мне, и так идеально, – говорю ей.

Я не разбираюсь в искусстве, но мне хочется её поддержать, видя, как для неё это важно. Да и все её работы красивы, поэтому тут я даже не лукавлю. Ева мне улыбается.

– Спасибо, – а потом и сама кладёт голову на моё плечо, когда вновь тихо говорит: – Спасибо, для меня важно, что ты мне говоришь всегда правду.

– Ты всё? – мы обе поворачиваемся на голос Вадима, который с хлопком закрывает ноутбук.

– Да, – отвечает Ева ему, потом смотрит на меня: – Ты не

против, что мы поедем?

– Нет, мне и самой пора возвращаться, пока Рим не поднял тревогу, что потерялась где-то.

Мы обе встаём. Отдёргиваю пониже чёрную джинсовую юбку, отряхиваю её и проверяю, как держится узел на белой футболке, завязанной чуть выше пупка. Осень в этом году радуется погодой даже ночами, оставаясь в пределах двадцати градусов. А потом жду, пока оба сядут в машину и отъедут, прежде чем, сложив руки, медленно пойти в сторону основной толпы. Скоро заезды, и Егор сегодня снова участвует, народу собралось немало, а я думаю о том, где бы ещё ненадолго потеряться, чтобы просто проветрить голову.

Мне снова придётся делать вид, что всё хорошо, хотя за сегодня Женя раз пять меня спросил, не происходит ли со мной ничего плохого.

Кажется, я всерьёз теряю сноровку.

Просто Арс... неосознанно качаю головой, не зная, как объяснить самой себе, почему моя броня рушится рядом с ним.

Я ничего не забыла. Ни дня, ни минуты, а сейчас смотреть на него – другого и в то же время совершенно такого же – равносильно добровольной муке.

Останавливаюсь перед выходом с дорожки и глубоко втягиваю воздух, давая себе ещё секунду, чтобы переключиться. В нескольких метрах от меня уже стоят компании, машины и со всех сторон звучит музыка. Прохожусь взглядом по

толпе, чтобы понять, нет ли уже кого на старте, когда...

Да что ж такое-то!

Арс. Я вижу его, а у меня по новой все чувства взбудораживаются. Особенно от его улыбки, его движений, выражения лица, и ненавижу себя, что не могу сдвинуться с места, чтобы перестать смотреть.

Рядом с ним стоят его друзья, двоих из них я видела в том самом автосервисе. Они все о чём-то воодушевлённо разговаривают, и с ними мог сейчас стоять ещё один их друг, если бы я смогла принять, что сама виновата в том, что позволила себе влюбиться.

Да я по-прежнему не могу оторвать от него взгляд, тем более, когда не надо показывать ему, что до сих пор не способна им наглядеться, когда он улыбаётся. Так просто, так искренне. Я любила эту улыбку. Слишком сильно, что даже испытываю тоску, когда внезапно она обращается в чёрствую линию, а я и не сразу понимаю, с чем это связано. Ровно до того момента, пока наши взгляды не сталкиваются. Арс меняется на глазах, становясь серьёзным, хмурится и будто бы сразу же теряет настроение из-за того, что видит меня.

И сейчас я почему-то не могу вынести, как действую на него. Не строю никаких выражений, не показываю ему, что мне без разницы, я просто разворачиваюсь и иду, спеша добраться до парней, когда практически впечатываюсь в чью-то грудь.

А моё сердце уже знает, кого увижу, когда подниму

взгляд, начиная биться в груди, как сумасшедшее.

– Да ты прям сама идёшь ко мне в руки, Rogozina, – заявляет Багиров, окатывая меня с головы до ног взглядом.

Сейчас он не выглядит хмурым, он точно вновь и вновь что-то оценивает во мне или ищет, что сразу нервирует.

– Ещё скажи, что в ноги падаю, – отзываюсь раздражённо, мне не до улыбок, я злюсь на него, на себя, на этот мир, что он постоянно сталкивает и сталкивает нас лбами. Что он вообще нас когда-то толкнул, а сейчас я должна почему-то всё это испытывать. – Не я тебя преследую, это ты внезапно стал постоянно появляться везде, где есть я.

Я даже не жду, как он отреагирует, хотя и успеваю зацепить взглядом, как он улыбается одним уголком губ, когда обхожу его. Я может и дура влюблённая, но отлично запоминаю уроки, что разговаривать с ним – ничем хорошим для меня не заканчивается. Да и я уже вижу парней, если потроплюсь, через минуту буду для него недостижима. Вот только мгновение не проходит, как он перехватывает мою руку и разворачивает обратно.

– Багиров, ей богу... – собираюсь обозначить, что не дам ему больше переходить черту, но когда наши взгляды встречаются, я неожиданно забываю всё, что хотела сказать.

Его глаза меняются. Это не похоже на ту ненависть или разочарование, которые видела сегодня в них днём, и всё же в них пылает что-то яростное и безумное. Он и сам видит парней за моей спиной, взгляд мечет короткий, прежде чем

вернуть его обратно к моим глазам.

– Мы переиграем, Рогозина, – заявляет мне твёрдо, а я даже пошатываюсь назад от его слов.

Не знаю, почему сейчас это ощущается ещё сильнее, чем несколько дней назад. Я сдаю. С каждым разом мне всё сложнее и сложнее выносить, что он со мной себя так ведёт. И всё же у меня получается холодно выдать:

– Что?

Моя рука всё ещё в его, когда он сокращает расстояние, заставляя поднять взгляд на него.

– Мы оба знаем, что ты уже проиграла, – говорит он серьёзно и бросает один быстрый взгляд за мою спину. – И всё же я выиграл нечестно, поэтому мы переиграем один раз. Выиграю, и ты уедешь сегодня со мной.

Я хочу его ударить, даже не думая, что выдам разом свои чувства, злюсь за мгновение, но Арс мне и слово не даёт вставить.

– Или ты можешь сдаться прямо сейчас, отступить, и я к чертям удалю всё, что у меня есть на тебя. Сделаю вид, что никогда и не видел, с единственным условием, – ещё один взгляд поверх моей головы: – Ты с ними расстанешься.

– Что... – я в таком недоумении от его заявления, что сама поворачиваю голову, но даже не успеваю увидеть лицо, одну футболку, прежде чем меня оттягивают назад.

– Да я смотрю, ты вообще не понимаешь русского языка, – цедит Кайманов, заводя за свою руку и вставая частично пе-

редо мной. – Сказано же было, не приближаться к ней.

Слева оказывается Женя и тоже встаёт так, что меня почти и не видно за ними.

Я перевожу взгляд с одного на другого: их выражения лиц подобно каменной маске, передающей открытую угрозу. Вот только Арс, наоборот, ухмыляется, глядя по очередности на парней, прежде чем снова вернуть взгляд ко мне.

– Крис?

Что?..

Что за нафиг здесь вообще происходит?

Я всё ещё смотрю на всех троих, никак не понимая, почему все ведут себя так, будто знакомы. Но... Арс что? Он предложил мне сдать? Я возвращаю взгляд к нему, он всё ещё ждёт от меня ответа, а я только при одной мысли, как он сказал, что должна буду уехать с ним, качаю головой. Это не ответ. Это просто отрицание, что он снова поступает по-скотски, ещё и прилюдно. Но Арс воспринимает именно так, когда ответно кивает, показывая, что понял меня.

– Мать вашу, ты...

– Хочу обратно свою тачку, – кидает Арс, перебивая Кайманова и провоцирующе ухмыляясь ему, а потом переводит взгляд на меня. Смотрит правда иначе, точно глазами ошупывает, прежде чем добавить: – И её.

Глава 15. Крис

Лицо Егора за мгновение приобретает жесткости, когда он делает шаг вперед, уже собираясь зарычать, но я торможу его, перехватывая за руку. Сжимаю сильнее, когда равняюсь с ним, а сама взгляда не могу оторвать от глаз Арса. Прожигаю буквально.

Переиграть... вот, что Арс собрался делать. Выиграть меня в гонке. Вот же...

– Так не терпится проиграть вторую тачку? – с приторно сахарной улыбочкой выдаю.

Понятия не имею, откуда беру силы, чтобы вообще вспомнить, что имею такую функцию, как улыбаться, возможно, помогает рука Егора, за которую до сих цепляюсь, как за спасательный круг.

А ещё провоцирую откровенно, но мне уже без разницы. Он заходит всё дальше и дальше, выигрывает, уничтожает мою жизнь. И у него это получается. Сейчас пасовать я не намерена точно, тем более, когда Арс делает это на публике.

Пусть засунет себе куда подальше свои предложения удалить на меня всё, что имеет. Может хоть сейчас при всех меня выдать, закопать в прямом смысле слова, единственное, что сделаю – покажу ему средний палец.

Арс же даже ухмыляться не перестаёт, напротив, огонь в глазах зажигается. Смотрит исключительно на меня.

– Или быстрее тебя победить, что скажешь, принцесса?

– Егор согласен.

Поправочка, не согласен. Резко оттягивает меня назад.

– С ума сошла, – тихо цедит Кайманов. – Яр меня на куски порвёт, если узнает, что я гонял на тебя.

– Яра здесь нет, а ты не проиграешь, – говорю уверенно, хотя по факту уверенности во мне ровно ноль. – Не смей проигрывать, слышишь.

Иначе ты проиграешь мою жизнь. Последнего не добавляю, но так оно и будет. Арс уже съел её половину, за вторую буду бороться едва ли не на грани жизни и смерти, на всё согласна, если имеется хотя бы один шанс утереть ему нос.

Вот только Егор всё равно не согласен, его лицо искажается так, точно предложила ему попробовать яда.

– Какой, на хрен, проигрывать, Крис? Единственное, что он сейчас получит за такие публичные заявления, безлимит, блть, в реанимацию, – Кайманов даже не думает делать голос тише, напротив, бросает во всеулышание, ещё и повернув голову к Арсу, а потом смотрит на меня, чеканя: – В машину, блть, Крис, живо.

Я моргаю, уставившись на невероятно разгневанного Егора. Он никогда так не разговаривал со мной. Да со мной в принципе никто так не разговаривал, кроме Яра, и то, когда он в безумном-безумном гневе. Мне не просто не хочется сейчас перечить Кайманову, я даже чуть отстраняюсь, оглядываясь по сторонам. На нас народ уже обращает внимания,

Рим всё ещё стоит на прежнем месте, между мной и Арсом, а за моей спиной откуда не возьмись появился Ковальчук Сергей.

– Крис, – нажимает на меня Кайманов, чтобы уже ожила.

Я всё ещё не знаю, что делать, вся кожа покрывается не то огнём, не то холодом от пристальных взглядов, хотя один ощущается отчётливее всего.

– Так боишься проиграть, что давишь на девчонку? – Я мечу в Арса предупреждающий взгляд, чтобы он и не думал провоцировать больше Егора, но он на меня уже не смотрит. Не веселится, хотя и продолжает выглядеть чересчур беспечным. – По-моему, она сама выразила согласие уехать со мной.

Я терпеливо прикрываю глаза, едва сдерживаясь, чтобы не влезать сейчас и не кричать на весь трек, что не это имела в виду.

Да и не думаю, что Егору бы понравилось, что отвечаю за него, потому что на его выражении слишком красноречиво написано, что Арс только что перешёл грань. Он начинает медленно к нему приближаться.

– А, по-моему, у тебя несколько лишних рёбер, – Кай встаёт прямо напротив Багирова, который так и остаётся стоять на своём, лишь только криво ухмыляясь. – Вали отсюда, по-хорошему, пока я не пожалел, что ещё в прошлый раз не лишил тебя возможности передвигаться.

Вот этот момент, когда понимаю, что всё же что-то меж-

ду ними произошло, чего я не знала. И теперь мне точно понятно, почему Арс не сомневается, что встречаюсь с Каймановым. Но... он сказал с ними? Искося гляжу на Женю, на меня, понятно, сейчас он не смотрит, другим занят: оценивающим взглядом сканирует зевак, которые собираются вокруг нас. Очевидно, я и правда что-то упустила. В клубе? Но сейчас у меня нет возможности даже задуматься над этим, моё внимание перетягивает голос Арса. Он гладкий и спокойный, но явно звучит уже не мягко и дружелюбно. В выражении лица больше нет и намёка на ухмылку или веселье. Он чертовски серьёзен, когда так безмятежно бросает Егору:

– Хочешь помахать кулаками? – пожимает он плечом. – Да без проблем. Ты только с гонки официально слейся, чтобы автоматом встала победа за мной, без вот этих своих угроз. Мимо, не подействуют. А то мы и до утра можем так обмениваться любезностями, что в мои планы точно не входит. Они у меня недавно стали куда интереснее, чем обещали быть, – на этих словах Арс бросает на меня беглый взгляд, не задерживает, хотя и явно показывает, кто именно входит в его планы. Моё лицо обдаёт жаром, и я не знаю, то ли это от злости, то ли отчего-то совершенно дикого и ненормального. И всё же так и хочется процедить: «Придурок», прямо в тот момент, когда он добавляет: – И я от них точно отступать не собираюсь.

Егор как-то странно усмехается, уже начиная говорить:

– А ты каким... – как очевидно что-то понимает. Секунда,

и он раздражается смехом. – Да твою ж мать, – качает головой Кайманов, пока за одно мгновение не становится серьёзным. – Сказал же этому недоумку, ещё раз тачка сменится перед стартом, и он может лесом идти далеко и надолго.

Но Арс и тут невозмутимо отбивает.

– А тачка и не меняется, про водителя же и речи не было, – заявляет нагло, и я даже со своего места могу увидеть, как у Егора от злости выступают желваки. – Ну так что, будем и дальше хвастаться красноречием или уже сядем за руль?

Одну секунду мне кажется, что Кайманов сейчас Арса сравнивает с землёй, что снова – чтоб его это дурацкое сердце – отзывается во мне какой-то тревогой, но он слишком быстро берёт себя в руки.

– Погнали, – отвечает коротко, – но передай своему дружку, чтобы даже больше не зарывался, что его девчонка случайно попала на мой член. Разговаривать я точно больше не буду.

И всё, даже не ждёт, как отреагируют все на его заявление, сразу разворачивается и идёт к нам с Женей, с таким взглядом, что ясно одно – чья-то голова вот-вот слетит с плеч. Но на удивление, не моя. Он грозно рычит на Рима.

– Ну что, мать вашу, решил всё мирным путём?

Ярываюсь в этот момент, не зная, за кем следить. Хочется понять, о чем говорит Егор, но меня буквально не отпускает взгляд Арса, с которым он медленно отступает. А я ещё раз убеждаюсь, что это не тот добрый и беззаботный

парень, которого знала два года назад. И смотрит он на меня совершенно иначе, точно отслеживает микроскопические движения рядом со мной. Он не играет, не бросается больше вызовами, Арс словно и сам разрывается, как не хочет уходить сейчас. У меня вся грудная клетка затягивается до предела, будто, чем он дальше, тем невыносимей дышать.

– ... не за что... бить... отступил же!

Последнее слово выдёргивает, когда резко перевожу взгляд на Женю, что-то доказывающего Егору, который всё ещё выглядит зверски злым. О чём они говорят? Я подрываюсь к ним в тот момент, когда Кайманов, стиснув челюсть, качает головой.

– Чтобы я еще хоть раз послушал тебя, оратор хренов.

– Что это... – но даже озвучить не успеваю, когда Егор указывает на меня пальцем.

– А ты, – он еще сильнее сжимает зубы, – можешь начинать готовить мне, как минимум, эссе с объяснениями, кто он такой тебе и почему, мать его, он смотрит на меня, как маньяк на свою следующую жертву.

Я захлопываюсь раньше, чем получается возмутиться. Егор не ждёт от меня ответа, тут же разворачивается и машет Удаву, который стоит недалеко, чтобы он шёл за ним, бросая Риму уже на ходу:

– Глаз с неё не спускай, – указывает он Жене.

Наши взгляды с ним сталкиваются, Рим выглядит так, будто и впрямь серьезно накосячил. Да что происходит-то! Я

собираюсь вытрясти с него все ответы, когда к нему подходит Ковальчук и что-то тихо ему говорит. Рим разводит руками в то время, как я обвожу взглядом ближайших людей, уже отходящих в сторону самого трека, когда замечаю так и не ушедшего Арса. Он движется ко мне, и у меня не получается в этот раз погасить бурю вспыхивающего раздражения, сама ускоряю шага, чтобы уже через пару секунд врезать ему по груди.

– Что за представление ты устроил, придурок! – я буквально набрасываюсь на него, хорошенько прикладываясь, как минимум, раза три в удары по его плечу.

Но он даже с места не двигается, не реагирует никак и не думает останавливать. Ниже ко мне нагибается и только уже тогда перехватывает мою руку, чтобы дёрнуть ближе к себе и совершенно холодно и серьёзно отозваться:

– А ты? – я едва не давлюсь возмущением, пока Арс вглядывается в мои глаза так, будто и правда это моя вина, а не его. – Тебя даже это не остановит? Я выиграю, Крис, на этот раз у меня не будет никаких видений призраков прошлого.

– Ох, ты даже не представляешь себе, как я надеюсь, что ты не только увидишь призраков прошлого, но и соберёшь всевозможные ямы и кочки! Чтобы у тебя все колёса, Багиров!..

Арс дёргает меня жёстче, вынуждая замолчать, не смотрит, точно голову мне просверливает, когда тихо и внушительно цедит:

– Да очнись ты, мать твою, Крис! Не понимаешь, что я собираюсь забрать у тебя?

Я раздражаюсь странным смехом, глядя на всё более яростное выражение лица Арса. И это он мне ещё будет говорить?

А потом сама к нему ближе подаюсь, так сладко ему общаясь:

– Ты, похоже, не понял ещё моих методов, Арс. Я всегда хожу первой. Буду ли я ещё девственницей к тому моменту, когда ты достигнешь финиша, м?

Выражение лица Арса – просто подарок. Оно стоит даже того, чтобы действительно пойти и переспать с первым встречным, а потом бросить ему, что ему никогда больше не видать ни одного моего первого раза.

– Ты можешь делать хоть что, Багиров, угрожать, уничтожать, переворачивать весь мой мир. Без разницы, я всё равно буду всегда на шаг впереди тебя. – Мне кажется у меня сейчас затрещат кости, с какой силой Арс сжимает моё запястье, явно намекая, что держится из последних сил и мне лучше замолчать, но я всё равно продолжаю. – А знаешь, кто меня этому научил?

Я вскидываю руку вверх, ту самую, которую он держит в своей. На моей – татуировка, на его – браслет.

– Рогозина...

Но Арс даже не успевает податься вперёд, чтобы грозно прорычать, когда рядом звучит.

– Дистанцию держи, – это говорит Ковальчук, достаточно

вежливо, но с очевидным намёком, что второй раз он таким точно не будет.

Он встаёт прямо около нас.

– Руку её отпусти, а то вы и правда стартануть не успеете, всё решим здесь и сейчас.

Арс переводит взгляд на Серёжу, но и не думает меня отпустить, абсолютно спокойно выдерживая взгляд Коваля и всем видом показывая, что его сейчас ничего не возьмёт. Ковальчук же подаётся ещё ближе, его голос всё ещё без слышимых нот раздражения, но звучит с весом.

– Уже понятно, что она с тобой ехать никуда не хочет, а с девчонки спрос никакой. Даже не проканиает, что она публично до этого согласилась, – Серёжа кивает, как бы призывая его услышать. – А за всё остальное можно и правда кости сломать, если ты сам нарываешься до старта. Сам захотел делать всё это публично.

Серёжа берет мою руку, которую держит Арс, чуть ниже, показывая, что ждёт, когда он её отпустит, но тот не спешит. Его скулы напряжены до предела, когда он переводит на меня взгляд, полный сжигающей меня дотла тьмы.

– Пять минут, принцесса, вот, сколько у тебя времени меня обыграть.

Моя рука оказывается свободна, когда Арс отпускает её и пятится спиной назад, до последнего удерживая мой взгляд, пока сердце размашисто бухает в груди до оглушающего звона в ушах. Но даже когда Багиров отворачивается, направ-

ляясь к треку, оно всё ещё колотится слишком быстро, что тело становится ватным.

Я смотрю на Серёжу, который сам отпускает аккуратную мою руку и бросает на меня такой взгляд, словно и сам не прочь потребовать от меня уже реферат, объясняющий, что здесь сейчас происходило, а потом поворачивается к Риму, который стоит в метре от нас.

– Как только стартанут, Рим, сразу же по газам.

Что?..

Я оборачиваюсь на Женю в то время, когда Серёжа уходит, и смотрю на него непонимающим взглядом.

– Что это значит?

Рим подходит ко мне, морщась так, словно я сморозила какую-то глупость.

– Не думала же ты, что мы ему оставим хоть какую-то возможность ещё раз приблизиться к тебе?

Глава 16. Крис

– Ауч! – восклицает Рим, отстраняя от меня плечо, чтобы второй раз по нему не врезала.

– С двумя?! – по новой требую. – Сразу с двумя? Совсем с ума сошёл!

Я всё ещё в ярости, руки сжимаю, удерживаясь, чтобы не взреветь буквально, после того как мои догадки подтвердились. Арс не сам придумал, что я встречаюсь сразу с ними двумя.

– Я... – Рим морщится, пытаюсь подобрать слова и поглядывая то на меня, то на дорогу, пока мы едем до обозначенного места, где будем ждать парней. – Я не умышленно, ясно? Так получилось. Слово за слово, я просто не стал отрицать его догадки, – пытается мне объяснить, но меня только хлеще недоумение охватывает.

Он просто не стал отрицать... Уму непостижимо. Я почти жалею, что вообще завела этот разговор.

– Зачем вы вообще с ним пошли разговаривать?

Вот, что для меня непонятно. Я даже и не подумала бы, что в тот момент, когда Кайманов отправил меня в кабинет со словами, чтобы держалась подальше от ринга из-за ближайшего боя, они просто от меня таким образом избавились. Вот же! Аж дыхания не хватает, чтобы разом выдать, как возмущена. Мало того, что обо мне и так все думают, что у меня

нет никаких принципов, так теперь ещё и шлюхой оказалась.

– А что надо было сделать? – не отступает Женя, говоря так, точно даже и не жалеет, что всё так получилось. – Какой-то подозрительный тип, который следит за тобой, заявляется к нам в клуб, хватает тебя и лапает, когда ты пытаешься вырваться, и мы должны ему спускать с рук такое поведение? Мы просто его предупредили по-хорошему, чтобы к тебе не подходил, хотя Кай предлагал сразу ноги ему сломать, чтобы больше рядом не тёрся вообще, – объясняет он, а потом словно для себя добавляет: – И что-то я уже сам пожалел, что не послушал его.

А я только головой качаю, до сих пор не веря, что все это прошло мимо меня и тому, с какой безмятежностью рассуждает Женя.

– И это всё из-за того, что он схватил меня? Вы всем будете ноги ломать, кто ко мне приближается?

Женя снова кривится.

– Он следил за тобой, Крис, – повторяет с нажимом, мечая в меня осуждающий взгляд, будто я его удивляю своей непосредственностью, когда наконец вслушиваюсь в это слово.

– Что?

– Следил, говорю. Я заметил его, ещё как только мы выехали на трассу. Станный тип на мотоцикле, притянул внимание. А тут минуты не прошло, как он поехал за нами. Потом напротив клуба увидел, стоял откровенно пялился. И тут мне Кай говорит, что вы его провоцировали днём. Ма-

ло ли, он какой ненормальный? И это я ещё молчу, что за день до этого он сам нарывался на треке. Может это месть какая, ещё что... Кто, мать его, знает, что у него ну уме с такими выходками? Может Егор когда с его девчонкой переспал, увидел тебя с ним и решил отыграться. Да вариантов множество, Крис.

Множество, бесспорно. А настоящего, слава богу, никто не знает. Но теперь мне понятно, с чего вдруг Егор сам приехал за мной. Почему раздумывал над нашими отношениями...

Господибожемой. Это какой-то бред уже. Прячу лицо в ладони и откидываюсь на сидение, пытаюсь всё уложить в голове.

Следил. Арс следил за мной. И об этом скоро узнает Яр... Всё, это конец.

Чувствую, что машина останавливается, а следом слышу тиканье аварийки, но не спешу открывать глаза. Что дальше то будет...

– Эййй, – тянет Женя мягко, – Крис? Не хочешь поговорить со мной, что происходит?

Я качаю головой. И дело не в моём сопротивлении, всё зашло слишком далеко. Моя ложь. Я втянула в это Егора, который сейчас отдувается за меня на треке. Женя, Серёжа... они все за меня так заступаются, но даже и не догадываются, что меня есть, за что ненавидеть Арсу. Это моя ложь, моя глупость, мои чертовы чувства, – это всё я заварила и про-

должаю усугублять.

– Если Егор проиграет, он меня убьёт, – выдаю тихо и безнадёжно.

Что будет, когда вся правда вскроется? Как они на меня потом будут смотреть? Я потеряю самое лучшее, что у меня есть.

Они узнают, что я посадила невиновного человека. Они узнают про мой телефон.

Я снова прячу лицо в ладони, сжаться так хочется и... да, впервые – действительно впервые за долгое-долгое время – разреветься. Просто от одного представления, что я сама виновата в том, что никого не останется.

– Крис, – на мою спину ложится ладонь, голос Жени слишком заботлив, что в очередной раз только волной новой подкатывает пытающихся задушить эмоциями слёз.

Я не заслуживаю всего, что для меня они сделали сегодня.

– Ты меня пугаешь, Кристин, – напряжённо выдаёт Рим, – поговори со мной.

Снова качаю головой и на тяжёлом выдохе наконец открываю глаза. На Женю смотрю, он выглядит встревоженным, но будет ли он так смотреть, когда вскроется правда?

– Нет, всё в порядке, – набираю полную грудь воздуха и кладу ладонь поверх его руки, заглядывая в глаза. – Вы должны забыть о нём, хорошо? Это только между ним и мной. И у меня ситуация на самом деле под контролем, – пытаюсь заверить его, но Женя только хмурится и сердится.

– Я заметил, – кидает сарказмом. – Особенно в тот момент, когда он поставил тебя на кон. Нет, девочка, прости, но это полный залёт.

– Потому что он знал, что я куплюсь на это, – продолжаю стоять на своём. Сама ведь это сейчас понимаю. Арс просто знал, на что нажать. Приходится говорить правду и признавать свои ошибки, но я уже усвоила, что лучше так, чем доводить до сегодняшней ситуации. – И не прогадал. А я совершила ошибку, что втянула Егора, ответила сегодня за него. Я должна была его послать, вот и всё, тогда бы Егор не участвовал ни в какой гонке.

Рим не может не признать, что говорю разумные вещи, но он всё равно со мной не согласен.

– Да без разницы, Крис, кто виноват, это не отменит того, что тебя трогать никому нельзя. Думаешь, мы все такие белые и пушистые? Возьми того же Кайманова, когда он не нарывался на проблемы? Да и сейчас, вообще-то он отдувается за свой косяк, нечего было спать с нашей администраторшей, – говорит Женя, а я хмурюсь, пытаюсь понять, про кого именно он говорит. – Вообще, девяносто процентов проблем Егора, что он вечно спит не с теми девицами, а потом заявляются их парни... – тут Рим качает головой, – в общем, Крис, гонка у Егора так и так бы была, так что, если он проиграет тачку, то он ее проиграет из-за себя. А то, что этот парень откровенно нарывается, дураку понятно, и надо что-то с этим решать, – вновь возвращается Женя к теме Арса, и

пусть мне несколько легче, после его слов, всё равно упёрто качаю головой.

– Пока что не надо, – снова прошу. – Хотя бы дайте мне время самой всё решить.

– А если...

– Не если, – не даю ему вставить. – В противном случае, сразу же позвоню Яру. – Женя не выглядит убежденным, и тогда я добавляю то, что делаю очень редко, потому что всегда выполняю: – Обещаю. Если он зайдёт слишком далеко или будет угрожать реальная опасность, я всё расскажу Яру.

Наши лица подсвечивают фары, подъехавшего автомобиля, затем второго. Это парни, а Женя всё ещё смотрит на меня с сомнением.

– Пожалуйста, – прошу его, что тоже делаю обычно в самом крайнем случае, и он наконец соглашается.

– Сразу же, Крис, – предупреждает Рим, прежде чем выйти из машины.

А когда я выхожу, тут же догадываюсь по мрачности лица Егора исход заезда.

Он проиграл.

Стараюсь не подавать вида, что меня это волнует, становясь рядом с Женей. Егор садится на капот, Ковальчук тоже устраивается рядом, и оба смотрят на меня.

– Объяснишь, что это было? – спрашивает меня Кайманов. – А то я первый раз видел, чтобы так злились, выигрывая тачку. Вот друг его радовался, а этот... – Егор обводит

взглядом тёмную трассу, явно выражая, что не знает, как подобрать слов. Мы стоим у поворота на наш посёлок, ночь глубокая, а я даже во тьме вижу с каким напором смотрит на меня он. – Может всё-таки уже поговорим?

Если бы я ещё знала, что сказать.

– Это... – пытаюсь начать, когда Женя забирает всё самое сложное на себя.

– Потом всё расскажу, – выступает он за меня, хотя и взгляд такой бросает, будто берет с меня обещания, что ему не придётся об этом пожалеть.

– Опять надумал что-то умное, Наполеон? – подстёбывает Рима Егор.

Он всегда так делает, когда пытается его разозлить, потому что Женю обычно очень сложно вывести из себя. Не то чтобы это вообще советовалось делать.

– Катись к черту, придурок, – отбивает Женя спокойно, и Кайманов усмехается.

Он и правда не выглядит расстроенным проигрышу, однако, когда заостряет свой взгляд на мне, подозрение снова захватывает его глаза.

– Что бы ни происходило, Крис, это так и так вскрыется, и нам бы не помешало знать это прежде, чем оно шмальнет, – говорит он, показывая, что понимает, что Рим прикрыл меня. – И это я ещё молчу, что будет с тобой, когда Яр обо всём узнает на треке, а не от тебя. Так что, подумай хорошо, хочешь ли ты его так злить или нет. – А потом поднимается,

делая вид, что ничего такого и не произошло. – Ты с Римом или со мной домой? – спрашивает меня.

Я выбираю Женю, Егор с Серёжей сразу куда-то едут, бросая Жене, что ждут его, после того, как он отвезёт меня, и мы с ним садимся в машину.

Рим заводит двигатель.

– Не заставляй меня только пожалеть об этом, – просит он, и я снова обещаю ему, что обязательно дам знать, если что-то пойдёт не так.

Дорогой мы особо не разговариваем. И это отличная возможность уже начать разрабатывать план. Думать и думать, что делать, но в голове ни одной лишней мысли не умещается.

Я просто устала от этих эмоциональных атак. Устала от постоянной нужды подавлять чувства. Устала от того хаоса, что принёс в мою жизнь с собой Багиров.

У меня всё было под идеальным контролем, а тут сам его вид заставляет по новой терять голову и «тихо» страдать, обманывая не только окружающих, но и саму себя, что мне совсем не больно...

Больно. Ещё как больно.

Перекидываю через плечо маленькую сумочку и, прощаясь, выхожу из машины. Сразу домой не захожу, несколько мгновений жду, пока Женя разворачивается и уезжает, а потом смотрю на окна соседского дома. Если бы Ева сейчас не спала, я бы попросилась к ней.

Не хочу сейчас приходить в пустой дом и всю ночь сходить с ума от мыслей. Сомневаюсь я, что сегодня усну. Но окна Евы тёмные, завтра ей, как и мне, на учебу, и об этом стоит начать переживать уже сейчас.

Черт бы побрал, мою упёртость... Надо же было так влюбиться в парня, что до сих пор при нём теряю здравые мысли, каким бы мудаком он ни был.

Достаю из сумки ключи и открываю калитку, защёлкиваю за собой, поворачиваясь, а в следующую секунду моё горло разрывает застревающий в нём крик. Ладонь рот накрывает, не давая прорваться и звуку, когда спина ударяется о твёрдую грудь, а около уха звучит пробирающий до дрожи голос:

– И что же ты будешь делать без своих церберов, принцесса?

Глава 17. Крис

У меня сердце сейчас грудь проломит, насколько мощно колотится. Ухает так, что первые секунды, кроме разносящейся от ударов пульсации, ничего фиксировать не могу.

Я знаю, что это Арс. Понимаю мгновенно, и всё равно пространство вокруг каким-то острым и слишком насыщенным кажется. Медленно поворачиваю голову влево, до дрожи ощущая, как мимолётно, точно крошечными ударами тока мажет его ладонь по моему подбородку.

Арс смотрит на меня с высоты своего роста из-под опущенных век, а я его взгляд вижу, и сердце наконец останавливается. Замирает буквально и грудь разрядом пронизывается.

– Совсем с ума сошёл? – выдаю полушёпотом, задушено очень, словно нечем дышать.

Криком бы надо да возмущением, но если бы это был ещё вопрос с моей стороны. Потому что ответ мне не требуется, он в его глазах опасным чем-то горит.

– Страшно? – спрашивает спокойно и как ни в чем не бывало, а я головой тихонько качаю.

На самом же деле... меня воздух словно кусает и колет, сколько тело источает адреналина. Трясёт всю, хотя и не холодно. Мне жарко. От Арса, прижимающего к себе. Его кожа предплечий такая горячая в сравнении с моей. И током,

меня всё ещё бьёт током даже от самых микроскопических соприкосновений с ней.

Я ведь всё понимаю... но кричать, биться, вырываться и убежать – ничего из этого тело не активирует. Не знаю, почему. Может сама хочу узнать, насколько далеко это зайдёт? Может просто не хочу убежать, потому что завтра придётся просыпаться и снова бежать. А я так не умею.

– А стоило бы, – Арс резко разворачивает меня к себе лицом, точно безвольную куклу, но я даже в этом не сопротивляюсь, смотрю только во все глаза на него. Мне почему-то до ужаса важно, что выражает его лицо, но оно абсолютно пустое, когда он двумя пальцами поддевает мой подбородок. Сам всю осматривает, когда говорит: – Ты проиграла, принцесса.

Моё сердце превращается в шар и мигом сжимается.

– Пришёл, забрать свой первый раз? – спрашиваю и удивляюсь тому, как обычно звучит мой голос.

Я будто не отдаю себя сейчас ему, будто меня не пронизывает ничем ледяным от этих слов. Будто мне совсем без разницы, что единственный парень, которого до сих пор держу в своём сердце, собирается обойтись со мной, как с игрушкой.

Самое удивительное, я ведь даже не притворяюсь в этот момент. Я просто хочу, чтобы Арс моё сердце уже уничтожил, хочу, чтобы покинул его и перестал ежедневно в нём ощущаться. Точно маленький, забытый хирургом осколок, который пытался его сшить, после него, а сейчас колющий

каждый раз при его виде. Оно же кровоточит ежесекундно. И я не могу это игнорировать больше. Мне кричать хочется, чтобы его вынули наконец.

Арс всё ещё разглядывает моё лицо. Сосредоточено так, будто запомнить пытается. Или же, напротив, ищет хоть что-то, что ещё помнит.

– Тебе ведь ничего не стоит меня остановить, знаешь же? – спрашивает он, а я понять не могу, надеется он на это или на то, чтобы я это не делала.

Но в любом случае я киваю.

– Знаю.

Арс вглядывается в мои глаза, с силой какой-то, будто пытается проникнуть в меня.

– Тогда почему не останавливаешь?

Потому что не умею сдаваться. Потому что он доказал мне, что я не отдаю отчета своим действиям. Потому что открыл мне глаза, как далеко я захожу. Потому что, когда сидела у Жени в машине, мне впервые стало страшно всё потерять. А единственный выход – просить его отступить. Сжалиться надо мной, а это ещё страшнее, чем остаться одной.

– Потому что ты выиграл.

На лице Арса отображается мука, он подаётся ниже ко мне, его руки сжимаются на моей спине, когда плотнее придавливает к своему твёрдому телу.

– Пару слов, Крис, просто каких-то пару чертовых слов, – надавливает он, но я лишь качаю головой.

Дышу только всё чаще, синхронно дыханию Арса.

– Крис, – я снова и снова качаю головой, а потом вздрагиваю, когда он с рычанием на меня подаётся. – Скажи их! Ну?!

Но отступить не даёт, его руки за поясом юбки оказываются, давят на поясницу, когда он дёргает на себя. К паху своему придавливает, а я вся буквально сжимаюсь, за футболку его цепляюсь, но все равно продолжаю упёрто качать головой, даже если уже его буравящий мощью взгляд выдерживаю из последних сил.

Арс и так уже, как зверь разъярённый, дышит. Ещё мгновение, сорвётся же, знаю, по глазам вижу, но решаю сама обрезать последнюю нить.

– Не скажу, – заверяю его окончательно и тут же вздрагиваю вся.

Арс затылок обхватывает, а я глаза закрываю, зажмуриваюсь, уже готовая к тому, что произойдёт в следующее мгновение, а сама разбиваюсь буквально, когда его губы замирают перед моими. Арс лбом к моему приникает, его дыхание ударяется об мой рот. Под ладонью так его сердце колотится, что даже моё не успевает за ним.

– Что ж ты за человек такой нереальный, Рогозина, – говорит он с отчаянием, и его губы задевают мои при каждом озвученном слове: – Ты же можешь просто соврать, чтобы остановить меня.

Я всё ещё глаза не могу открыть, страшно его взгляд уви-

деть и одновременно показать ему, что творится в моём.

– Но ты же их услышишь, Багиров, – тихим шёпотом выдаю. – А сам ты не хочешь, чтобы я тебя останавливала.

Знаю. Чувствую своим телом. И сама от этого ощущения распадаюсь буквально. Низ живота затягивает до сладко-мучительной боли.

– Ты даже не представляешь себе, насколько, принцесса. Сам уже не понимаю, зачем тебя прошу отступить, – горячо и хрипло шепчет у моего рта, продолжая губами мои задевать. Его нижняя скользит по верхней моей. – Ты же, как чертово затмение, Рогозина.

Я хочу, чтобы Арс грубым был со мной и жестоким, а он буквально дышит моих дыханием, держит так в своих руках, как что-то бесценное очень, что хочет сжать и в тот же момент боится разбить.

Возможно, тогда бы смогла промолчать, но сейчас я точно в одном шаге от пика, только и ожидающая, когда его губы уже прижмутся к моим.

– Раньше ты говорил, что я – солнце, – произношу сожалеюще.

Мне так не хватает, чтобы он снова смотрел на меня этим взглядом, будто я для него самое сокровенное.

Его большой палец проходится по моей скуле.

– Это потому, что я тогда ещё не распробовал тебя, – говорит Арс, прежде чем его губы смыкаются на верхней моей, тянет чуть на себя, а следом касается её языком. Меня дро-

жью пронизывает и стон срывается слишком мучительный и откровенно молящий. Арс сильнее надавливает на мою поясницу, ещё теснее прижимая к себе. – А вот теперь на все сто процентов уверен, что ты – настоящая тьма.

Ещё одно сумасводящее мгновение, дыхание, разбивающееся друг о друга, а потом... я умираю буквально. Арс так сладко целует меня, что в груди расцветает невыразимое чувство, наполняющее её до предела. Сама с ним срываюсь, ладонь поднимается ему на затылок. Вниз тяну к себе, когда Арс начинает идти на меня, пока его тело не прижимает моё к забору. Он поцелуй углубляет и в волосы мои под хвост зарывается, оттягивает назад, заставляя в шее прогнуться. Его язык ласкает мой с томительным упоением, он точно душу из меня с наслаждением выпивает, словно она не пропитана ядом всех моих грехов и проступков, а всё ещё самая светлая и прекрасная для него.

А потом Арс делает то, что заставляет моё сердце по новой обрести крылья: стягивает аккуратно резинку, а я и, не открывая глаза, могу почувствовать, как он над моей головой надевает на своё запястье, прежде чем обеими ладонями распустить волосы и взять в них моё лицо.

– Чем на этот раз тебе не угодила моя резинка? – не могу удержаться от вопроса.

Может я просто хочу убедиться, что он это делает не по привычке, а на все сто процентов осознанно.

Арс продолжает прихватывать и терзать мои губы, даже

когда отвечает:

– Перестраховка. В твоих руках даже воздух может обратиться оружием, – а потом отстраняется совсем немного, взглядом обводит лицо, качая головой: – Весь мозг же мне проела, Рогозина.

Его губы возвращаются к моим, размыкает их и снова, и снова ласкает их языком.

– Зачем тогда целуешь?

Глаза Арса открыты, их застилает мягкая поволока, пока он из-под тяжёлых век наблюдает за своими действиями и как раз за разом подчиняются ему мои губы.

– По той же причине, по которой ты отвечаешь.

– Сам сказал, что я – отравка, – мои слова прерываются на секунду, когда мой языке сплетается с его, – может я хочу, чтобы ты умер от передозировки.

Я сама не знаю, шутка это или чистая правда, но когда Арс прерывается и смотрит в мои глаза, его взгляд абсолютно серьёзный.

– Тогда я хочу, чтобы ты умерла подо мной.

Несколько мгновений мы смотрим друг другу в глаза, будто оба испытываем одну и ту же с ним боль, прежде чем я не перевожу всё в шутку:

– От скуки?

На это уже Арс усмехается.

– Не провоцируй, принцесса, эта картина и так теперь не покидает моих мыслей.

Ох, если бы я ещё умела молчать, когда это действительно нужно.

– Как я засыпаю под тобой? – и ведь получается абсолютно серьёзно, но не могу удержаться от улыбки, когда она же сходит с губ Арса.

Он заостряет взгляд.

– Ладно, поиграем по-твоему.

Я не сразу понимаю, что это значит и почему его глаза зажигаются таким откровенным азартом, но уже в следующую секунду Арс дёргает меня на себя, чуть от земли поднимает, чтобы уже через несколько мгновений уложить меня на газон, оказываясь прямо между моих ног. И так ярко улыбается, нависая надо мной, с явным наслаждением оценивая реакцию на моём лице, что я качаю головой, спеша развеять его самодовольствие.

– Мой брат тебя убьёт, если застанет нас так, – предупреждаю честно. – Кстати, он может оказаться дома в любое мгновение.

Но Арса это совсем не пугает, он всё ещё бродит взглядом по моему лицу.

– Мне терять нечего, я уже получил свою передозировку, поэтому останавливаться точно не собираюсь.

У меня ёкает сердце, но не от страха, от тона голоса Арса, будто он и правда на что-то давно обречён.

– Заберёшь выигрыш? – мой голос наполнен волнением, но и это далеко не по тому, что боюсь его ответа.

Его ладонь гладит моё бедро.

– Заберу, – отвечает он абсолютно серьёзно, – всё ещё не надумала меня остановить?

Не надумала, я вообще больше не знаю, зачем мне его останавливать.

– Мне начинать зевать?

По губам Арса скользит маленькая ухмылка, когда он качает головой, прежде чем подаётся вниз, зависая прямо над моими губами.

– Помнишь, я сказал, в чем твоя проблема? – спрашивает он, но не осуждающе, как в прошлый раз, а нежно и даже смиренно. – Ты не умеешь останавливаться, Крис, когда это действительно нужно, но... – его кончик носа скользит вдоль моей скулы, а меня вновь и вновь дрожью бьёт от его действий. Дышу шатко, рывками, сжимая со всех сил ткань футболки на его плечах. – Это умею делать я. – Арс возвращается к моим губам и смотрит в глаза. – Ты сама назовёшь любой свой первый раз, который отдашь мне.

Глава 18. Арс

Блть, что за...

В упор смотрю на Крис, пытаюсь понять, что это значит.

Нет, то есть, я не дурак, и мозг хоть и спален до состояния полной непригодности, видимо, нет-нет, да остаточные функции ещё выдаёт, подсказывая, что её пальцы у моего рта, которыми она останавливает меня, наспех подсовывая ладонь, от следующего поцелуя, означают, что она не хочет его.

Но... я повторюсь: что за?..

Я не планировал останавливаться.

Да ладно, я не просто не планировал останавливаться, я этого не могу.

Хоть убейте, серьёзно.

Пятница – вот, когда мой мозг попал в этот «пожар», под названием «я хочу её рот».

Постоянно, мать его.

Когда Крис молчит, я забываю о том, почему так часто смотрю на её шею.

Хотя... то ещё «заливало». Я просто его хочу.

Она сейчас совершенно другая, не источает вообще никакого яда, а я хочу его только больше и больше.

Её хочу. Всю. И делать с ней всё, что только можно и нельзя.

Честное слово, мне пришлось сегодня доставать из себя всю правильность, что вообще во мне есть, чтобы не воспользоваться ситуацией.

Я знал, что она будет стоять до конца. Но я не знал, как далеко готов зайти сам. Потому что попёрся я сюда точно не для того, чтобы продолжать ей внушать, как далеко она заходит.

Меня, блть, тьма какая-то накрыла с того момента, когда она заявила мне, что лишится девственности только, чтобы мне её не отдавать. Так, мать его, вышибло разум, что плевать я хотел на всё. На друга, которому головой ручился, что так и так выиграю гонку, на саму гонку и что будет, если я прилюдно её скручу и куда-нибудь утащу. Абсолютно на всё, кроме понимания, что она это реально может сделать просто назло мне.

Не заметил даже, как на финише оказался, оно всё чистой яростью управлялось, одно только видел, как уже забираю её, и тут – просто финал – да я в принципе ещё ни разу в жизни не ощущал, как мой мозг буквально взрывается.

А мне даже не хотелось ничего разносить впервые. Какое-то внешнее спокойствие странное накрыло – я знал свою цель. Минуты не прошло, как я отдал ключи Дэну, бросил этому торчку с их стороны, отвечающего за доки, что тачку заберёт тот, кому она и была обещана с самого начала, если Дэн уступит мне гонку, а я уже выехал с трека.

Я не знал, что буду делать. Понимал, что её сейчас будут

охранять похлеще «Британской короны» и не дадут к ней подобраться, и всё равно ехал. Готов был до утра её караулить, пока она на учебу уже не отправится, а тут само по себе попал на хвост этой Бэхи. Они в сторону трассы сломали, а я через район поехал, думал дам себе время остыть хоть немного, пока мои глаза не наткнулись на автосервис перед второй дорогой на их посёлок. Тот самый, где мы последний раз были с ней.

И сделал я только основательно хуже, когда картины все прошлого разом всплыли перед глазами.

Я «лицом в пол» лежал, в руке – объяснение, почему меня скручивают, а единственное, о чем думал, где, мать вашу, она.

В отделение ехал, знал, за что, а всё думал и думал. Да мне в цвет следак кидал, что я сделал якобы с ней, а я всё ещё пытался понять, где она.

Пока её не увидел собственными глазами. Самое *бучее, я помню то ощущение. Я её ненавидел. Я её так, мать его, ненавидел. А сам только и думал: она, блть, дрожит.

Стоит беззащитная и разбитая. Глаза эти, будто вот-вот и заплачет. В них, мать его, боли было столько, что меня синхронно вместе с ней только так скручивало от неё.

Игра. Игра же, блть, уже очевидно! А я... всё ещё хочу от всего мира её защитить.

И сейчас ни хрена не меняется. Я, блть, даже не понимаю, как по новой на этот крючок подсаживаюсь. Одно мгнове-

ние я уверен, что сейчас то уж точно глаза закрою на все дебилские принципы и сдам её по полной программе, а Рогозина рот открывает, сама себе роет могилу, а у меня, блть, инстинктом срабатывает, что и не осознаю, как из кабинета вытаскиваю, пытаюсь защитить даже от самой себя.

А она стоит – стоит, мать вашу! – до последнего на своём. Встряхнуть так хорошенько хотелось, чтоб, блть, глаза уже открыла, что ни хрена это всё ненормально. Не зарывают люди сами себя так. Хоть какой-то ведь должен присутствовать инстинкт самосохранения? Я её сдать не могу, а она это делает просто назло мне!

Мне!

Кто молиться на неё готов был два года назад. Встречается хрен пойми с кем, сразу с двумя! Но при этом упорно отказывается просто даже уехать со мной!

Что, мать вашу, я сделал в прошлой жизни не так, что в этой именно моему мозгу досталось так помешаться на Крис?

Я её уничтожить хотел сегодня. До последнего собирался идти. Никаких, мать вашу, граней. Похрену, какие черты уже переходил, светясь на всех камерах и забираясь к ней в дом.

Даже не думал, что с матерью будет, если меня снова загребут за Рогозину.

Выпотрошила же всего. Я два года, после неё, живу с двумя функциями: другу долг отдать и для матери сделать всё возможное, что она даже будучи, ежедневно борющейся за

свою жизнь, вынуждена закрывать глаза на поступки этого уродя, зовущегося моим отцом.

Я, блть, даже на секунду удовольствие какое-то испытал, когда увидел Рогозину такой надломленной и уязвимой. Неживая какая-то была, обреченная...

И всё равно не сдавалась!

Притом мы оба с ней знали, что если я так с ней поступлю, это сломает её. Видел, как каждое мое предложение отступить ей наносило удар.

И я мог её сегодня уничтожить. Взять её и посмотреть, как эта девчонка буквально ломается именно подо мной. Она бы не отступила, знал же. А добивал, пока основательно не почувствовал, что удовольствие уже давно заменяет воронка отвратная. Но я и через это пёр, игнорировал, что сам себя вместе с ней зарывал, пока тошно от самого себя не стало.

Она сжалась, а я вдруг понял, что единственная девушка, которую любил, рассыпается в моих руках, а я их только плотнее сжимаю, пользуясь и упиваясь тем, что она и сама знает, как глубоко хоронят её долбаные принципы, а перешагнуть через них сильнее её.

А она ведь даже не виновата, что я в неё влюбился тогда.

Не она виновата, что я по-прежнему с ума схожу от того, как она ощущается в моих руках.

Что постоянно хочу её.

Что от запаха её дурею и никак не могу надышаться им.

Что ревную, как одержимый.

Что хочу знать каждую минуту её жизни.

Что торчу в клубе, не способный уйти и оставить с другими, когда в то же время моей матери становится плохо, а врача ей вызывает Дана вместо меня.

Что до сих пор оторваться от неё не могу, обманывая самого себя, что меня пробирает зло не от того, как она поступила, а что не осталась со мной.

Это я её преследую и не даю жизни. Это я споры какие-то развожу. Я как обиженный малолетка забираю у неё то, что сам отдал, и бешусь просто от того, что до сих пор носит мой браслет, а сама уже не моя. Я не могу справиться с собственными желаниями, а отыгрываюсь на девчонке.

За то, что до сих пор только ей дышать и хочу, что вкус её сводит с ума...

И так, блть, как грёбаный нарик расстояния не мог никак увеличить, она ещё про «солнце» напомнила, голосом этим... Всё, разбила ж к чертям основательно.

В одно мгновение стало без разницы абсолютно на всё, я просто захотел по новой в ней утонуть. Похеру стало, что будет то будет.

Думал, оттолкнет, так оттолкнет, силой бы я её точно больше целовать не стал. Я на неё дышать то боялся, насколько казалась мне уязвимой. А тут... сам не поверил, но как будто моя.

Моя девочка, которой её знал.

Всё ещё сладкая, нежная и игривая. У Крис в глазах это

что-то разом меняется, я это в клубе тоже в ней видел. Даже когда с бугаем со своим сидела, может быть именно по этой причине ни хрена не смог утащить себя от неё. Ревновал до безумия, а тут увидел, что и со мной такая, скачками, и всё же я кайфовал даже от мимолётных секунд.

А вот сейчас как будто снова что-то не так, у Крис в глазах какая-то боль вновь появляется, а я никак не могу понять, с чем она связана.

Признался ей буквально, что готов играть по её правилам, лишь бы подольше со мной такой оставалась, а она смотрит на меня так, будто я какую-то черту перешёл.

– Сам сказал, чтобы я назвала любой первый раз, который отдам, – отзывается Крис на мой непонимающий взгляд, но не игриво, как это делала, когда провоцировала меня пару минут назад, а холодно и серьёзно, заставляя меня загрузиться, что я снова сделал не так. – Парня я от поцелуя ещё не останавливала. Считай, будешь первым.

Я и так был им. Но только два года назад, когда она не дала себя поцеловать первый раз. Не то чтобы ситуации походили, но то, как она это сказала, я могу опровергнуть её заявление. Но... черт, обвожу её взглядом, волосы её рассыпавшиеся, глаза такие нежные, и моя ладонь у неё под юбкой – я не хочу с этим прощаться сейчас. Не готов, если будет угодно. Но и надавливать я тоже на неё не могу. Не сейчас. И всё же не удерживаюсь и прикусываю её пальчики, чтобы хоть куда-то вложить своё разочарование, что больше не коснусь сегодня

её губ, прежде чем встать, поднимая Крис за собой.

А она и секунды не ждёт, чтобы развернуться и пойти в сторону крыльца.

Да что за...

Я перехватываю её за запястье и возвращаю в свои руки.

– Я не говорил, что сразу же отпущу, – отвечаю сразу, как только встречаю её возмущённый взгляд, стоит обратно прижать к себе.

– Будешь силой держать?

Лбом в её упираюсь, пусть по глазам видит, что серьёзен.

– Буду, – говорю честно.

И мне без разницы, как это выглядит. Я просто не могу её сейчас отпустить. Целовать её нельзя, понял. Но обнимать себя она не запрещала, а я реально не готов с этим проститься. Никак насытиться ей не могу. А завтра уже не получится. Мой мозг встанет на место, Крис обрастёт шипами, не подпустит больше к себе. Я же хочу упиться ей, пока она такая нежная и хрупкая. Мог бы, на паузу этот день поставил, честное слово, чтобы завтра вообще не наступало никогда.

С ней хочу остаться. С такой. С моей сладкой девочкой.

Вот только, кажется, я снова совершаю какую-то ошибку, глаза Крис основательно пропитываются обидой и болью, а я никак не могу догнать, что ж, блть, делаю то не так?

– Ты сам решил быть хорошим и не забирать свой выигрыш, – её голос натянут до стали, тут и дураку будет понятно, что она это делает специально, потому что слышно, как

он оседает местами до дрожи, что мне даже отпустить её хочется, будто я прямо в этот момент делаю ей что-то плохое. — Так что, если не передумал и не собираешься забирать мою девственность, уходи, Арс. На этот мы и закончим.

Ладно... не то чтобы я это не заслужил. Заслужил ещё как. Просто я не понимаю, почему она тогда вообще позволяла себя целовать. Почему она была другая. Всё осматриваю её лицо, но Крис больше на меня даже взгляд не поднимает. Вниз его упирает, вижу, как дрожат её скулы от напряжения. Создаётся ощущение, что ей причиняет боль то, что её обнимаю. Но даже при этом я даю себе ещё несколько секунд. Зажмуриваюсь, пытаюсь запомнить, как она ощущается, прежде чем прижаться губами к её виску.

— Не заигрывайся, Крис, — это не угроза с моей стороны, чистая правда, потому что мне просто от неё уйти сложно, что говорить, если она продолжит меня провоцировать? — Я не настолько хороший, чтобы постоянно отказываться от того, чего пздц как хочу.

А когда она всё же поднимает на меня поблёскивающий от полной разбитости взгляд, подмигиваю ей. Просто, потому что так делал всегда, когда уходил от неё и никак не могу проститься с этой привычкой.

Выхожу тем же способом, что и пришёл, хотя мог бы и внаглую через калитку, но мне и это сейчас кажется перебором. А когда оказываюсь по ту сторону забора, тупо стою и смотрю на её дом. Я не понимаю, что с ней происходит. Не

понимаю, почему получается поймать в ней девушку, которую любил. И не понимаю, почему она иногда смотрит на меня так, будто причинил ей невероятную боль. Но точно знаю, что хочу это выяснить.

Глава 19. Арс

– Что читаешь?

Резко нажимаю на блокировку телефона, едва не пойманный с поличным, когда Дана появляется из ниоткуда сразу же за моей спиной. В плечи мои упирается и нависает, заглядывая, но там уже чёрный экран.

– Ничего особенного, – только так заливаю.

С другой стороны, это как посмотреть. Я не читаю, а просто смотрю, потому что никак не могу решить, готов это сделать или нет, но там... там точно много особенного.

По крайней мере, я так думаю. Догадываюсь, потому что видел только название папок. И одна из них не даёт мне покоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.